Б 13 3/82

Многоуважаемому
Петру Ивановичу
Щукину
от

О князьяхъ Хованскихъ.

Т. к. ш.

Гербу Китавровъ князей Римскихъ... князь Витенъ нача княжити надъ Литвою, измысли себѣ гербъ и всему княжеству Литовскому печать, рыцарь збройный на конѣ съ мечемъ, еже нынѣ наричутъ погоня.

Ипатьевская лѣтопись, 1278 года.

Графъ Павелъ Шереметевъ.

МОСКВА.

О князьяхъ Хованскихъ.

...Гербу Китавровъ князей Римскихъ... князь Витенъ нача княжити надъ Литвою, измысли себѣ гербъ и всему княжеству Литовскому печать, рыцарь збройный на конѣ съ мечемъ, еже нынѣ наричутъ погоня.

Ипатьевская лѣтопись, 1278 года.

Графъ Павелъ Шереметевъ.

МОСКВА.

МУЗЕЙ П. И. ЩУКИНА.

Т—во „Печатня С. П. Яковлева“. Петровка, Салтыковскій пер., д. Т—ва, № 9.

О князьяхъ Хованскихъ.

Передо мной опять выходятъ люди
Уже давно покинувшіе міръ.
Пушкинъ.

Изъ родословій потомковъ Гедимина едва ли не менѣе другихъ вполнѣ ясно родословіе старѣйшихъ изъ Гедиминовичей, князей Хованскихъ. Бархатная книга доводитъ ихъ родословіе до конца XVII столѣтія, дальнѣйшія же данныя въ родословныхъ книгахъ князя П. Долгорукова и П. Н. Петрова грѣшатъ ошибками. Въ родословныхъ таблицахъ, приложенныхъ къ прошеніямъ нѣсколькихъ князей Хованскихъ, представленныхъ въ концѣ XVIII и началѣ XIX столѣтій въ Московское Дворянское Депутатское Собраніе, также встрѣчаются ошибки; поэтому полная и точная родословная князей Хованскихъ еще ждетъ своего составителя.

Вмѣстѣ съ нынѣ существующими князьями Голицыными и Куракинами, а также угасшими родами князей Корецкихъ и Щенятевыхъ, Хованскіе происходятъ отъ Наримунда, князя Пинскаго и Мозырскаго [1], второго сына Гедимина [2], старшій сынъ котораго Гензадавидъ былъ бездѣтенъ. Наримундъ же, по словамъ лѣтописи, будучи тѣснимъ братомъ своимъ Ольгердомъ, попалъ въ орду къ татарамъ, откуда его выкупилъ Московскій князь Иванъ Даниловичъ Калита, посадившій его въ Новгородѣ „на пригороды“, почему крестившись и получивъ имя Глѣба, онъ сталъ княземъ Ладожскимъ и Корельскимъ. Во время битвы съ рыцарями ордена Меченосцевъ въ 1348 году онъ утонулъ въ рѣкѣ Стравѣ. Сынъ его князь Патрикѣй, изгнанный съ Звенигород-

[1] Мозырь, на р. Припяти гнѣздо Хованскихъ, Голицыныхъ и Куракиныхъ славится знаменитыми соловьями.

[1] Въ родословной князей Полоцкихъ и Литовскихъ, находящейся въ бархатной и другихъ родословныхъ книгахъ, показано, что „сей Идиманъ или Едиманъ происшелъ отъ Россійскаго Великаго Князя Владиміра Святославовича, который крести Русскую землю и посади сына своего Изъяслава на Полоцкѣ, отъ коего пошли князья Полоцкіе и Литовскіе“. Арх. Моск. Двор. Деп. Собр. № 65 доказательства о дворянствѣ кн. Хованскихъ 1793.

скаго своего удѣла на Днѣстрѣ, прибылъ въ Новгородъ съ двумя сыновьями Ѳедоромъ и Юрьемъ, а въ 1408 году перекочевалъ въ Москву. Здѣсь, за второго его сына, князь Юрія, выдалъ свою дочь княжну Анну, Великій Князь Василій Дмитріевичъ. Отъ этого Юрія произошелъ родной внукъ его, князь Василій Патрикѣевъ Косой, знаменитый инокъ Вассіанъ, а отъ другаго сына Юрія, князя Василія, произошли: Иванъ Булгакъ и два его сына Михаилъ Голица, родоначальникъ Голицыныхъ и Андрей Курака, родоначальникъ Куракиныхъ; другой сынъ Василія Юрьевича, Данила Щеня былъ родоначальникомъ угасшихъ князей Щенятевыхъ. Отъ того же князя Ѳедора Патрикѣевича, старшаго сына князя Патрикѣя, внука Наримунда-Глѣба, пошли князья Хованскіе.

Гербъ Хованскихъ таковъ: щитъ, раздѣленный на четыре части, имѣетъ въ серединѣ малый щитокъ, въ коемъ изображенъ гербъ Литовскій, то есть въ красномъ полѣ скачущій на бѣломъ конѣ воинъ съ подъятымъ въ верхъ мечомъ, такъ называемый „погонь литовскій“. Въ первой и четвертой части, въ красномъ же полѣ, два бѣлыхъ одноглавыхъ орла; во второй и третьей части въ серебряномъ полѣ два обитыхъ малиновымъ цвѣтомъ кресла; по сторонамъ крестообразно державный жезлъ и длинный крестъ; надъ кресломъ тройной подсвѣчникъ съ горящими свѣчами; по бокамъ креселъ два черныхъ медвѣдя, стоящіе задними лапами на золотой рѣшеткѣ, внизу которой видны рыбы, плавающія въ рѣкѣ; щитъ покрытъ мантіей и увѣнчанъ княжеской короной.

Прозвища Хованскихъ были слѣдующія: Кривой, Лущиха, Ушато, Харьякъ, Овчина, Балъ, Мынникъ, Климъ, Змѣй, Косой, Телица, Жердь, второй Кривой, Тараруй. Кромѣ того встрѣчаются въ отличіе одноименныхъ представителей рода названія: большой, меньшой, маленькой.

Въ задачу настоящаго очерка не входитъ подробная и послѣдовательная исторія рода князей Хованскихъ. Задача эта гораздо уже. Первоначальная причина изученія этого рода была связана съ вопросами семейнаго родословія, но ближайшіе поиски невольно увлекли къ временамъ болѣе отдаленнымъ.

Для исторіи рода драгоцѣннымъ матеріаломъ служатъ письма князей Хованскихъ, конфискованныя у боярина князя П. И. Хованскаго, послѣ казни его отца и брата, хранящіяся нынѣ въ архивѣ Министерства Юстиціи и недавно опубликованныя Г. Г. Лукьяновымъ въ X книгѣ „Старины и Новизны“; обширная переписка эта, захватывающая многихъ представителей рода, а также родство по женской линіи Кафтыревыхъ, Матюшкиныхъ, Чаадаевыхъ и другихъ, преисполнена живѣйшаго интереса, но къ сожалѣнію

не приведена въ достаточный порядокъ и систему, а потому для чтенія мало приспособлена; это обстоятельство объясняетъ появленіе многочисленныхъ выписокъ изъ этихъ писемъ; кромѣ того источниками служили и другіе матеріалы, извлеченные изъ архивовъ семейныхъ и государственныхъ, а также изъ печатной исторической литературы, далеко впрочемъ не исчерпанной.

Роду Хованскихъ какъ то сразу не повезло на Руси. Начать съ того, что великая княжна Анна была выдана замужъ не за старшаго брата Ѳедора, ихъ родоначальника, а за младшаго. Съ мѣста на этомъ же свадебномъ обѣдѣ, произошло слѣдующее: одинъ изъ гостей, Ѳедоръ Сабуръ, занялъ мѣсто за столомъ выше князя Ѳедора Хованскаго и обиженный князь Ѳедоръ сказалъ Сабуру: „посадь брата моего меньшаго, князя Юрья Патрикѣевича“, то есть садись выше его. Но Сабуръ оборвалъ его слѣдующими словами: „У того Богъ въ кикѣ, а у тебя Бога въ кикѣ нѣтъ!“ [1] другими словами: у того счастье, а у тебя его нѣтъ. Слова эти по отношенію ко всему роду Хованскихъ могутъ быть пожалуй названы пророческими.

Въ XVI столѣтіи при Василіи Темномъ первое мѣсто среди знатныхъ родовъ занимали три княжескихъ рода: Патрикѣевы, Ряполовскіе и Оболенскіе. Первые два рода сохраняютъ значеніе и при Іоаннѣ III, но въ борьбѣ съ Софьей Палеологъ палъ въ 1499 году близкій сородичъ Хованскихъ, князь Иванъ Юрьевичъ Патрикѣевъ, большой намѣстникъ и первое лицо въ государствѣ, палъ потому, что боролся противъ Софьи и поддерживалъ Елену и внука великаго князя Дмитрія, котораго Іоаннъ III вѣнчалъ на царство мимо сына; тогда князь Иванъ Юрьевичъ и старшій сынъ его были пострижены, а зять его, князь Семенъ Ряполовскій казненъ; духовная князя Ивана Юрьевича драгоцѣнна и свидѣтельствуетъ о его богатствѣ. Но особенно замѣчателенъ сынъ его, инокъ Василій Косой, переведеный изъ Кирилла-Бѣлозерскаго монастыря въ Симоновъ и имѣвшій большое вліяніе на дѣла церковныя при великомъ князѣ Василіѣ. Вмѣстѣ съ Максимомъ Грекомъ онъ былъ противникомъ развода великаго Князя съ Соломоніей Сабуровой; но великій князь Василій Ивановичъ отослалъ ее въ монастырь и женился на Еленѣ Глинской. Іоаннъ III обвинялъ князя Василія Патрикѣева въ высокоуміи и порицалъ за смѣлые его отзывы, за умаленіе людей, хотя бы и выдающихся, но не образо-

---

[1] Полн. Собр. Лѣтописей.

ванныхъ и низкаго происхожденія. Ученикъ Нила Сорскаго, Вассіанъ, какъ извѣстно, былъ противникъ владѣнія монастырей землями, но въ спорѣ съ Іосифомъ, побѣда осталась на сторонѣ послѣдняго. Не смотря на свои строгіе взгляды Вассіанъ, по сохранившимся извѣстіямъ, жилъ въ Симоновѣ богато; онъ не могъ питаться монастырскимъ простымъ столомъ, состоявшемъ изъ ржанаго хлѣба, щей, свекольника и каши, но, по словамъ одного изъ учениковъ Максима Грека, Зиновія Отенскаго, получалъ яствы изъ дворца: „пилъ же нестяжатель романею, бастро, мушкатель и ренское".

Вѣнчанный на царство, но затѣмъ опальный внукъ великаго князя, князь Дмитрій, прожилъ долгіе годы въ заключеніи. Архангельская лѣтопись говоритъ, что онъ былъ посаженъ „въ желѣза", но изъ его завѣщанія видно, что онъ владѣлъ помѣстьями и казной; умеръ онъ долгое время спустя въ 1509 году и, что весьма любопытно, какъ это видно изъ его духовной, при немъ состоялъ князь Андрей Ѳедоровичъ Хованской, который безъ сомнѣнія былъ къ нему очень близокъ, ибо былъ его душеприкащикомъ; въ завѣщаніи князя Дмитрія сказано: „у сего списка былъ отецъ мой духовный Воскресенскій архимандритъ Ефремъ, да бояринъ мой князь Андрей Ѳедоровичъ Хованской" [1]. Ясно, что Хованскіе уже въ то время не могли быть особенно преданы воцарившейся власти. Вотъ гдѣ можетъ быть корни послѣдующихъ событій въ дѣятельности Хованскихъ!

Въ XVI столѣтіи Хованскіе прямо замѣшаны въ возстаніи противъ Москвы; вотъ нѣсколько отрывковъ изъ лѣтописей.

Въ 1533 году дочь князя Андрея Хованскаго, княжна Ефросинія Андреевна вышла замужъ за брата великаго князя Московскаго Василія Ивановича, князя Андрея Ивановича Старицкаго; Софійская вторая лѣтопись за время 7041 года говоритъ: „той же зимы Князь Великій женилъ брата своего Князя Ондрея Ивановича, а далъ за него дщерь Князя Ондрея Ивановича [2] Хованскаго". Другая лѣтопись, Воскресенская, указываетъ и самый день брака 2-го февраля и что „вѣнчалъ Даніилъ, Митрополитъ всея Руси въ соборной церкви Царствующаго града Москвы"; что на свадьбѣ „былъ князь великій Василій Ивановичъ.....и съ великой княгинею Еленою да и съ братомъ своимъ княземъ Георгіемъ Ивановичемъ"; что онъ „жаловалъ.... дарилъ.... и великая княгиня... и сынъ великій князь Иванъ Васильевичъ также

[1] Карамзинъ т. VII пр. 4, изд. Эйнерлинга.

[2] Полн. Собр. лѣтописей VI, 266. Не „Ѳедоровича" ли? Князя Андрея Ивановича Хованскаго въ то время не было.

дарили... и бысть бракъ честенъ“ [1]. Первое время все обстояло благополучно; но вотъ скончался въ 1535 году великій князь Василій Ивановичъ и вскорѣ, по словамъ той же лѣтописи, учинилося „великая замятня“; распространился на Москѣ слухъ, что князь Андрей не доволенъ, что вотчинъ, которыя онъ „припрашиваетъ“ къ своей вотчинѣ, „ему не придали“, что онъ сталъ на великаго князя и на свою матерь гнѣвъ держать, что онъ хочетъ бѣжать. Однако князь Андрей Ивановичъ, не смотря на всѣ эти слухи, пріѣхалъ въ Москву, имѣлъ разговоръ съ великимъ княземъ и его матерью и они какъ будто примирились; но затѣмъ, когда нужно было ему идти подъ Казань и за нимъ для этой цѣли присылали въ Старицу, онъ вдругъ не поѣхалъ. Были приняты мѣры. Одинъ изъ близкихъ князю Андрею людей, князь Ѳедоръ Пронскій, былъ схваченъ. Почуявъ бѣду, князь Андрей бѣжалъ въ Великій Новгородъ, намѣреваясь въ немъ укрѣпиться; изъ Торжка онъ разсылалъ новгородскимъ дѣтямъ боярскимъ и помѣщикамъ грамоты, созывая ихъ такими словами къ себѣ: „князь великій малъ, а держатъ государство бояре... идите ко мнѣ служити“. Это уже было прямое возстаніе. На зовъ его иные дѣти боярскіе къ нему пріѣхали; но въ Москвѣ не дремали. Противъ собравшагося войска съ войскомъ же посланъ былъ князь Иванъ Овчина. Оба войска встрѣтились близъ Русы въ Тюхоли. Князь Андрей биться не захотѣлъ и вступилъ въ переговоры. Въ отвѣтъ на это Овчина „далъ правду“, то есть согласился принять его заявленіе и вмѣстѣ съ нимъ прибылъ въ Москву. Но такимъ исходомъ дѣла былъ весьма не доволенъ великій князь. Онъ велѣлъ посадить возставшаго противъ него князя Андрея въ палату и положить на него тяжесть. Наказаніе постигло и княгиню Ефросинію Андреевну, которую вмѣстѣ съ сыномъ „посадили въ городѣ за приставы на Берсеневѣ дворѣ“. Это особое наказаніе княгини не указываетъ ли на ея прямое участіе въ дѣлѣ возстанія мужа? Опалѣ былъ подверженъ, а затѣмъ пытанъ и казненъ торговой казнью и въ оковахъ посаженъ въ наугольную стрѣльницу шуринъ князя Андрея, княгининъ братъ, князь Иванъ Андреевичъ Хованской. Одинаковую судьбу раздѣлили и всѣ прочіе близкіе къ князю Андрею его бояре: князь Ѳедоръ Дмитріевичъ Пронскій, князь Ив. Андр. Оболенскій Пѣнинскій, дворецкій его князь Юрій Андр. Меньшой Пѣнинскій Оболенскій, конюшій князь Бор. Ив. Палецкій, князь Юрій Андр. Большой Пѣнинскій Оболенскій, да Иванъ Умнова Ивановича сынъ Лобанова Колычева;

[1] Полн. Собр. Лѣт. VIII, 282.

всѣ они были пытаны, казнены торговой казнью и посажены въ стрѣльницу. Съ примкнувшими къ возстанію Новгородскими помѣщиками, дѣтьми боярскими, расправа была лютая. Великій князь приказалъ ихъ всѣхъ повѣсить по Новгородской дорогѣ, но, говоритъ лѣтопись, не вмѣстѣ, а до Новгорода... Такъ сокрушено было возстаніе князя Андр. Ив. Старицкаго [1]. Судьба же княгини Ефросиніи, если вѣрно сообщеніе князя Курбскаго, была печальна; онъ говоритъ, что она была умерщвлена Грознымъ въ 1569 году; въ синодикѣ противъ ея имени и двухъ слѣдующихъ именъ написано: „потоплены въ горахъ въ Шекснѣ рѣкѣ повелѣніемъ царя Іоанна...“

Въ смутное время начала XVII столѣтія дѣйствовало четверо князей Хованскихъ, изъ нихъ трое братьевъ: князь Иванъ Андреевичъ Большой прозвище Балъ [2], князь Никита Андреевичъ и князь Андрей Андреевичъ, а также далекій родственникъ ихъ, потомства князя Ѳедора Криваго, князь Иванъ Ѳедоровичъ Хованской; нѣкоторые данные о нихъ могутъ быть почерпнуты изъ Разрядныхъ записей за смутное время.

При первомъ самозванцѣ въ 1606 году, когда былъ царевичъ Сибирскій Еналей, князь Иванъ Хованской Балъ, стоялъ рындой въ бѣломъ платьѣ [3]. Въ томъ же году по словамъ разрядной записи „велѣлъ растрига сказать ему быть въ сторожевомъ полку на Орлѣ“ вмѣстѣ съ княземъ Алексѣемъ Долгоруковымъ прозвище Чертенокъ [4]. Когда въ томъ же году сѣлъ на царство князь Василій Ивановичъ Шуйскій, князь Иванъ Андреевичъ писалъ ему изъ Орла и жаловался, что назначенные къ нимъ Новгородцы Бѣжецкой и Шелонской пятины „видя въ Орлянахъ шатости съ ними быть не хотятъ“ [5]. Въ 1607 году, по приказу царя Василья, онъ былъ назначенъ быть за Москвою рѣкою противъ вора, при чемъ бои были ежедневные подъ Даниловскимъ и за Яузой; въ то время онъ былъ однимъ изъ головъ у князя Михаила Васильевича Скопина-Шуйскаго [6]. Затѣмъ вмѣстѣ съ Прокопіемъ Ляпуновымъ онъ былъ разбитъ Лисовскимъ подъ Зарайскомъ. Въ 1609 году повелѣніемъ того же Скопина-Шуйскаго онъ ходилъ зимой вмѣстѣ съ княземъ Як. Петр. Борятинскимъ къ Ростову, а оттуда къ Кашину и города очистилъ [7]. Затѣмъ получилъ по-

---

[1] Воскресенская лѣтопись, Полн. Собр. Лѣт. VIII, 292-295.

[2] Не отъ слова ли: баловать?

[3] С. А. Бѣлокуровъ, „Разрядныя записи за смутное время“, 1907, с. 7.

[4] Id. с. 7.

[5] Id. с. 9.

[6] Id. с. 10.

[7] Id. с. 17.

велѣніе идти противъ Жолкевскаго, выступившаго на Москву изъ Смоленска, взялъ Ржевъ, поддержанный Шведами и выступилъ изъ Ржева въ сходъ къ другимъ воеводамъ, назначеннымъ въ Можайскъ противъ поляковъ. Въ 1610 году у царя Бориса Годунова стоялъ на пріемѣ гонца отъ Шведскаго короля и запорожскихъ черкасъ въ числѣ четырехъ рындъ „съ топоры“ съ лѣвой руки. [1] Въ 1613 году былъ воеводой въ Ярославлѣ; лѣтомъ того же года вмѣстѣ съ Мининымъ, въ отсутствіе князя Пожарскаго, поѣхавшаго въ Суздаль поклониться родительскимъ гробамъ, начальствовалъ надъ всѣмъ ополченіемъ, но не долго—отъ Ярославля до Ростова. По вступленіи на престолъ царя Михаила Ѳедоровича, былъ посланъ въ Смоленскъ. [2]. Въ 1615 году неудачно дѣйствовалъ у Бѣлгорода и былъ отозванъ. Въ слѣдующемъ 1616 году назначенъ управлять Владимірскимъ Суднымъ Приказомъ. Съ 1617 по 1619 былъ воеводой въ Новгородѣ, возвращенномъ по Столбовскому договору. Въ 1621 году скончался, не оставивъ мужского потомства.

Братъ его князь Никита Андреевичъ въ 1606 году былъ назначенъ первымъ Самозванцемъ воеводой въ Нижній Новгородъ, [3] а въ 1607 году Шуйскимъ въ Боровскъ, [4] а затѣмъ подъ Калугу. [5] На свадьбѣ Шуйскаго съ княгиней Марьей Петровной Буйносовой-Ростовской онъ былъ первый изъ двухъ царицыныхъ „дружковъ“ съ Иваномъ Михайловичемъ Пушкинымъ, а жена его княгиня Дарья Михайловна Хованская, урожденная княжна Пожарская, была одна изъ двухъ царицыныхъ „большихъ свахъ“. Это сестра князя Дмитрія Михайловича. На свадьбѣ князь Никита смотрѣлъ въ большой столъ и подавалъ „укрухи и ширинку“, а княгиня его отъ государева стола „сидѣла въ полусажени“. [6] Скончался онъ въ 1608 году, принявъ схиму подъ именемъ Нифонта.

Третій братъ, князь Андрей Андреевичъ Хованской, прозвищемъ Климъ; это отецъ Тараруя. Онъ подписался подъ избирательной грамотой Бориса Годунова; въ 1607 году былъ назначенъ Шуйскимъ подъ Калугу [6]. Въ 1613 году при Михаилѣ Ѳедоровичѣ посланъ воеводой въ Бѣлевъ [7]. Въ это время у него вышла ссора

---

[1] Id. c. 180.
[2] Id. c. 258.
[3] Id. c. 140.
[4] Id. c. 142.
[5] Id. c. 90.
[6] Id. c. 95, 160, 170.
[6] Id. c. 143.
[7] Id. c. 24.

съ княземъ Иваномъ Хворостининымъ, который не послушался его зова подойти поближе и сообща дѣйствовать противъ литовцевъ, вслѣдствіе чего оба они были смѣнены. Затѣмъ въ 1615-20 годахъ онъ былъ воеводой въ Астрахани, а въ 1626-28 въ Тобольскѣ; дѣятельность его въ Сибири заслуживаетъ вниманія: на Карской губѣ онъ поставилъ острогъ для противодѣйствія англичанамъ, искавшимъ воднаго пути изъ Архангельска; черезъ него шли распоряженія объ исполненіи чертежей сибирскихъ городовъ, остроговъ, рѣкъ и урочищъ съ обозначеніемъ разстоянія между ними и способовъ путей сообщенія; онъ устраивалъ крестьянъ на государеву пашню, заботился о доходахъ; усиленно разрабатывалъ соль, увеличивалъ хлѣбные запасы, вникалъ въ мѣстныя нужды; особенное вниманіе онъ обратилъ на вредъ отъ излишняго употребленіе табака, которые сибиряки покупали у русскихъ и пили вмѣсто вина и потому „испропивались“, впадали долги, бросали промыслы. Князь Хованской своей властью, не дожидаясь царскаго указа, велѣлъ отбирать табакъ у торговыхъ людей, возвращая его лишь когда, окончивъ торговлю, они уѣзжали въ Россію. Затѣмъ былъ на воеводствѣ въ Нижнемъ-Новгородѣ, гдѣ и скончался въ 1629 году. Какъ сказано, это отецъ Тараруя; у него было три сына, князь Григорій, князь Иванъ и князь Семенъ.

Наконецъ князь Иванъ Оедоровичъ Хованской, приходившійся шестіюроднымъ братомъ тремъ предыдущимъ, въ 1605 году повелѣніемъ Бориса Годунова, былъ посланъ въ Шацкъ для осаднаго дѣла, гдѣ ему было приказано вѣдать острогъ Конобѣевъ, Касимовъ, Елатьму, Темниковъ и Кадомъ [1]. При Лжедимитріѣ, когда у государя „ѣлъ“ воевода Сандомирскій, т. е. отецъ Марины, онъ смотрѣлъ въ кривой столъ [2], а на свадьбѣ стоялъ у стола пословъ кравчимъ [3]. Въ 1607 году при Шуйскомъ въ сентябрѣ отпущенъ на Михайловъ [4]. Въ 1608 году былъ воеводой въ Иванъ-городѣ [5]. Въ 1612 году въ Псковѣ [6]. Одно время князь Иванъ Оедоровичъ былъ на сторонѣ третьяго и послѣдняго самозванца, вора Сидорки, проявившагося въ мартѣ предшествующаго 1611 года въ Иванъ-городѣ и назвавшагося царевичемъ Дмитріемъ и изъ Иванъ-города перешедшаго во Псковъ и въ немъ утвердившагося,

---

[1] Id. c. 29.
[2] Id. c. 77.
[3] Id. c. 81.
[4] Id. c. 142.
[5] Id. c. 96.
[6] Id. c. 107.

почему и названнаго Псковскимъ воромъ; этому Сидоркѣ цѣловали крестъ Трубецкой и Заруцкій, но потомъ они объявили, что своровали и отъ вора отстали, тогда изъ подмосковнаго стана пріѣзжалъ во Псковъ обознавать Сидорку Иванъ Плещеевъ, который его не призналъ, почему воръ долженъ былъ бѣжать изъ города вмѣстѣ съ поддерживавшимъ его воеводой княземъ И. Ѳ. Хованскимъ, но Плещеевъ вошелъ съ Хованскимъ въ переговоры и убѣдилъ его выдать вора, вслѣдствіе чего самозванецъ былъ взятъ и отвезенъ въ Москву. [1]

Во второй половинѣ XVII вѣка двѣ линіи князей Хованскихъ особенно выдавались. Это поколѣнія двухъ братьевъ вышеупомянутыхъ князей Никиты Андреевича и князя Андрея Андреевича Клима, бывшіе въ девятомъ колѣнѣ отъ Гедимина. Линіи эти могутъ быть названы: Андреевичи и Никитичи. У князя Никиты былъ сынъ бояринъ князь Иванъ Никитичъ, у князя Андрея бояринъ князь Иванъ Андреевичъ, знаменитый Тараруй. Необходимо остановиться на его личности, ибо это центральная фигура рода; о немъ написано много, но множество матеріаловъ еще не тронуто.

Годъ рожденія Тарарую не извѣстенъ. Отецъ его, князь Андрей Андреевичъ, замѣчательный своей дѣятельностью въ Сибири, скончался въ 1639 году. Дѣятельность князя Ивана главнымъ образомъ принадлежитъ царствованію царя Алексѣя Михайловича. Соловьевъ называетъ „его гордымъ потомкомъ Гедимина“ и говоритъ, что къ нему именно перешелъ „Патрикѣевскій духъ“. Выдвинулся онъ съ успѣхомъ во время войны съ Швеціей, когда разбилъ въ 1657 году подъ Гдовомъ Шведскаго генерала де-Лагарди; особенно извѣстенъ онъ Польскими своими походами, сперва весьма удачными. Дѣла приказнаго стола, хранящіяся въ Архивѣ Министерства Юстиціи, нынѣ опубликованные въ Актахъ Московскаго Государства, содержатъ драгоцѣнныя подробности войнъ съ Польшей, заключая весьма большое количество отписокъ князя Ивана Андреевича къ царю, а равно и царскіе на нихъ отвѣты.

Война Польская открылась отправленіемъ лѣтомъ 1659 года трехъ ратей на театръ военныхъ дѣйствій. Съ первою находился князь Алексѣй Никитичъ Трубецкой въ Переяславлѣ и другихъ Черкасскихъ городахъ, со второй бояринъ Василій Борисовичъ Шереметевъ въ Кіевѣ и съ третьей посланъ былъ князь Иванъ Андреевичъ Хованской къ Вильнѣ. Начало дѣйствій Хованскаго было успѣшно. Первая побѣда его противъ Поляковъ была при

[1] Соловьевъ кн. II т. 8 стр. 1020.

Мядзёлахъ. Затѣмъ въ январѣ 1660 года онъ взялъ и выжегъ Брестъ, одержавъ побѣду въ трехъ битвахъ надъ Полубенскимъ, Обуховичемъ и Огинскимъ. Въ дѣлахъ Приказа Тайныхъ дѣлъ есть слѣдующая государева грамота съ милостивымъ словомъ князю И. А. Хованскому и слѣдующимъ повелѣніемъ: „і велено ему образы и всякую церковную утварь, которая взята въ Брести, съ монастырѣ благочестивые вѣры сыскавъ, собрать тотчасъ и старцовъ собрать и церковь очистить и освятить и монастырь совсѣмъ по прежнему устроить и маетности отдать“ [1]. Вскорѣ послѣ этой побѣды царь прислалъ къ князю И. А. Хованскому съ милостивымъ словомъ князя Константина Щербатова въ мѣстечко Журовичи. Хованской отвѣчалъ: „И въ той твоей грамотѣ писано: милостью своею государскою пресвѣтлою призираешь на насъ, будто за нашей и твоихъ ратныхъ людей храбростію, великое княжество Литовское все хочетъ учинить подъ твоею высокою самодержавною рукою въ вѣчномъ подданствѣ. И мы, видя такую твою пресвѣтлую неизреченную милость къ себѣ, веселіемъ и радостію одержими бяху и человѣколюбцу Богу хвалу возсылаемъ съ радостными слезами, что призрилъ на насъ грѣшныхъ милосердія ради своея милости, неправедныхъ ради сниде на землю, грѣшныхъ въ разумъ истинный привести: такъ и ты своею государскою пресвѣтлою милостію призираешь на насъ, беззаступныхъ, которые не имѣютъ гдѣ главы поклонити: опроче Бога и тебя помощи себѣ не имѣемъ. Не нашей службишкою, твоею праведною молитвою и счастіемъ непріятель побѣжденъ, отъ твоего храбраго духовнаго меча трепетенъ и Богомъ гонимъ непріятель. Да и впредь по твоей праведной молитвѣ надѣемся всякаго блага, а наше должное за твою пресвѣтлую милость крови своя проліяти и съ дѣтишками, да и тѣмъ твоей пресвѣтлой милости не заплатить: взыскалъ превыше мѣры своея. И впредь крѣпкая наша надежда человѣколюбецъ Богъ да ты“. Далѣе онъ писалъ: „указалъ ты мнѣ съ твоими ратными съ конными и пѣшими людьми стоять въ Брести до весны и весновать, а стоять со всякою острожкою и про непріятельскихъ людей приходъ провѣдывать всякими мѣрами и твоихъ ратныхъ людей посылать войной къ Аршавѣ и чтобъ промыслъ учинить надъ Аршавой нынѣшнимъ зимнимъ временемъ до весны и Аршава разорить и пушки московскія, которыя есть въ Аршавѣ, привезти къ себѣ... А Брестъ верхней городъ укрѣпилъ я накрѣпко: сверхъ старыхъ крѣпостей по земляному городу нарубилъ тарасы, въ 2 стѣны рублены, а вышиною 2 сажени,

[1] Приказъ Тайныхъ дѣлъ I, 923.

я въ иныхъ мѣстахъ и въ 2½". Въ отвѣтъ на царскій вопросъ, нѣтъ ли какой нужды, онъ писалъ: „да марта въ 13 день говорилъ мнѣ стольникъ князь Константинъ Щербатовъ, что ты указалъ ему спросить у меня, нѣтъ ли какой нужи твоимъ ратнымъ людемъ. И у насъ въ полку твоимъ ратнымъ людемъ нужи большой нѣтъ, поскудно конскими кормами и хлѣбными запасы, а прокормиться мочно, хотя и съ нуждою, только твои ратные люди тое нужу съ радостію примутъ, видя твою пресвѣтлую милость къ себѣ, радостными сердецы тебѣ служити готовы, хотя и нужда впредь какая будетъ. И царствіе небесное нужно, а нужницы восхищаютъ е. А отпустить никоими мѣрами не мочно за Нѣмонъ, то будетъ непріятелю польза; нынѣ время тебѣ промыслъ чинить надъ непріятелемъ, въ кою пору не въ большомъ собраньѣ и Богомъ гонимъ по твоей праведной молитвѣ трпетенъ непріятель отъ твоего храбраго меча"... [2].

9 апрѣля Хованскій извѣщалъ царя, что онъ писалъ въ Вильну къ стольнику и воеводѣ ко князю Данилу Мышецкому, чтобъ онъ бѣглыхъ солдатъ прислалъ къ нему подъ Ляховичи, и жаловался, что онъ „тѣхъ бѣглыхъ солдатъ не присылаетъ, а которые солдаты прибѣгаютъ къ нему въ Вильну, и онъ имъ даетъ кормъ. И на то смотря, и остальные солдаты изъ Васильева полку Кинимгана бѣгутъ въ Вильну, и дѣлу ставится поруха большая: непріятель видитъ съ города, что въ шанцахъ солдатъ ставится мало... А въ Вильнѣ, прибавлялъ онъ, опасаться нечего: стало назади" [3].

Вскорѣ князь И. А. Хованской потерпѣлъ неудачу подъ этими Ляховичами, о чемъ 30 апрѣля подробно писалъ царю, откуда видно, что онъ велѣлъ подъ городомъ Ляховичами: „вытрубить и послалъ говорить коменданту и ляховицкимъ сидѣльцомъ, чтобы они твоей пресвѣтлой милости поискали, городъ Ляховичи безъ крови сдали; но комендантъ и осадные сидѣльцы на сговоръ изъ города не пошли" [4]; тогда, пишетъ Хованской, „марта въ 26 день пошли на приступъ за полчаса до свѣту; и былъ приступъ жестокимъ обычаемъ до третьяго часу дни, и литовскихъ людей со стѣны сбили и многіе твои ратные люди съ знаменами были на стѣнѣ: и, волею Божіею а нашимъ согрѣшеніемъ, литовскіе люди, справясь,

---

[1] Акты Московскаго Государства, т. III, с. 56.

[2] Id. с. 57.

[3] Id. с. 62.

[4] Id. с. 64. Ляховичи, близъ Поллонки, одно изъ сильнѣйшихъ укрѣпленій, такъ наз. „Ляховичская фортеція"; нынѣ въ 7 в. отъ станціи того же имени Вольно-Роменск. ж. д.

твоихъ ратныхъ людей съ стѣны сбили, и твои ратные люди отъ города отошли". Однако „уронъ учинился не большой", было убито 30 человѣкъ да ранено 150 [1]. Хованской полагалъ, что „не учиня промыслу надъ Ляховичами, отойти ратными людьми отнюдь нельзя, потому что Ляховичи и Нѣсвижъ стали промежъ завоеванныхъ городовъ Брести и Новагродка и Слонима на дорогѣ".

Въ отвѣтъ на это донесеніе Царь Алексѣй Михайловичъ 2 мая послалъ Хованскому выговоръ:

„...и что ты, бояринъ нашъ и воеводы нашихъ ратныхъ людей на приступъ къ городу Ляховичамъ посылали безъ нашего указу и начальныхъ людей на приступѣ теряли и то учинили не дѣломъ" [2].

Въ донесеніяхъ князя Хованскаго къ царю встрѣчаются любопытныя подробности не только изъ области военныхъ дѣйствій. Воевода извѣщалъ и объ общемъ положеніи дѣлъ противника на основаніи добываемыхъ имъ свѣдѣній, сообщалъ и отдѣльныя новости; напримѣръ отъ пріѣхавшаго 28 апрѣля въ обозъ изъ Королевца Бугуслава Родивила посланца шляхтича Микулая Поремскаго, онъ узналъ слѣдующія подробности жизни извѣстнаго сына Аѳ. Лавр. Ордына-Нащокина, Воина, бѣжавшаго за границу [3].

„Видѣлъ онъ у короля во Гданску Воина Нащокина, живетъ де при королѣ, а даетъ де ему король на мѣсяцъ по 500 ефимковъ, а ходитъ де онъ въ нѣмецкомъ платьѣ: онъ же де Воинъ, похваляется, хочетъ услугу свою показать королю, а идти подъ городъ великаго государя въ Лифлянты и отца своего взять хочетъ привести къ королю и многія де поносныя слова на государство Московское говоритъ, а какія слова, того не сказалъ; и за то де ему не хвалятъ санатари, что хвально говоритъ, да и то де ему говорятъ, что онъ битъ кнутомъ и для того пріѣхалъ с стыду, а онъ того не сказываетъ, стыдится ихъ; а ѣхалъ де онъ черезъ Прусы королевскіе, а сказывалъ де, что ѣдитъ посломъ къ королю, и Родивилъ де Богуславъ провѣдалъ, что онъ измѣнникъ великому государю, послалъ за нимъ гонять, а хотѣлъ, поймавъ, отослать къ великому государю и онъ де, свѣдавъ, побѣжалъ во Гданскъ" [4].

Въ другой разъ онъ сообщалъ дипломатическія вѣсти, напримѣръ, что „королева свицкая Христина пріѣхала изъ Риму въ

---

[1] Id. c. 64.
[2] Id. c. 65.
[3] Id. c. 81.
[4] Id. c. 81.

Свію послѣ смерти свицкаго короля и сѣла на государствѣ по прежнему", что Литовскому войску, находившемуся въ Курляндіи было „кормно"; сообщалъ, что „французскіе, шведскіе и англійскіе нѣмцы" пошли противъ „Цысяря Хрестьянскаго, а турокъ послалъ свое войско на море" [1].

Положеніе князя Хованскаго становилось труднѣе. Князь Мышецкій 4 іюня извѣщалъ князя Никиту Ив. Одоевскаго, что Хованской осадилъ Ляховичи: „стоитъ и по се время подъ Ляховичи, а до полковъ его и около Вилны полскіе люди дороги всѣ позалегли" [2].

10 іюня Царь указалъ быть въ товарищехъ съ ниму стольнику и воеводѣ Семену Змѣеву; въ отвѣтъ на этотъ указъ Хованской писалъ: „и такую твою пресвѣтлую милость видя къ себѣ, что прислалъ ко мнѣ въ товарищи стольника и воеводу Семена Змѣева, жалуючи меня, а тебѣ онъ Семенъ вѣренъ и кто тебѣ вѣренъ и съ тѣмъ подобаетъ и намъ совершенная дружба имѣти безъ всякаго прекословія... И по твоему указу промыслъ чинить надъ непріятелемъ сообща учнемъ" [3].

Однако Хованскаго вновь постигла неудача, когда онъ вскорѣ вступилъ въ бой съ Польскими воеводами Сапѣгою и Чарнецкимъ. Въ самый день боя, передъ выступленіемъ въ поле, 18 іюня онъ послалъ краткую записку князю Ник. Ив. Одоевскому: „князь Никита Ивановичъ! Бога ради берегись: идутъ на васъ люди изъ Жмуди, а на насъ уже пришли Чарнецкій съ товарищи; посольству у васъ никакъ не статься, обманываютъ: не покручинься, что коротко написалъ; и много было писать, да некогда, пошелъ противъ непріятеля. Ивашка Хованской челомъ бьетъ. Бога ради берегись!" [4]. Въ этотъ самый день онъ потерпѣлъ жестокое пораженіе въ мѣстечкѣ Волонѣ, или Полонкѣ [5], при чемъ бывшіе вмѣстѣ съ нимъ двое его сыновей князья Петръ и Андрей были ранены.

Князь Одоевскій писалъ объ этомъ пораженіи князю Репнину, который, въ свою очередь, сообщалъ царю: „іюня въ 18 день у князя Ивана Ондреевича Хованскаго съ польскими людьми былъ бой и на томъ де бою твоихъ ратныхъ людей побили, а иныхъ

---

[1] Id. c. 85.
[2] Id. c. 91.
[3] Id. c. 95.
[4] Соловьевъ кн. III т. 2, стр. 81.
[5] На границѣ Слонимскаго у. Гродненск. губ. Нѣкогда здѣсь былъ доминиканскій монастырь. Мѣстность холмистая, лѣсная.

поимали, а бояринъ де и воевода князь Иванъ Ондреевичъ, покиня обозъ, побѣжалъ въ Полоцкъ“ [1].

Самъ же Хованской послѣ смотра въ Полоцкѣ писалъ царю, подробно извѣщая объ убитыхъ и раненыхъ и объ оставшихся: „и всего ратныхъ людей дворянъ и дѣтей боярскихъ, рейтаръ и козаковъ и драгунъ по смотру іюля въ 1 день объявилось на лицо 2316 человѣкъ да пѣшихъ людей, солдатъ и стрѣльцовъ 1044“ [2]. Это были остатки его войска.

Осенью того же 1660 года въ войскѣ Хованскаго произошла распря. Находившійся здѣсь иностранецъ генералъ-порутчикъ Томасъ Даліель, командовавшій однимъ изъ полковъ, сталъ бушевать. Князь Иванъ Андреевичъ тотчасъ 2 сентября 1661 года написалъ объ этомъ царю слѣдующее подробное донесеніе:

„Государю царю и великому князю... Ивашко Хованской челомъ бьетъ. Въ прошломъ во 168 годѣ августа въ 16 день приходилъ ко мнѣ на дворишко енаралъ порутчикъ Томасъ Даліель и говорилъ мнѣ при товарищѣ моемъ при стольникѣ и воеводѣ при Иванѣ Вельяминовѣ, да при дьякѣ Тимоѳеѣ Козминѣ и при многихъ твоихъ ратныхъ людѣхъ, что де рейтары моего полку на караулѣ съ солдаты, которые у него въ полку, побранились и подрались; и я сказалъ ему, енералу, будетъ рейтары такъ учинили и я, сыскавъ, учиню имъ наказаніе, чтобы они, приходя на караулъ, не бранились и не дрались; и онъ, енералъ, учалъ мнѣ говорить невѣжливо, а сказалъ: роздамъ де порохъ и свинецъ солдатомъ и велю по дворяномъ и рейтаромъ стрѣлять и я говорилъ ему: за что порохъ и свинецъ солдатомъ раздавать и стрѣлять по твоимъ ратнымъ людямъ, по дворянамъ и по рейтаромъ, то ты говоришь непригоже; и онъ, енералъ, осердясь, пошелъ съ дворишка моего и велѣлъ бить въ барабаны и учинилъ всполохъ большой и салдаты, покиня городовое дѣло, побѣжали къ нему, почаяли, что приходъ польскихъ людей; и онъ, енералъ, собравъ полкъ пошелъ за городъ, а идучи городомъ, многихъ дворянъ билъ тростью невѣдомо за что, кто встрѣчу ни попадетъ и, выведчи полкъ за городъ, и отказалъ, что ему до полка дѣла нѣтъ. И я посылалъ къ нему новгородца князь Ивана княжъ Ѳедорова сына Мышецкаго и велѣлъ ему, енералу, говорить: для чего онъ такой всполохъ учинилъ и полкъ въ поле выводилъ и отъ полку отказался, а непріятель стоитъ въ ближнихъ мѣстахъ и провѣдаетъ такое непослушаніе, порадуетъ тому,

---

[1] Акты, с. 104.
[2] Id. с. 119.

и то онъ чинитъ твоему дѣлу поруху большую; и пришедъ ко мнѣ отъ енерала князь Иванъ Мышетцкой, и что ему сказалъ онъ енералъ подалъ сказку, за своею рукою и начальные люди его енералова полку принесли сказку жъ за своими руками. А въ сказкѣ написано: будто твои ратные люди моего полку караулы разбиваютъ и побиваютъ до смерти и чинятъ безчинства большія, и для де того ему енералу у полку быть нельзя. И тѣмъ онъ енералъ твоихъ ратныхъ людей поклепалъ напрасно, что караулы разбиваютъ и смертное убійство и безчинство чинятъ; только рейтаръ 3 человѣка: Севолодъ Крекшинъ, Иванъ Ворковъ, Евтифей Комаевъ, пьяные, пришедъ на караулъ, съ караульщиками побранились, а не дрались; и про то дѣло сыскано, и тѣ рейтары биты батоги вмѣсто кнута нещадно, за то, что они, пришедъ пьяные на караулъ и бранились съ караульщиками. И съ того числа онъ, енералъ, ни въ чемъ меня не слушаетъ и ка полку не ходитъ. Милости у тебя прошу о салдатѣхъ его полку, въ указанное число 800 человѣкъ и о начальныхъ людѣхъ ко мнѣ въ полкъ. А отъ такого государь дурака и непослушника страшенъ: какъ лучится сойтись съ непріятелемъ, и чтобъ онъ своею дуростью и непослушаніемъ твоему дѣлу поруху какой не учинилъ. А каковы сказки мнѣ новгородецъ князь Иванъ Мышецкій и енералова полку начальные люди подали, и тѣ ихъ сказки за ихъ руками, къ Москвѣ послалъ я подъ сею отпискою съ торопчаниномъ Семеномъ Болотниковымъ сентября во 2 день и велѣлъ ему отписку и сказки подать въ Разрядѣ".

Вѣроятно на основаніи этого письма Дальель былъ смѣщенъ по слѣдующему рѣшенію: „Государь указалъ выслать къ Москвѣ и о томъ послать къ боярину грамоту, а полкъ приказать полуполковнику" [1].

Царь Алексѣй Михайловичъ постоянно слѣдилъ за военными дѣйствіями и иногда лично дѣлалъ распоряженія; такъ 26 сентября онъ писалъ Хованскому:

„И ты бъ, Друи и Бреславля отъ приходу ратныхъ людей оберегалъ", а тѣмъ людямъ, которыя будутъ для этого посланы, „приказать накрѣпко, чтобъ селъ и деревень не разоряли и у присяжныхъ мужиковъ даромъ ничего не имали для того, что въ тѣхъ селахъ и въ деревняхъ наши хлѣбные запасы многіе" [2].

---

[1] Акты Моск. Госуд. III, с. 155.

[2] с. 159 „Писанъ въ селѣ Здвиженскомъ въ нашихъ царскихъ хоромѣхъ. Лѣта 7169 сентября въ 26 день".

Въ другой разъ 3 октября онъ писалъ Хованскому, сообщая о побѣдѣ князя Ю. А. Долгорукова:

„Писалъ къ намъ князь Юрьи Алексѣевичъ Долгоруково: сентября въ 24 день сошлись они съ гетманы Сапѣгою и съ Чернецкимъ и съ Пацею Полубенскимъ въ селѣ Губаревѣ и были бои большія и наши ратные люди гетмановъ и польскихъ и литовскихъ людей съ поля сбили и многихъ побили“ [1].

Приказывалось далѣе князю Хованскому идти въ сходъ къ Долгорукову съ соблюденіемъ обычныхъ наставленій: „а дорогою шли бережно и осторожливо, развѣдывая про польскихъ людей всякими обычаи и на стѣнахъ становились въ крѣпкихъ мѣстахъ, розъѣздя и разсмотря по своему разсмотрѣнію, укрѣпясь обозомъ и по обозу денныя и ночныя сторожи держали крѣпкія и передъ собою подъѣзды и пріѣзжія станицы посылали и вѣстей про воинскихъ людей провѣдывали. А какъ съ полскими людьми сойдетесь, и вы бъ, прося у Бога милости и у Пречистыя Богородицы и у всѣхъ святыхъ помощи, смотря по тамошнему дѣлу и ссылаясь съ бояриномъ княземъ Юрьемъ Алексѣевичемъ Долгоруково надъ гетманы и надъ польскими и надъ литовскими людьми промышляли сопча за одно“ [2].

Выступивъ противъ непріятеля въ началѣ октября изъ Полоцка, князь Хованской писалъ царю: „и мы въ Полоцку въ соборной и апостольской церкви слушавъ молебнаго пѣнія и прося у Господа Бога милости и у христіанскія нашея надежды и заступницы и непреборимыя и крѣпкія воеводы Пречистые Богородицы и у всѣхъ святыхъ со слезами и надѣясь на твою праведную молитву и счастье, пошли изъ Полоцка сентября въ 22 день съ твоими ратными людьми, конными и пѣшими и съ нарядомъ въ Лепль; а Лепль, государь, податно къ Вильнѣ и къ Могилеву“ [3].

Для встрѣчи Хованскаго и снабженія его войска царь указалъ князю Бор. Аллександр. Репнину „провѣдывать про боярина и воеводу про князь Ивана Андреевича Хованскаго о приходѣ его къ Днѣпру и чтобъ передъ его приходомъ за день изготовить хлѣбовъ 2000 пятиалтынныхъ, а продавать ихъ велѣно въ тотъ боярскій полкъ ратнымъ людемъ по 3 алтына хлѣбъ, да ему жъ, велѣно изготовить въ малыхъ судѣхъ или въ большихъ лодкахъ 1000 чети сухарей и къ его боярина и воеводы и ратныхъ лю-

---

[1] Id. c. 172.
[2] Id. c. 173.
[3] Id. c. 174.

дей приходу тѣ хлѣбы и сухари велѣно сослать къ мосту, который пошлетъ онъ, бояринъ и воевода, изъ Смоленска къ Дубровнѣ и тѣхъ сухарей велѣно государевымъ ратнымъ людемъ роздавать безденежно по разсмотрѣнію“ [1].

16 октября новымъ повелѣніемъ царя были посланы изъ Смоленска „пики долгія“ въ два приказа 500 человѣкамъ и 800 солдатцкому полку „і въ надолбы пикъ же и тово строю мастера“ [2].

Походъ Хованскаго изъ Полоцка сопровождался такимъ бѣгствомъ людей изъ его войска, что онъ принужденъ былъ 16 октября писать царю:

„Какъ я изъ Полоцка пошелъ и дворяня и дѣти боярскіе розныхъ городовъ и рейтары и казаки съ твоей службы сбѣжали многіе, взявъ твое жалованье. А бѣгаютъ тѣ неслуги не впервые многижды; а кто имяны послалъ я роспись [3].

Черезъ нѣсколько дней Хованской вновь писалъ о бѣгствѣ людей: „никако, государь, такого грѣха не видалъ что нынѣ вижу: лишь скажутъ про поляковъ, побѣгутъ всѣ розно, ни мало не остаятся. Которые, памятуя страхъ Божій и твое крестное цѣлованіе и пресвѣтлую милость и свою породу, тѣ дородные, бьются, умираютъ за тебя“. Указаніе это на „дородныхъ“ людей, памятующихъ о своей породѣ, которая заставляетъ ихъ исполнять свой служебный долгъ, заслуживаетъ быть отмѣченнымъ [4].

Въ отвѣтъ на донесеніе, государь указалъ: „велѣть бѣглецовъ помѣстья выписать“ [5].

Далѣе 25 октября Хованской сообщалъ о походѣ: „пошли мы изъ Лепля октября въ 9 день къ мѣстечку Лукомлю, а изъ Лукомля, развѣдывая, пойдемъ къ Толочину, а отъ Толочина до Шклова 40 верстъ. А ко князю Юрью Алексѣевичу Долгоруково писали мы октября въ 3 день, а послали проѣзжую станицу наскоро и велѣли ѣхать на Витебскъ и на Смоленскъ: будетъ гетманы Сопѣга и Чернецкій уступитъ отъ него и пойдетъ на насъ за Днѣпръ, и по твоему указу учинить бы ему намъ вспоможенье, чтобъ Божьимъ и твоимъ дѣломъ промышлять сообча [6].

На другой день 26 октября Хованской писалъ, сообщая о слѣдующихъ стычкахъ съ непріятелемъ:

---

[1] Id. c. 177.
[2] Приказъ тайныхъ дѣлъ I, 966.
[3] Акты Моск. Госуд. III стр. 181.
[4] Id. c. 208.
[5] Id. c. 182.
[6] Id. c. 188.

„Приходили польскіе и литовскіе люди за Двиной рѣкой въ посадъ на Екиманскую и Кабацкую стороны съ 1000 человѣкъ. И мы посылали противъ литовскихъ людей и твои ратные пѣшіе люди литовскихъ людей изъ посаду выбили и посадовъ жечь не дали. А конныхъ людей выѣзжало съ ними 38 человѣкъ, огурилися за грѣхъ, многіе обезстыдѣли, поѣхали по домомъ“ [1].

Далѣе онъ сообщалъ: „а у насъ въ Полоцку стало малолюдно. Милости у тебя просимъ, вели пожаловать, прибавить. Дробны стали за грѣхъ нашъ, не надежны; не вѣдомо отъ Бога, или они, враги, непріятельскіе люди своимъ злымъ ухищреніемъ и волхованіемъ страхъ напустили. Всячески говоримъ, чтобъ ободрились, и какъ бы промыслъ учинить надъ непріятелемъ: да не о комъ ободрится. Умилосердися, великій государь, вели пожаловать прибавить своихъ ратныхъ людей, а мы ради служить и умереть за тебя“. Помощь была выслана, ибо отмѣчено: „государь пожаловалъ велѣлъ“ [2]. 26 октября князь Ю. А. Долгоруковъ сообщалъ государю: „у твоихъ ратныхъ людей полку боярина и воеводы князь Ивана Ондреевича Хованскаго былъ бой съ Кмитичемъ и его де Кмитича твои ратные люди побили, а какъ де поспѣлъ Чернецкой съ своимъ полкомъ и Чернецкій де многихъ побилъ и въ полонъ поималъ“. Далѣе онъ писалъ, что послѣ боя Хованской „со всѣми ратными и конными людьми изъ Череи пошелъ, а въ Череѣхъ де у Бѣлой церкви оставилъ въ окопѣ пѣхоту своего полку всю“ [3].

Изъ весьма подробнаго и обстоятельнаго донесенія самаго князя И. А. Хованскаго государю видно, что исходъ сраженія былъ однако не столь неудаченъ; вотъ что онъ доносилъ царю отъ 24 октября: „въ нынѣшнемъ, во 169 годѣ октября въ 11 день, вѣдомо намъ учинилось, отъ взятыхъ литовскихъ людей, что прислалъ гетманъ Сопѣга полковниковъ Кмитича да Оскирку въ мѣстечко Черею, а съ ними съ 1000 человѣкъ, для того, чтобы не пропустить насъ къ Шклову и къ Могилеву, чтобъ имъ не помѣшать промыслу чинить надъ бояриномъ и воеводою, княземъ Юрьемъ Алексѣевичемъ Долгоруково и надъ твоими ратными людьми. И по тѣмъ вѣстямъ ходили мы изъ Лукомля [4] въ мѣстечко Черею [5] на Кмитича и на Оскирку, и свѣдавъ Кмитичъ и Оскирка убоясь,

---

[1] Id. c. 208.

[2] Id. c. 208.

[3] Id. c. 196.

[4] Лукомль, нѣкогда столица особаго удѣла. Въ 1078 его сжегъ Владиміръ Мономахъ. Видны развалины замка.

[5] Черея, нѣкогда столица Черейскаго княжества, затѣмъ владеніе Льва Сапѣги. На острову Черейскаго озера былъ Базиліанскій монастырь.

побѣжали изъ мѣстечка Череи въ Толочино; и мы посылали за ними гонять ратныхъ людей и гоняли отъ Череи 15 верстъ, которыхъ людей догнали, тѣхъ побили. А мы стали въ мѣстечкѣ Череи укрѣпясь, валъ земляной учинили. Октября жъ въ 16 день посылали мы на полковниковъ Кмитича и Оскирку 2 полки рейтарскихъ Якова Бильса да Алексѣя Данилова, головъ съ сотними князь Никиту Путятина, князь Василья Елецкаго, Петра Давыдова, Степана Алексѣева и велѣли имъ, прося у Бога милости и у Пречистыя Богородицы и у всѣхъ святыхъ помощи, промыслъ чинить, къ свѣту придти на зорѣ. И октября жъ въ 17 день сошлись въ мѣстечкѣ Толочинѣ, отъ Череи 30 верстъ, и учалъ быть бой большой; и на томъ бою твои ратные люди полковниковъ Кмитича и Оскирку побили на голову, сѣкли и побивали на 15 верстахъ сотъ съ 6 и больше и начальныхъ людей, ротмистровъ и порутчиковъ побили, въ языцѣхъ взяли 150 человѣкъ, и изъ обозу выбили, и обозъ взяли было, и побѣжали Кмитичъ и Оскирка съ небольшими людьми, человѣкъ съ 100 съ нимъ, такое дарованіе Божіе учинилось было по твоей праведной молитвѣ и счастію!.. И тѣхъ языковъ отведчи, посѣкли, для того, чтобы на бою было не малолюдно, либо откуль будутъ большіе люди, а оставили только 15 человѣкъ шляхты для подлинной вѣдомости и прислали ихъ въ обозъ. И свѣдавъ, гетманъ Сапѣга и Чернецкій, что твои ратные люди Кмитича побили и гонятъ за нимъ и на помощь имъ поспѣшилъ Чернецкій съ коруннымъ войскомъ, а за нимъ шолъ въ ближнихъ мѣстахъ гетманъ Павелъ Сопѣга съ литовскими людьми, а шли на насъ безвѣстно, за Днѣпръ отступя отъ боярина и воеводы князя Юрья Алексѣевича Долгоруково. И скочили корунное войско на твоихъ ратныхъ людей жестокимъ обычаемъ и твои ратные люди устояли, и бой учалъ быть жестокій; бились, не щадя головъ своихъ и многихъ коруннаго войска побили и языковъ въ полонъ поимали, и на томъ бою убито и въ полонъ взято твоихъ ратныхъ всякихъ чиновъ людей 300 человѣкъ, а полковники рейтарскаго строю и сотенные люди отошли съ бою въ обозъ отводомъ“... Далѣе Хованской сообщалъ свѣдѣнія, добытыя отъ взятыхъ языковъ 5 человѣкъ, которые сказали: „что де гетманъ Сопѣга и Чернецкій пришли на насъ, а противъ князь Юрья Алексѣевича Долгоруково оставили полковниковъ Полубенскаго да Михайла Патца съ жмоицкимъ войскомъ“, и писалъ, какое впечатлѣніе это извѣстіе произвело въ его войскѣ: „и свѣдавъ тѣ вѣсти, дворяне приходили къ намъ и били челомъ, чтобъ въ обозѣ не сидѣть, а идти въ отходъ: въ обозѣ де имъ сидѣть противъ такихъ большихъ людей не мочно и не отсидѣться; и я, Ивашка, говорилъ дворя-

номъ, чтобъ въ обозѣ сѣсть, сидѣть было мочно: валъ учиненъ былъ земляной, а хлѣба и конскаго корму было на мѣсяцъ и больше, и чтобъ дожидаться на выручку боярина и воеводъ князя Юрья Алексѣевича Долгоруково; и дворяне, говорили, что та выручка далека, чтобъ идти изъ обозу". Пришлось имъ уступить. „И по ихъ челобитью, писалъ Хованской, пошли мы изъ обозу отъ мѣстечка Череи къ Полоцку ночью, чтобъ твоихъ ратныхъ людей не потерять: а нарядъ отпустили мы другою дорогою съ пушкарскими головами на мѣстечко Лепль... А мы пошли на Чашники тихимъ обычаемъ съ пѣхотою, и шли подлѣ крѣпостей къ болотамъ и къ лѣсамъ, а ночью большою дорогою чтобы непріятельскіе люди не разорвали; а съ нарядомъ идти въ тѣхъ мѣстахъ не мочно, а большою дорогою на Лепль съ нарядомъ идти было намъ тихимъ ходомъ не мочно жъ, непріятельскіе люди угнали и осадили бы всѣхъ: мѣста пришли полистыя. И какъ вышли мы изъ обозу, и многіе дворяне и рейтары, покинувъ насъ, побѣжали розными дорогами; а съ нами шли гусары да рейтары и сотенные головы и дворяне небольшіе люди, которые, памятуя страхъ Божій и твое крестное цѣлованіе, насъ до Полоцка не покинули. И какъ отошли мы отъ обозу верстъ съ 15, свѣдавъ гетманъ Сопѣга и Чернецкій, послали за нами гонять племянника своего Христопа Сопѣгу да Липницкаго да Кмитича да князя Дольскаго, а съ ними было 3000, чтобы бой учинить... И польскіе люди угнали насъ въ 25 верстахъ, и у твоихъ ратныхъ людей учалъ быть съ ними бой помычный. И шли мы отводомъ обороною рукою 50 верстъ днемъ и ночью, а на отводѣ были перемѣняясь генералъ-поручикъ и головы Московскихъ стрѣльцовъ, солдаты заонежскіе и новгородскіе стрѣльцы; а за ними шли для береженья отъ напуску литовскихъ людей гусаръ 3 роты, а въ ротѣ по 90 человѣкъ; а сотни шли по сторонамъ и рейтары; а твое знамя посреди полку шло; и шли 2 дни да ночь въ справѣ. а непріятель за нами шелъ; а твои ратные люди идутъ отстрѣливаясь. И хотѣли непріятельскіе люди, истомя насъ голодомъ и безсоніемъ, промыслъ чинить и увидѣли непріятельскіе люди, что Господь Богъ укрѣпилъ твоею праведною молитвою твоихъ ратныхъ людей: идутъ тихимъ обычаемъ и строемъ, а не боязнью; и пріѣзжаючи стали говорить, чтобы дать бой и гдѣ мѣсто избрать, а для того и говорятъ своимъ злымъ умысломъ, чтобъ насъ одержать, а въ то бъ время Чернецкому поспѣшить. И за 20 верстъ до Полоцка, вѣдая непріятельскіе люди крѣпость, переходить намъ рѣку Сую, стали наступать на насъ и тѣснить къ крѣпости; и мы, помысля съ енераломъ и съ головами Московскихъ стрѣль-

цовъ съ Васильемъ Пушечниковымъ, Тимофеемъ Полтевымъ и съ полковники и съ сотенными головами и съ дворяны, которые за нами написаны и положа крѣпкое упованіе на Всемогущаго Бога и на Пречистую Богородицу и призывая въ помощь грознаго и страшнаго небесныхъ силъ воеводу архистратига Михаила и всѣхъ святыхъ и надѣясь на твою праведную молитву и счастье, единодушно и единомышленно всѣ устремились умереть за тебя и дали бой съ Хриштопомъ Сопѣгою и съ Липницкимъ и съ Кмитичемъ отъ Полоцка въ 25 верстахъ и учалъ быть бой у твоихъ ратныхъ людей съ 1 часа дни помычный. И мы поставили енерала съ полкомъ и головъ Московскихъ стрѣльцовъ и пѣхоту олонецкую и новгородскихъ стрѣльцовъ, что есть въ лѣсу, чтобы нанесть на нихъ, а на устойку поставили Степана Уварова съ полкомъ рейтарскимъ, а въ полку у него въ тѣ поры было человѣкъ съ 200, а то всѣ разбѣжались, и всѣхъ твоихъ ратныхъ конныхъ людей было въ то время человѣкъ съ 500; и непріятельскіе люди, видя малолюдство, учали наступать на твоихъ ратныхъ людей на рейтаръ и на сотенныхъ людей и рейтары и сотенные люди бились, не щадя головъ своихъ. И непріятельскіе люди пришли Хриштопъ Сопѣга со всѣми конными и пѣшими людьми и рейтаръ сорвали и пришли на пѣшихъ твоихъ ратныхъ людей жестокимъ обычаемъ и учалъ быть бой жестокій; конные и пѣшіе непріятельскіе люди стали наступать на твоихъ ратныхъ пѣшихъ людей, чтобы ихъ разорвать и побить, и твои ратные люди, генералъ поручикъ и головы Московскихъ стрѣльцовъ съ приказы стали твердо и не уступили непріятелю мѣста, бились, не щадя головъ своихъ; и мы, взявъ гусаръ и что было съ ними всякихъ чиновъ твоихъ ратныхъ людей на вспоможеніе твоимъ ратнымъ пѣшимъ людемъ и польскихъ людей сорвали и пѣшимъ людемъ вспоможеніе учинили. И былъ бой жестокій съ 1 часу дни, напуски были жестокіе на пѣхоту, и милостію Божіей и Пречистыя Богородицы помощію и заступленіемъ грознаго и страшнаго небесныхъ силъ воеводы архистратига Михаила и всѣхъ святыхъ молитвами, а твоимъ и сына твоего... превысокіе руки счастіемъ, польскихъ людей многихъ побили и съ поля сбили и отошли въ цѣлости въ Полоцкъ, только убито на бою 20 человѣкъ рейтаръ. А нарядъ польскіе люди угнали и отбили, въ томъ твоя воля, а которые твои ратные люди посыланы были для обереганья наряду, всѣ въ цѣлости отошли оборонною рукою; да съ ними жъ послано было 2 бочки пороху и тотъ порохъ они разсѣкли и въ грязь втоптали“ [1].

[1] Id. c. 203, 204, 205.

Это отступленіе Хованскаго вызвало его отозваніе; черезъ недѣлю 10 ноября царь приказалъ ему ѣхать къ Москвѣ: „а на нашей службѣ, писалъ онъ, на твое мѣсто противъ польскихъ людей съ полкомъ велѣно быть окольничему нашему и воеводѣ князю Данилу Степановичу Великаго-Гагину, а съ нимъ товарищу твоему стольнику нашему Ивану Вельяминову... и ты бъ своего полку ратныхъ, конныхъ и пѣшихъ людей и списки имянъ ихъ и наше знамя и нарядъ и зелье и свинецъ и всякіе пушечные и хлѣбные запасы и денежную казну и сотенныя знамена и барабаны и всякій полковой строй отдалъ князю Данилу Великаго-Гагину; а отдавъ все сполна, ѣхалъ къ намъ къ Москвѣ тотчасъ безъ мотчанія“ [1].

Однако черезъ четыре дня состоялся новый указъ, по которому Хованской оставался во главѣ войска: „и нынѣ по нашему указу, велѣно тебѣ... писалъ царь, у того полку быть по прежнему, а окольничему нашему князю Данилу Степановичу, по нашему указу, велѣно въ Полоцку быть у сыскнаго дѣла... и тотъ полкъ во всемъ вѣдалъ по прежнему нашему указу и Божіимъ и нашимъ дѣломъ надъ польскими людьми промышлялъ“ [2]. Быть можетъ, не состоялось ли первоначальное рѣшеніе царя по письму князя Долгорукова, а отмѣна произошла послѣ полученія донесенія самого Хованскаго? Въ томъ же письмѣ 18 ноября государь указывалъ: „около Полоцка по ту сторону рѣки села и деревни и конскіе кормы и гумна и гуменные кормы обжечь до Луцкаго уѣзду, чтобъ нигдѣ польскимъ людямъ пристанища не было; на Луки Великія, въ Торопецъ и на Невль къ воеводамъ послать грамоты, велѣть въ осаду идти да взять всякіе запасы, а что останется... сѣна, соломы, и то велѣть пожечь, чтобъ пристанища польскимъ людямъ не было“ [3].

20 ноября царь указалъ Хованскому для конскихъ кормовъ изъ Полоцка отступить на Невль [4]. „И будетъ, писалъ царь, польскіе и литовскіе люди къ Невлю пойдутъ, и ты бъ съ нашими ратными людьми съ Невля отступилъ на Луки Великія“ [5].

Въ концѣ ноября Хованской вновь просилъ царя прислать подкрѣпленіе: „вели пожаловать, прибавить ратныхъ конныхъ и

---

[1] Id. c. 200.
[2] Id. c. 209.
[3] Id. c. 210.
[4] Id. c. 217.
[5] Id. c. 218.

пѣшихъ людей, съ кѣмъ бы мочно надъ непріятелемъ промыслъ чинить на полѣ, а не изъ города“.... Далѣе онъ говоритъ: „въ Полоцкѣ сѣсть въ осадѣ непріятелю дать просторъ...., да и сидѣть не зачѣмъ: въ 3 дня всѣ будутъ безъ лошадей, кормить нечимъ и нынѣ сѣна нѣтъ..., то его непріятельская и мысль, чтобы насъ учинить безъ лошадей“ [1].

Дѣйствіями Хованскаго царь видимо былъ недоволенъ и вновь повелѣлъ ему сдать начальствованіе:

„Ноября въ 30 день государь указалъ боярина и воеводу князя Ивана Ондреевича Хованскаго перемѣнить, а велѣть полкъ принять и пересмотрѣть и вѣдать окольничему князю Данилу Степановичу Великаго-Гагину, а боярину князю Ивану Ондревичу быть къ Москвѣ“. Воеводѣ же князю Данилу Степановичу Великаго-Гагину, было указано „принявъ у него полкъ совсѣмъ, по прежнему государеву указу изъ Полоцка отступить на Невль и на Невлѣ съ ратными людьми сбираться“ [2].

Объ этомъ же царь такъ писалъ самому Хованскому того же 30 ноября: „писано отъ насъ къ тебѣ, велѣно тебѣ быть на нашей службѣ въ Полоцку и полкъ свой во всемъ вѣдать по прежнему нашему указу, а окольничему нашему князю Данилу Степановичу Великаго-Гагину велѣно быть въ Полоцку у сыскнаго дѣла. И нынѣ, по нашему указу, велѣно тебѣ ѣхать къ Москвѣ, а на нашей службѣ противъ польскихъ людей велѣно быть окольничему нашему и воеводѣ князю Данилу Степановичу Великаго-Гагину, а, отдавъ все сполна, ѣхалъ къ Москвѣ безъ мотчанья“ [3].

Хованской 2 декабря увѣдомлялъ царя, что Чернецкій узналъ объ отозваніи его въ Москву, что „велѣно мнѣ, писалъ онъ, быть къ Москвѣ и видѣть твои пресвѣтлыя очи“, что поэтому Чернецкій извѣщалъ Кмитича, чтобъ тотъ шелъ за Двину и занялъ дороги и его захватилъ [4].

Произошла ли вновь отмѣна приказанія о перемѣнѣ Хованскаго, или нѣтъ, не извѣстно, но только Хованской вновь пишетъ государю какъ и до того, т. е. какъ начальствующій надъ войскомъ; именно 10 декабря онъ писалъ царю о невозможности отступить ему нынѣ же изъ Полоцка: „объ отступкѣ изъ Полоцка на Невль мы-

---

[1] Id. c. 221.
[2] Id. c. 231.
[3] Id. c. 233.
[4] Id. c. 201.

слилъ я съ дворяны и на Невль отступить нынѣ не успѣть, потому что непріятельскіе люди стоятъ въ ближнихъ мѣстахъ: Чернецкій стоитъ отъ Полоцка въ 20 верстахъ, а гетманъ Сопѣга стоитъ въ Витебскомъ уѣздѣ въ мѣстечкѣ Бѣлицѣ... И свѣдаетъ про насъ, что отступили изъ Полоцка на Невль, помнятъ то, что мы побѣжали изъ Полоцка, убоясь ихъ, тотчасъ пойдутъ за нами, не токмо до Лукъ и далѣ, а намъ вскорѣ противъ него не справиться, твоему государеву дѣлу прибыли не будетъ.... А уѣзды разорятъ, а ратные люди многіе разъѣдутся по домомъ, потому что въ ближнихъ мѣстахъ отъ домовъ своихъ будутъ. Да и шляхта и бурмистры и всѣ мѣщане Полоцкіе били челомъ тебѣ, а къ намъ пришедъ говорили со слезами, чтобъ мнѣ изъ Полоцка не ходить на Невль и ихъ непріятелю не выдать.....Да не токмо Полоцка и Десны страхъ, что бы не поколебались въ мысли, для того: стоятъ подъ Десною Лисовскій да Щитъ отъ города въ 3 верстахъ и тѣсноту многую чинятъ. А которые проходцы изъ Десны приходятъ ко мнѣ отъ мѣщанъ и бьютъ челомъ со слезами, чтобы ихъ не выдать, присылаютъ де литовскіе люди къ нимъ ежеденъ о сдачѣ города и стращаютъ ихъ приступомъ и взятіемъ; и я обнадеживаю ихъ, чтобы они сидѣли крѣпко и на слова ихъ не прельщались и грозъ ихъ не боялись, а я на выручку къ нимъ буду и оборонять ихъ стану... А я съ ратными людьми разрознюсь: пѣхота останется въ Полоцку, а конные пойдутъ со мною, и безъ пѣхоты не токмо на Невль, и на Лукахъ не устоять будетъ: разъѣдутся многіе по домомъ, никако будетъ не удержать; а непріятель провѣдаетъ, тотчасъ нападетъ. Страшенъ твоего гнѣва, чтобъ не потерять отходомъ своимъ Полоцка и Десны... И о томъ что ты укажешь мнѣ? А до твоего указу остановился я въ Полоцку“ [1].

Царь Алексѣй Михайловичъ вполнѣ одобрилъ такой образъ дѣйствій и 20 декабря, слушавъ сей отписки, указалъ отписать: „воеводу и ратныхъ всякихъ людей и полоцкую шляхту и мѣщанъ похвалить, что до нашего указу изъ Полоцка не пошелъ“ [2].

10 декабря Хованской писалъ, что 6 декабря „изъ жмойскаго войска почтовые и челядь человѣкъ съ 200, да полковникъ Суринъ съ волентары, а съ нимъ 1000 человѣкъ ниже Оболи рѣки перешли черезъ Двину, отъ Полоцка въ 20 верстахъ, для конскихъ кормовъ и хлѣбныхъ запасовъ, на Невельскую дорогу, что онъ „посылалъ на тѣхъ польскихъ людей посылку“ и что „былъ бой

[1] Id. c. 219.
[2] Id. c. 219.

за Оболью рѣкою", что „Польскихъ людей побили..., а полковникъ Суринъ... побѣжалъ и ратные люди за нимъ гоняли до Двины рѣки и ихъ за Двину рѣку прогнали и Невельскую дорогу очистили" [1].

Государь, слушавъ сей отписки, приказалъ отписать, что „учинилъ онъ добро и ратные люди, а однолично ходить съ береженьемъ".

12 декабря Хованской сообщалъ, что привели къ нему 2 языковъ, которыхъ распрашивалъ Чернецкій: „сказали, что я со всѣми твоими ратными конными и пѣшими людьми и съ нарядомъ иду на него"; и поэтому „въ корунномъ де войскѣ тревога была большая, декабря къ 9 числу въ ночи учинился у нихъ въ войску всполохъ" [2].

16 декабря Хованской извѣщалъ объ одномъ удачномъ дѣлѣ: „перешелъ изъ-за Двины рѣки на Невельскую дорогу ротмистръ Янъ Бузицкій", противъ котораго онъ послалъ отрядъ и „польскихъ людей побили всѣхъ на голову, что были съ ротмистромъ Бузицкимъ... и ротмистра Бузицкаго съ товарищи привели ко мнѣ" [3].

Есть еще одна отписка отъ 10 декабря, въ которой Хованской писалъ Царю въ Приказъ тайныхъ дѣлъ: „въ нынѣшнемъ, во 169 годѣ, декабря въ 7 и въ 8 день, призвалъ къ себѣ я дворянъ и дѣтей боярскихъ Новгородскаго разряду и съ ними мыслилъ, какъ бы полкъ наполнить и надъ непріятелемъ промыслъ учинить и не пропустить въ твою землю, чтобъ не дать уѣздовъ въ раззореніе. И дворяне говорили, что они за тебя ради умереть всѣ единодушно и женъ своихъ и дѣтей и домы свои позабыли единодушно и единомышленно стоятъ противъ твоего непріятеля покамѣсть ихъ станетъ. Они жъ говорили, чтобы съ помѣстій ихъ взять мужиковъ въ солдаты, сколько кто даетъ. Да не токмо крестьянъ и людей своихъ хотятъ дать на конѣхъ и съ ружьемъ противъ польскаго звычаю, потому что самихъ поляковъ немного, да почты и лезной челяди много, тѣмъ и побиваютъ... Они же говорили пополнить полкъ тѣмъ: въ Великомъ Новѣгородѣ Софѣйскаго дому и монастырскихъ слугъ и во Псковѣ архіепископлихъ дѣтей боярскихъ и монастырскихъ слугъ въ рейтары выбрать мочно больши дву тысячъ, къ нимъ же въ прибавку поповы и дьяконскіе и дьячковы дѣти, которые не у приходовъ

---

[1] Id. c. 263.
[2] Id. c. 264.
[3] Id. c. 265.

даромъ гуляютъ... А въ нынѣшнемъ времени промыслъ надъ непріятелемъ чинить лутче, если будетъ пѣхоты довольно: насты придутъ, пѣхоту учинить на лыжахъ, снѣги большіе, а во многихъ мѣстахъ за Двиною и лѣса пришли, большія крѣпи, конной ничего пѣхотѣ не учинить въ большомъ снѣгу и въ лѣсу, а у поляковъ пѣхоты и драгуновъ не много, конныхъ много, а гусару жъ нельзя въ большой снѣгъ и по насту скочить на пѣхоту. Тѣмъ и промыслъ будетъ надъ непріятелемъ учинить въ нынѣшнемъ времени лутче лѣтнего; а непріятельскіе люди коруннаго войска Чернецкаго полку стоятъ въ разныхъ мѣстахъ, хорунги по 2 и по 3, въ деревняхъ верстъ по 15 и по 20 межъ себя, потому промыслъ нынѣ чинить надъ ними лучше лѣтнего, что стоятъ врознь для своихъ покоевъ. И о томъ что ты укажешь мнѣ? А собрать рейтаръ и пѣхоту вскорѣ мочно. А сее отписку послалъ я съ новгородцемъ Игнатьемъ Веревкинымъ“ [1].

Въ отвѣтъ на это 27 декабря царь писалъ: „декабря въ 20 день писалъ ты къ намъ съ новгородцемъ съ Игнатьемъ Веревкинымъ, что твоего полку дворяне и дѣти боярскіе, служа и радѣя намъ, хотятъ съ помѣстій своихъ и съ вотчинъ дать даточныхъ людей. И мы за ихъ службу и радѣнье похваляемъ... И ты бъ.., сказавъ имъ наше милостивое слово, велѣлъ имъ даточныхъ конныхъ людей поставить по своей мочи, у кого сколько есть..., а на тѣ даточные люди будетъ наше жалованье по 20 рублевъ человѣку... А будетъ межъ ими, дворяны и дѣтьми боярскими, въ чемъ учинится рознь, и тебѣ бъ ихъ приводить въ одну мысль, какъ бы нашему дѣлу было прибыльнѣе и лутчи. А сборщиковъ бы изъ Новагорода въ ихъ помѣстья и вотчины не посылать и убытка людемъ и крестьяномъ ихъ не чинить“ [2].

Царь Алексѣй Михайловичъ безъ сомнѣнія смягчился по отношенію къ князю И. А. Хованскому, ибо 9 января того же 1660 года прибылъ къ нему отъ царя стольникъ Семенъ Колтовской, который спросилъ боярина и ратныхъ людей о здоровьи и передалъ царскія статьи о сборѣ даточныхъ людей Новгородскаго полку и о назначенномъ имъ жалованіи.

Радостно отвѣчалъ 12 января князь Хованской и писалъ царю: „по твоему указу стольникъ Семенъ Колтовской твою пресвѣтлую милость мнѣ и дворяномъ сказалъ... да я, видя такую твою пресвѣтлую и неизреченную милость къ себѣ, съ радостными слезами Свѣту Живодавцу Христу хвалу возсылаю:

---

[1] Id. c. 234.
[2] Id. c. 234.

милосердія ради своея милости помиловалъ меня грѣшнаго и твое праведное сердце умягчилъ ко мнѣ беззаступному. Чего у меня бѣднаго и беззаступнаго и на умѣ не было, такою своею пресвѣтлою милостью взыскалъ холопа своего. Чѣмъ такую пресвѣтлую милость заплатить? Ни головой своей не заплатить! Радъ служить и умереть за тебя и съ дѣтишками своими и въ Божіѣ и въ твоемъ во всякомъ дѣлѣ искать прибыли сколько моего умишка станетъ до кончины живота моего. А съ дворяны мыслилъ я о людѣхъ ихъ и о крестьянѣхъ и положили на томъ: съ 25 дворовъ дать въ солдаты; а конныхъ всякій по своей мочи поставитъ; а со вдовъ и съ недорослей съ десятаго двора солдатъ, а конныхъ по разсмотрѣнію... А людей своихъ и крестьянъ въ солдаты дворяня псковичи, пусторжевцы, невляне, торопчане, лучане, сами поставятъ, а чтобъ къ нимъ въ городы сыщиковъ не посылать: отъ тѣхъ де сыщиковъ чинятся имъ убытки большія, пріѣзжаютъ де къ нимъ изъ Великаго Новагорода и изъ Царевича Дмитреева города ссыщики и выбираютъ солдатъ съ третьяго и съ четвертаго и съ пятаго двора, и тѣ де крестьяне ихъ изъ Царевичева Дмитреева города бѣгаютъ отъ голоду... А какъ бы де тѣ ихъ крестьяне были съ ними вмѣстѣ въ одномъ полку, и они не бѣгали, всякій бы своего крестьянина прокормилъ. А новгородцы, тверичи, новоторжцы, старичане дворяне говорили, что имъ самимъ крестьянъ своихъ поставить въ Полоцку не умѣть, потому что они люди дальніе, чтобы въ помѣстья ихъ послать сборщиковъ въ пятины изъ Великаго Новагорода боярину и воеводѣ князю Григ. Сем. Куракину; а людей своихъ конныхъ станутъ ставить по своеймочи“ [1].

Свѣдѣнія о дальнѣйшихъ дѣйствіяхъ князя Хованскаго на нѣкоторое время прекращаются и возобновляются лишь въ слѣдующемъ году, именно 25 декабря 1661 года, когда онъ извѣщалъ государя о счастливыхъ бояхъ, бывшихъ у него 16, 17 и 18 декабря съ пришедшими изъ Бѣшенковичей литовскими людьми, которые перешли за Двину рѣку въ Невельскій и въ Озеринскій уѣзды и когда высланный противъ нихъ нашъ отрядъ разбилъ непріятеля: „3500 побили на голову и обозы поимали, а въ языцѣхъ взяли 65 человѣкъ“ [2].

Наконецъ 21 декабря того же 1661 года князь И. А. Хованской одержалъ побѣду надъ Лисовскимъ подъ Заволочьемъ. О побѣдѣ этой изъ Невля такъ увѣдомлялъ царя воевода Максимъ Бѣшенцовъ: „Въ нынѣшнемъ 169 годѣ декабря въ 21 день прибѣжалъ

---

[1] Id. c. 236.
[2] Id. c. 287.

на Невль заволоцкій стрѣлецъ Анисимко Першинскій, а сказалъ мнѣ: литовскіе люди и Заволочье высѣкли и разорили до основанія и Невельскаго уѣзда монастырскую волость высѣкли и выжгли"; кромѣ того къ нему были приведены языки и въ распросѣ эти литовскіе люди сказались: „Микулайкомъ зовутъ Степановъ съ Дрысы... и декабря съ 21 числа декабря на 22 число въ ночи князь Иванъ Ондреевичъ Хованской съ товарищи въ Заволочье ночью въ первый сонъ на тѣхъ литовскихъ людей, на Лисовскаго съ товарищи, на сонныхъ людей напали и литовскихъ людей побили; а въ полку у Лисовскаго... было шляхты конныхъ людей 1000 да 2 хоронги, а пѣшихъ сколько людей того не вѣдаетъ; а онъ Микулайко бѣжалъ съ разгрому отъ твоего боярина князя Ивана Ондреевича Хованскаго и то Микулайка видѣлъ, какъ твои ратные люди побили подъ Заволоцкимъ городищемъ на озерѣ на Поцѣ и литовскіе люди ударилися въ побѣгъ" [1].

Такимъ образомъ, на основаніи этого сообщенія, можно думать, что полковникъ Лисовскій былъ взятъ въ плѣнъ подъ Заволочьемъ въ декабрѣ 1661 года; у Соловьева говорится, что дѣло это было подъ Друей въ февралѣ того же года.

Въ ноябрѣ 1661 года были подосланы въ Десну и въ Полоцкъ польскіе листы о сдачѣ города. Хованской выслалъ эти листы въ Москву и писалъ: „Государю, царю... Ивашка Хованской съ товарищи челомъ бьетъ. Въ нынѣшнемъ во 169 годѣ ноября въ 24 день писалъ къ намъ съ Десны воевода Микита Хвостовъ и прислалъ листъ непріятельскихъ людей, что писали въ Десну о сдачѣ города; ноября жъ, въ 25 день приходили къ намъ полоцкіе бурмистры Оедоръ Садковскій съ товарищи и принесли листъ, а тотъ де листъ прислалъ къ нимъ Степанъ Чернецкій о сдачѣ города Полоцка и тѣ листы къ Москвѣ послали мы подъ сею отпискою рейтарскаго строю съ квартермейстеромъ съ Давыдомъ Шишкинымъ ноября въ 25 день и велѣли ему отписку и листы подать въ Разрядѣ. А противъ листа, каковъ подали намъ полоцкіе мѣщане, говорилъ я, Ивашка, бурмистромъ и мѣщаномъ, чтобъ они служили тебѣ вѣрно, а на такія подсылочныя прелести не прельщались: пишетъ Чернецкій въ листу своемъ, своимъ злымъ вымысломъ, будто боярина и воеводу Василья Борисовича Шереметева польскіе люди побили и черкасы будто королю присягали, того ничего не бывало, свой упадокъ вмѣняютъ будто они побили, а побилъ на голову поляковъ бояринъ и воевода Василій Борисовичъ Шереметевъ, а черкасы по прежнему подъ твоею высокою

[1] Id. c. 277.

рукою, и они бъ, мѣщаня, тѣмъ подсылочнымъ листамъ впредь не вѣрили и были въ твердости, на чемъ они тебѣ крестъ цѣловали". На оборотѣ отписки записано: „великому государю ся отписка и переводъ съ польскаго письма чтена". Царь приказалъ: „отписать, жить съ береженьемъ, а полоцкимъ мѣщаномъ и всякимъ жилецкимъ людемъ сказать, чтобъ они и впредь великому государю служили, письма, которыя польскіе люди на прелесть къ нимъ писать учнутъ, объявляли, а за ихъ службу государева милость къ нимъ будетъ" [1].

13 февраля Хованской извѣщалъ царя, что пришли къ нему дворяне Новгородскаго уѣзда и били челомъ со слезами, что они скудны и бѣдны и безконны, что сѣна и соломы верстахъ въ 150 отъ Полоцка не добыть, что хлѣбъ стоитъ 10 рублей бочка, что они слышали будто царь повелѣлъ ихъ распустить по домамъ; вмѣстѣ съ отпиской Хованской послалъ и челобитную дворянъ: „а не пріять у нихъ челобитной, прибавляетъ онъ, и не послать къ тебѣ не смѣлъ: страшенъ твоего гнѣву, чтобы не разбѣжались твои ратные люди съ твоей служды. И о томъ что ты укажешь мнѣ?"

Государь указалъ князю Хованскому изъ Полоцка отступить во Псковъ [2], а къ князю Хованскому послать князя Ю. Шаховскаго въ товарищи [3]; 26 мая Хованской извѣщалъ царя, что на Вороночь товарищъ его князь Юрьи Шаховской пришелъ [4]. Царь отвѣчалъ приказомъ собирать людей въ Псковъ и прислалъ примѣрную рѣчь къ Новгородскому митрополиту Макарію о дачѣ дѣтей боярскихъ и монастырскихъ слугъ на время, которую князь Хованской долженъ былъ говорить [5].

27 марта Хованской писалъ царю:

„...страшно, государь, того, не пришли бъ на Святой недѣлѣ въ Пусторжевскій и въ Луцкій и въ Опочецкій уѣзды: то время всегда бываетъ оплошно: надобетъ собраться и поранѣе выступить изъ Пскова, хотя бы на Опочку, то бъ было непріятелю къ страсти, а уѣзды бъ были заступлены".

6 апрѣля Хованской увѣдомлялъ о нехваткѣ оружія:

„...надобетъ, писалъ онъ, рейтаромъ карабины и пистоли и латы и шишаки, а во Псковѣ которымъ стрѣльцымъ 1000 человѣкамъ быть на твоей службѣ, и у тѣхъ мушкеты худы, а новоприбор-

---

[1] Акты Моск. Госуд. III, стр. 248.
[2] с. 340.
[3] с. 343.
[4] с. 345.
[5] с. 350—351.

нымъ солдатомъ взять будетъ ружья негдѣ, во Псковѣ въ казнѣ нѣтъ. И о томъ что укажешь мнѣ?“ Просьба была исполнена и въ отвѣтъ 16 апрѣля государь указалъ послать во Псковъ 500 карабиновъ и 500 паръ пистолетовъ [2], а черезъ нѣсколько дней 26 апрѣля велѣно было „послати въ Великій Новгородъ 2000 мушкетовъ, во Псковъ 2000 карабиновъ, 2000 паръ пистолей, 1000 мушкетовъ, 900 латъ рейтарскихъ“ [3].

Все оружіе было отправлено подводами по слѣдующему разсчету: „мушкетовъ по 60 на подводу, итого 50 подводъ; карабиновъ по 100, итого 20 подводъ; пистолей по 50, итого 40 подводъ; латъ по 20, итого 45 подводъ; всего 155 подводъ“ [4].

24 мая, царь посылая Хованскому новаго товарища писалъ: „велѣно съ тобою въ товарищахъ быть князь Василью княжъ Михайлову сыну Гагарину“ [5].

Рожденіе царевича Ѳедора вызвало милостивое вниманіе царя къ Хованскому и государь писалъ: „въ нынѣшнемъ во 169 году, мая въ 30 день Всемогущій Господь Богъ подаровалъ намъ сына благовѣрнаго царевича и великаго князя Ѳедора Алексѣевича. И для тое нашей радости пожаловали мы, указали послать нашего жалованья тебѣ, боярину нашему и воеводѣ, пять сотъ рублевъ съ стряпчимъ съ Михайломъ Головинымъ. Писанъ въ Царствующемъ градѣ Москвѣ въ нашихъ царскихъ полатахъ. Лѣта 7169 мая въ 31 день“ [6].

Въ началѣ іюня Хованской совѣтовалъ открыть дѣйствія противъ непріятеля и писалъ: „промышлять надъ литовскими людьми нынѣ время, потому что они не въ сборѣ, гетмана и полковниковъ и иныхъ начальныхъ людей нѣтъ, а какъ пріѣдутъ подобостраснѣе будетъ въ войскѣ къ промыслу“ [7]. Царь 1 іюня отвѣчалъ Хованскому: „покамѣстъ польскіе люди Двину не перешли и вы бъ промышляли“ [8].

Въ томъ же іюнѣ былъ посланъ къ Хованскому стольникъ Григорій Ивановичъ Кафтыревъ, который привезъ слѣдующій указъ объ иностранныхъ офицерахъ, среди которыхъ вновь появился и упоминавшійся выше Дальель: „велѣно на службѣ съ

---

[1] с. 356.
[2] Id.
[3] Id.
[4] Id.
[5] с. 379.
[6] с. 381.
[7] с. 386.
[8] с. 383.

бояриномъ Иваномъ Ондреевичемъ быть изъ Полоцка солдатскаго строю генералу порутчику Томасу Даліэлу да полковникомъ Ондрѣю Фороту, Вилиму Росформу, Индрику Гудцыну съ полками. И великій Государь указалъ князя Ивану Ондреевичу свой указъ сказать, чтобъ онъ къ генералу къ Томасу Даліэлу держалъ привѣтъ и ласку и въ ратномъ ученьи воли у него не отнималъ и учинилъ его бы енераломъ надо своею пѣхотою и надъ стрѣльцами; для того Томасу Даліелу сказать: а боярину и воеводѣ князю Ивану Андреевичу былъ послушенъ и о всякомъ дѣлѣ съ нимъ совѣтовалъ“ [1].

Изъ другихъ распоряженій отмѣтимъ слѣдующій указъ о продовольствіи войска: „хлѣбные запасы въ Опочки отвезть въ полкъ къ боярину и воеводѣ ко князю Ивану Андрѣевичу Хованскому государевыхъ дворцовыхъ селъ и властелинскихъ и монастырскихъ вотчинъ и помѣщиковыхъ и вотчинниковыхъ на крестьянскихъ подводахъ, а будетъ бояринъ и воевода съ Опочки пошелъ къ Двинѣ и къ нему запасы посылать въ полкъ изъ Полоцка водянымъ путемъ“ Кромѣ того указано было взять въ Новгородскомъ разрядѣ 500 лошадей съ телѣгами и людьми по росписи [2].

Въ грамотѣ князю Хованскому отъ 27 іюня ему данъ просторъ дѣйствій; въ ней сказано: „стоять противъ Дисны, а сверхъ того ему боярину и воеводѣ стоять по своему разсмотрѣнію въ которыхъ мѣстахъ пристойно“.

Въ томъ же іюнѣ было повелѣно быть съ княземъ Хованскимъ стольнику Алексѣю Пантелѣеву сыну Чирикову [3].

30 іюля Хованской писалъ царю: „послано ко мнѣ въ полкъ 50 задубныхъ кожъ, а велѣно изъ тѣхъ кожъ дѣлать пушки полковыя [4], да 360 латъ..., а изъ задубныхъ кожъ велѣлъ я пушки дробовыя дѣлать со всякимъ поспѣшеніемъ. А гусарскіе латы и шишаки ко мнѣ въ полкъ не бывали, а гусаромъ безъ латъ и шишаковъ и безъ наручней отнюдь нельзя быть“.

Государь 6 іюля въ отвѣтъ указалъ латы и шикаки послать, именно: 400 съ наручи и съ шишаками [5].

---

[1] Ід. с. 388.

[2] Среди городовъ, упоминающихся въ росписи, значится: „съ Кобылья съ 7 человѣкъ“. Это Кобылій городокъ, близъ Гдова, впослѣдствіи исчезнувшій, построеніе котораго должно быть связано съ Андреемъ Кобылой.

[3] Стр. 389.

[4] Въ дѣлахъ Приказа тайныхъ дѣлъ встрѣчаются указанія, что князю Хованскому была послана грамота съ милостивымъ словомъ за то, „что онъ вымыслилъ дѣлать пушки кожаные и впредь ему также пушки велѣно дѣлать“ Прик. т. д. I, 927.

[5] Стр. 356-357.

Въ августѣ Хованской сообщалъ о состояніе воинскаго продовольствія и писалъ: „полковое дѣло нельзя на мѣрѣ поставить, въ иное время бываетъ всего много, а въ иное время нужда бываетъ,—покамѣстъ хлѣбъ на полѣ, питаются, хотя и съ нуждою; пора нынѣ дѣловая, хлѣбъ жнутъ и сѣютъ и сѣно косятъ". Далѣе онъ сообщалъ, что намѣренъ отступить въ жилыя мѣста „какъ Двина очистится, а жилыя мѣста, писалъ онъ, Освія, Друя, Себѣжской, Красногородскій, Лютинскій, Резицкій уѣзды", тамъ можно будетъ прокормиться; въ Полоцкомъ же уѣздѣ никакъ не прокормиться, ибо тамъ „сѣно нигдѣ не кошено"; въ концѣ онъ говоритъ: „свидѣтель Всевидящее око: на чемъ тебѣ свѣту, великому государю, крестъ цѣловалъ, такъ тебѣ, великому государю, работаю, паче души своей грѣшной, что нынѣ въ полку вижу и чего впредь чаять, то тебѣ извѣстно учинилъ" [1].

Въ іюлѣ того же года Хованской одержалъ надъ непріятелемъ новую побѣду подъ Освеей; по этому поводу обрадованный царь 2 августа писалъ ему: „іюля жъ въ 14 день ходили вы съ ратными людьми изъ обозу своего на польскихъ людей на Освею, и на Освеѣ у васъ съ польскими людьми былъ бой большой и на томъ бою людей многихъ побили и въ языцѣхъ поймали и обозъ взяли и съ того бою взятые польскіе люди за Двину побѣжали. И мы тебя, боярина князя Ивана Андреевича съ товарищи и нашихъ ратныхъ людей за ту службу милостиво похваляемъ" [2].

Черезъ нѣсколько дней Хованскому вновь удалось одержать побѣду, о чемъ онъ такъ извѣщалъ государя: „іюля въ 20 день пошли мы изъ Юховичъ къ Деснѣ. И пришли въ Соколища іюля въ 21 день и стали обозомъ... и посылали подполковника Томосова полку Бойта Роборта Дукляса"... и другихъ „и твои ратные люди польскихъ людей побили, а иные побѣжали за Двину".

Государь 20 августа указалъ отписать: „жить съ великимъ береженьемъ" [3].

Подробности похода князя И. А. Хованскаго находятся и въ слѣдующей отпискѣ его:

„Іюля въ 28 день пришли мы изъ Соколищъ въ деревню Борковичи отъ Десны 10 верстъ и того же числа посылали мы подъ Десну ратныхъ людей... и съ литовскими людьми подъ Десной учинили бой... и которыхъ литовскихъ людей застали въ

---

[1] Стр. 410-411.

[2] Стр. 414.

[3] Стр. 423.

ближнихъ мѣстахъ отъ Десны и подъ Десною у стадъ, побили... и стада конскія отогнали... ста съ 3 и больши..., а литовскихъ людей сѣкли до шанецъ, что сдѣланъ у мосту; а твоихъ ратныхъ людей на томъ бою Богъ помиловалъ, не убитъ и не раненъ никто. Въ 30 день пошли мы къ Двинѣ и стали отъ Десны 15 верстъ въ деревню Рошковскомъ; съ того мѣста пойдемъ августа въ 1 день въ деревню Кушликовы горы отъ Десны 10 верстъ и станемъ укрѣпясь обозомъ и рогатками, въ надолбахъ. А о помочи милости у тебя просимъ, вели помочь подать смоленскимъ и финляндскимъ полкамъ!“ [1].

Но здѣсь ожидало Хованскаго пораженіе. О неудачѣ этой писалъ царю изъ Великихъ Лукъ воевода Конст. Нащокинъ: „въ 170 годѣ октября въ 28 день писалъ ко мнѣ на Луки Великія съ Невля воевода Максимъ Бѣшенцовъ: прибѣжалъ де изъ Полоцка къ нему на Невль, рейтаръ Петрушка Васильевъ... сказалъ: воеводу князь Ивана Ондреевича Хованскаго литовскіе люди разорили и обоз и казну взяли, а бояринъ де прибѣжавъ, стоитъ въ Полоцкѣ за Полостью съ небольшими людьми“... На оборотѣ отписки отмѣчено: „великому государю тѣ вѣсти вѣдомы по отпискѣ князя Ив. Ан. Хованскаго“ [2]. Въ августѣ князь Ю. А. Долгоруковъ также извѣщалъ царя о положеніи дѣла, сообщая, что у непріятеля считаютъ до 14000 человѣкъ и что литовскіе люди „учиня надъ ратными людьми полку боярина и воеводы князя Ивана Андреевича промыслъ, хотѣли быть въ Смоленскіе уѣзды“.

Наступила осень. Враги сбирались съ силами и готовились еще разъ ударить на наши войска; наконецъ въ октябрѣ 1662 года Чернецкій напалъ на Хованскаго и на голову разбилъ его подъ селомъ Кушниковымъ [3]. Князь Ив. А. Хованской 12 ноября послалъ царю литовскаго полоняника полоцкаго шляхтича Лапинскаго, который въ распросѣ вѣстей сказалъ: „какъ де бояринъ пошелъ съ государевыми ратными людьми изъ Полоцка на обозъ Журомскаго и не доходя до Десны за 10 верстъ у боярина и у государевыхъ ратныхъ людей съ польскими людьми подъ ихъ обозомъ былъ бой въ селѣ Кушникахъ и государевы ратные люди на томъ бою поляковъ побили, а колько ихъ на томъ бою побито того не вѣдаетъ, а государевыхъ де людей на томъ бою побито немного: а какъ де бой миновался, и они на 3 день присылали

[1] Стр. 424.

[2] Стр. 455.

[3] Стр. 430. Иначе „Кушлики“, бывшіе однимъ изъ старостъ Полоцкаго воеводства, лежитъ въ 8 вер. отъ ст. Адамово Риго-Орловск. ж. д. Ясные слѣды окоповъ сохранились и донынѣ.

къ боярину, чтобъ имъ дали тѣла подобрать и къ боярину присылали объ миру говорить обманомъ, а сами де въ тѣ поры о посылкѣ писали до короля и до Чернецкаго листы и хотѣли было отъ государевыхъ людей отступить; и какъ де Чернецкій съ ратными людьди къ Журомскому на посилокъ пришелъ да съ нимъ же де королевскіе люди, а боярину де до приходу ихъ вѣстей не было: какъ они на посилокъ къ Журомскому пришли, и бояринъ про то свѣдалъ и хотѣлъ съ обозомъ въ ночи противъ пятницы отступить и тое де ночи изъ обозу боярина князя Ивана Андреевича измѣнили два человѣка русскихъ людей и подали вѣсть, что изъ полку многіе ратные люди отъ голода разбѣжались, а бояринъ съ обозомъ рушится и идетъ въ отходъ и на утро де на зарѣ польскіе люди пришли на обозъ боярина князя Ивана Андреевича и учалъ быть бой большой, а какъ государевы ратные люди сорвали и обошли со всѣхъ сторонъ и государевы де ратные люди шли отводомъ, а обозъ отпущенъ былъ напередъ до Черкасока двора, за 10 верстъ до Полоцка, для того, чтобы съ пѣхотою сождаться и польскіе де люди, какъ сломили государеву пѣхоту, и пѣхота де побѣжала на лѣсъ и польскіе де люди обозъ разорвали, а конные государевы ратные люди шли отводомъ; и какъ былъ онъ въ полону у польскихъ людей, и слышалъ въ обозѣ отъ польскихъ людей, что у нихъ на томъ бою и въ отводѣ побито на послѣднемъ бою съ 4000 и то де онъ слышалъ, что у Журомскаго самаго на томъ бою убили, а то де онъ, Григорій, видѣлъ самъ, что они своихъ людей трупъ возили и хоронили два дни, а государевыхъ де ратныхъ людей на томъ бою и въ отводѣ побито немного, а колько число того на вѣдаетъ: а король де послѣ бою пришелъ въ 4 день въ Десну, а съ нимъ ратныхъ людей пришло 5 хорунокъ конницы; а съ Чернецкимъ де приходило на бой королевскаго войска 15000, а его Чернецкаго полку ратныхъ людей конницы 2000, пѣхоты 5000, да съ Чернецкимъ де было на бою 3000 татаръ, какіе татаровя того сказалъ не вѣдаетъ, только де слышалъ отъ нихъ, что крымскіе; а нынѣ де Чернецкаго полкъ стоитъ на томъ мѣстѣ, гдѣ стояла пѣхота полку думнаго дворянина и воеводы Афонасія Лаврентьевича Нащокина въ окопѣ и то де онъ слышалъ, что полкъ хотятъ пустить въ Опочецкій и во Псковскій уѣзды въ войну; а королю де тутъ ли стоять, или куды пойдетъ, того онъ не слыхалъ; а то онъ слышалъ, что посилку къ себѣ ждутъ черкасъ и татаръ, а хлѣбными де запасы у нихъ въ полку не скудно, только де скудно у нихъ конскимъ кормомъ, сѣномъ“ [1].

[1] Стр. 457-458.

Изъ 12000 войска, бывшаго съ Хованскимъ подъ Кушликами, до боя разбѣжалось половина. Послѣ боя изъ 6000 спаслось въ Полоцкъ не болѣе 1000. Нащокинъ былъ раненъ. Непріятель взялъ десять пушекъ, знамена, образъ Пресвятой Богородицы и множество плѣнныхъ. Въ ноябрѣ 1662 года князь Ю. А. Долгоруковъ писалъ царю: „да ноября жъ де во 2 день пріѣзжалъ съ Десны польскій король Янъ Казимеръ въ литовскій обозъ и смотрилъ, гдѣ былъ обозъ боярина и воеводы князя Ивана Андреевича Хованскаго“ [1].

Это послѣднее пораженіе главнымъ образомъ и прославило военныя неудачи князя Ив. Андр. Хованскаго. Мейербергъ говоритъ о немъ: „Suis cladibus urbi notus“, то есть: своими пораженіями извѣстный свѣту. Тишайшій царь называлъ неудачу при Кушликахъ „безпутной дерзостью“, ибо Хованской опрометчиво кинулся въ бой съ двумя тысячами конныхъ и съ тремя приказами противъ двадцати тысячъ непріятеля [2]. Мейербергъ, кромѣ того, называетъ Хованскаго „невѣждой во всѣхъ военныхъ наукахъ“ [3]. Андрей Арт. Матвѣевъ въ запискахъ своихъ, очевидно со словъ другихъ, также передаетъ о его „безумной трусости“; но, среди этихъ неблагопріятныхъ отзывовъ, есть однако совершенно иной, и пожалуй болѣе авторитетный, чѣмъ отзывъ Мейерберга, или Матвѣева, именно отзывъ современника генерала Гордона, шотландца, много лѣтъ проведшаго на службѣ Московскимъ государямъ и оставившаго драгоцѣнный дневникъ. Патрикъ Гордонъ, описывая въ дневникѣ именно пораженіе при Кушликахъ, иначе подъ Кучими Горами, говоритъ, что русская армія была подъ начальствомъ князя Ивана Андреевича Хованскаго, „человѣка чрезвычайно смѣлаго, внушавшаго отвагу и другимъ“; отзывъ этотъ надо признать болѣе безпристрастнымъ, и Гордонъ тутъ же объясняетъ причину пораженія, заключающуюся въ томъ, что Хованской бросился въ бой, не послушавъ мудрыхъ совѣтовъ генерала Дальеля и Нащокина, совѣтовавшихъ ему передвинуться къ Полоцку [5], — дѣйствіе опрометчивое, но трусости здѣсь не замѣтно.

---

[1] Стр. 446-447.

[2] Письмо къ Аѳ. И. Матюшкину. „Письма царя Алексѣя Михайловича“, П. И. Бартенева.

[3] Чт. М. О. И. Др. 1874, стр. 43-44.

[4] Записки Матвѣева.

[5] Дневникъ Гордона, ч. 2 стр. 14 и 17; русскій переводъ М. Салтыковой съ съ нѣмецкаго. Къ великому сожалѣнію подлинникъ на англійскомъ языкѣ, хранящійся въ Ученомъ отдѣлѣ архива Главнаго Штаба въ Петербургѣ, до сихъ

Распросныя рѣчи Лапинскаго также свидѣтельствуя о бѣгствѣ людей; о томъ же и самъ князь Иванъ Андреевичъ 22 ноября такъ писалъ царю: „укрѣпя осаду въ Полоцку, пойдемъ въ Невль... учнемъ сбираться съ твоими ратными людьми; и собрався за помощью Божьею, промыслъ чинить станемъ надъ непріятельскими людьми. А которые, говоритъ онъ, воры своровали, забывъ страхъ Божій и твое крестное цѣлованіе, сбѣжали съ службы и насъ безлюдныхъ покинули прежъ бою, въ томъ твоя воля, чтобъ отъ такого воровства и впредь Божію и твоему дѣлу порухи не учинилось“ [1].

Князь Иванъ Андреевичъ разумѣется имѣлъ недостатки; онъ былъ человѣкъ весьма заносчивый, гордый и хвастливый; предполагаютъ, что онъ былъ ботливъ, ибо народъ прозвалъ его „Тараруемъ“, но прозвище это не въ связи ли съ глаголомъ „тарарахнуть“? Царь Алексѣй Михайловичъ, упрекая его за хвастовство, говорилъ ему: „кто на похвальбѣ ходитъ, всегда посрамленъ бываетъ и ты этою своею похвальбою изломишь себѣ саблю“. Любопытно, что это предостереженіе Тишайшій царь дѣлалъ за нѣсколько лѣтъ до вышесказаннаго пораженія. Другое изрѣченіе царя Алексѣя Михайловича о Хованскомъ также весьма любопытно; онъ говорилъ: „я тебя взыскалъ и выбралъ на службу, а то тебя всякъ называлъ дуракомъ“.

Въ маѣ 1663 года видимъ Хованскаго въ Москвѣ; 9 числа „великій государь изволилъ итти для моленія въ монастырь чудотворца Николая, что на Угрѣши, а на Москвѣ указалъ государь быти: бояринъ князь Иванъ Андреевичъ Хованской. Помѣта: мая въ 8 день въ Ямскомъ Приказѣ сказано боярину князю Ивану Андреевичу Хованскому“ [2].

Въ слѣдующемъ 1664 году онъ вновь на войнѣ, но неудачи его не покидаютъ и онъ вновь терпитъ пораженіе, какъ о томъ свидѣтельствуетъ слѣдующая отписка изъ Пскова князь Ѳ. Г. Ромодановскаго: „іюня въ 19 день писалъ во Псковъ къ намъ

поръ еще не изданъ! Давно пора издать переводъ, сдѣланный съ подлинника. Почему бы не издать его новому Военно-историческому обществу? Описывая это сраженіе, Гордонъ говоритъ, что передъ боемъ „русскіе дезертировали цѣлым отнями, такъ что всего осталось едва 6000 человѣкъ“; что „генералъ лейтенантъ Ѳома Дальель, видя что армія такъ сильно уменьшилась въ числѣ и боясь, чтобы литовцы не получили еще подкрѣпленій, совѣтовалъ князю Хованскому передвинуться ближе къ Полоцку“; когда же онъ не согласился, то „Дальель объявилъ, что не желаетъ быть свидѣтелемъ гибели арміи и, передавъ свой полкъ подполковнику, уѣхалъ въ Полоцкъ“.

[1] Стр. 465.

[2] Стр. 522.

изъ Опочки воевода Иванъ Сумороковъ іюня де въ 11 день объявилися на Лукахъ многіе ратные люди полку боярина и воеводы князя Ивана Андреевича Хованскаго, а сказываютъ де, что полкъ боярина князя Ивана Андреевича Хованскаго разбили и обозъ взяли и съ бою де многіе ратные люди того полку бѣгутъ на всѣ стороны врознь, а бояринъ де и воевода князь Иванъ Андреевичъ Хованской нынѣ въ Витепскѣ. И для подлиннаго вѣдома на Луки Великія мы послали изо Пскова проѣзжую станицу“ [1].

Любопытное обстоятельство случилось въ это время въ Москвѣ. Лѣтомъ 1664 года князю Хованскому присланъ былъ князь А. В. Шелешпанскій, по слѣдующему поводу, изложенному въ дѣлѣ:

„Лѣта 7172 іюля въ 17 день по государеву... указу дьякомъ думному Дементью Башмакову да Ѳедору Грибоѣдову: въ нынѣшнемъ во 172 годѣ, іюня въ 27 день передъ преосвященнаго Питирима, митрополита Сарскаго и Подонскаго, пришелъ князь Аврамъ княжъ Васильевъ сынъ Шелешпанской въ старческомъ платьѣ и преосвященный Питиримъ его, князь Аврама, распрашивалъ, постриженъ ли онъ и кто его и гдѣ постригали, а въ роспросѣ сказалъ: въ нынѣшнемъ же де во 172 году іюня жъ въ 24 день купилъ онъ въ манатейномъ ряду черное платье и вышедъ съ чернымъ попомъ за земляной городъ на поле, подъ монастырь Спаса Новаго и тотъ де черный попъ постригъ его на поле во ржи, а какъ его зовутъ и коего монастыря, того онъ не знаетъ, а сказалъ ему, что тотъ черный попъ изъ-за Онежья, а зовутъ де его, князя Аврама, во иноцѣхъ Андреемъ, а взялъ де онъ у него за постриганье рубль; и іюня въ 18 день въ Патріаршей крестовой палатѣ преосвященные митрополиты и архіепископы по правиламъ святымъ съ него, князь Аврама Шелешпанскаго, черное платье сняли, а снявъ того князя Аврама по указу великаго государя, велѣли послать въ Розрядъ къ вамъ дьякомъ; и князь Аврамъ Шелешпанской въ Розрядъ къ вамъ дьякомъ... посланъ съ подъячимъ съ Дмитріемъ Богдановымъ и съ приставомъ. И по государеву указу дьякомъ... о пріемѣ того князь Аврама учинить по указу великаго государя. 172 года іюля въ 19 день великій государь указалъ ему учинить наказанье, бить батоги и послать его въ полкъ къ боярину и воеводѣ ко князю Ивану Андреевичу Хованскому съ окольничемъ съ Осипомъ Ивановичемъ Сукинымъ и дать ему своего жалованья 20 рублевъ изъ Розряду“ [2].

---

[1] Стр. 571-572.

[2] Акты Моск. государства., т. II. № 695 іюля 17. Память изъ Патріаршаго разряда въ разрядъ о разстриженіи князя Авр. В. Шелешпанскаго, стр. 575.

Въ извѣстіяхъ о дальнѣйшей дѣятельности князя И. А. Хованскаго перерывъ и ближайшія относятся уже къ 1664 году.

Въ 1664 году находимъ князя Ивана Андреевича воеводой въ Псковѣ, гдѣ онъ былъ занятъ не однимъ только военнымъ дѣломъ; въ этомъ году царь присылалъ ему грамоту съ милостивымъ словомъ за то, что онъ „радѣнье свое учинилъ, въ селитряномъ дѣлѣ учинилъ прибыль“ [1]; а въ слѣдующемъ 1665 году пришло отъ царя повеленіе „о присылкѣ ольненика, которые бы умѣли ленъ мочить і мять и трепать и вязать въ берковцы“ [2]; во исполненіе этого отправлены были знающіе льняное производство люди въ царское село Измайлово, гдѣ у царя было заведено собственное образцовое хозяйство. Однажды пришло повеленіе купить на государя семени льнянаго 400 чети. Одинъ изъ важныхъ вопросовъ, волновавшихъ въ то время Псковъ, былъ вопросъ питейный, вопросъ и донынѣ не разрѣшенный на Руси... Сохранилось дѣло, изъ котораго видно, что царь Алексѣй Михайловичъ писалъ князю Хованскому: „нынѣ де во Псковѣ учинены шинки и въ тѣхъ шинкахъ пьютъ безвременно“ [4]; что Псковичи подали челобитную за шинки, но воевода 16 декабря 1666 года писалъ царю: „и въ той же, государь, челобитной написано, будто питейная прибыль для маломожныхъ и для всякихъ прибылей заведена; и прибыли, государь, маломожныхъ быть не откуль и послѣднее пропили бъ, у кого что есть; прелести, государь, такіе учинены были у шинкарей, суды серебряные и склянишные хорошіе, чтобъ больше приходящихъ было, безвремянно, государь, пили и всякое беззаконство было“ [5].

Въ то же время не прекращались и военныя дѣйствія и 24 сентября того же года бояринъ Ав. Лавр. Ордынъ-Нащокинъ увѣдомлялъ царя, что „литовскіе войска множатца на боярина и воеводъ на князь Ивана Ондреевича, и по отходѣ его отъ Диноборга, перешедъ Двину, литовскіе войска пошли къ Русскимъ краямъ за нимъ бояриномъ“ [6].

Черезъ два года вновь встрѣчаемъ князя Ивана Андреевича въ Москвѣ, гдѣ черезъ его руки проходятъ распоряженія о приступѣ къ работамъ по сооруженію „Орла“, родоначальника русскаго флота.

---

[1] Прик. тайн. дѣлъ I, с. 1070.
[2] Id., стр. 1136.
[3] Id., стр. 1258.
[4] Допол. къ А. И., т. V, стр. 30.
[5] Id. стр. 33.
[6] Id. стр. 16.

Осенью 1668 года онъ получилъ слѣдующее приказаніе отправить въ село Дѣдиново иностранныхъ корабельныхъ мастеровъ:

„Лѣта 7176, сентября въ день, боярину князю Ивану Андреевичю Хованскому. Указалъ государь послати на Коломну и въ Коломенской уѣздъ, въ село Дѣдиново, для корабельнаго дѣла Якова Полуэхтова да подьячаго Степана Петрова, а съ ними полковника Корниліюса фанъ-Буковена, подполковника Якова Старка, капитана Индрика фанъ-Гельманта, порутчика Миколая Шака, карабельныхъ мастеровъ Ламберта Гелта съ товарищи четырехъ человѣкъ, карабельнаго дозорщика Ренгелта Вемина, толмачей Якова Шкрама, Христофора Кастера: а для тое посылки указалъ великій государь дати имъ и подъ ихъ запасы отъ Москвы до Коломны и назадъ до Москвы подводы, а водянымъ путемъ судно и гребцовъ, по указу“. Это были первыя попытки кораблестроенія. И этотъ вопросъ вновь стоитъ передъ нами!

Въ октябрѣ того же года съ особой торжественностью произошла встрѣча иконы Богородицы Одигитрія, бывшей съ княземъ И. А. Хованскимъ въ бою подъ Ляховичами и возвратившейся въ Москву съ польскимъ посломъ, прибывшимъ къ царю Алексѣю Михайловичу; встрѣчу эту стоитъ привести цѣликомъ. Въ патріаршихъ выходахъ [2] отъ 16 октября 1668 года написано:

„...Того жъ мѣсяца октября въ 16 день, въ среду, приняли и встрѣтили икону пресвятыя Богородицы Одигитрія со превѣчнымъ младенцемъ Христомъ Богомъ нашимъ; мѣстная, что была съ бояриномъ со княземъ Іоанномъ Андреевичемъ Хованскимъ и какъ де былъ бой подъ Леховичи и послѣ того де стала та икона въ Польской земли, и какъ посолъ пришелъ, и та икона привезена въ то время. Въ сій день, въ среду, 16 числа октября, привезена въ коретѣ и свѣщи везли, ихъ дѣла, ярого воску, мѣрою якобы по полусажени или поболши, сканы въ четверо, засвѣчены; а сидѣли со свѣщами туто жъ, на коретѣ на преди, гдѣ икона Пресвятыя Богородицы стояла; а напреди ѣхали много Поляковъ урядно верхами, и пріѣхавъ къ монастырю ко вратомъ святымъ, и стали на лошадяхъ по обѣимъ сторонамъ. А какъ корету привезли близъ святыхъ вратъ монастыря пречистыя Богородицы иконы Страстныя, что за Тверскими вороты, изъ кореты выняли кіотъ со иконою священницы Московскіе и взяли на руки; и въ то время запѣли пѣвчіе дьяки патріарховы стихъ „Владычице, пріими молитву рабъ твоихъ“ и пѣли до церкви, на мо-

[1] Id. Стр. 228.

[2] Доп. къ А. И. V, с. 116—117.

настырь идучи. А встрѣтилъ образъ пресвятыя Богородицы архимандритъ Чюдовской Іоакимъ, да Знаменской игуменъ Арсеній, да Архангельскій протопопъ Кондратъ и прочіи священницы; преже покадилъ архимандритъ и потомъ цѣловалъ икону пресвятыя Богородицы и понесли въ церковь и пѣли ектенію и молитву пресвятѣй Богородицѣ говорилъ архимандритъ и отпускъ и цѣловали вси икону пресвятыя Богородицы; стихъ пѣли пѣвчіе дьяки „Всѣмъ предстательствуеши, благая“. А предъ вечернею, тогожъ дни, пришелъ государь царь и, начавъ молебенъ, понесли въ соборъ икону пресвятыя Богородицы; провожалъ митрополитъ Павелъ Сарскій и Подонскій съ соборомъ, а пѣли дорогою государевы пѣвчіе дьяки канунъ Греческой Успенію пресвятыя Богородицы. На Лобномъ мѣстѣ токмо ектенію проговорили, да осѣнилъ митрополитъ на всѣ страны иконою пресвятыя Богородицы, поддержащимъ ему священникомъ; на Лобномъ мѣстѣ пѣли пѣвчіе діяки патріарховы и съ Лобнаго мѣста до собору пѣли Греческой канунъ „Воду прошедъ“. У собора, у южныхъ дверей, встрѣтили образъ пресвятыя Богородицы Вселенскіе патріарси Паисій и Макарій и святѣйшій Іоасафъ, патріархъ Московскій и всеа Русіи, съ прочими митрополиты и съ освященнымъ соборомъ; кадили вси тріе и цѣловали и понесли въ церковь западными дверьми и въ церкви пѣли ектенію малую и кондакъ „Заступнице христіянъ непостыдная“ и евангеліе челъ Паисій патріархъ и потомъ седмую пѣснь допѣвали и молитву говорилъ пресвятѣй Богородицѣ святѣйшій Іоасафъ патріархъ и отпускъ; и поставили икону у южныхъ дверей, подлѣ свѣщи поставныя, межъ царева мѣста и патріархова. А наутрее, въ четвертокъ, въ 17 день октября, и посолъ Польской пришелъ: встрѣча ему была по государеву указу подобающая. Вселенскіе патріарси и святѣйшій Іоасафъ патріархъ смотрили встрѣчи, были на вратѣхъ Китая города на Неглиненскихъ и самъ государь царь тутъ былъ. А какъ встрѣчали архимандритъ Іоакимъ Чюдовской икону пресвятыя Богородицы, несли предъ нимъ икону жъ пресвятыя Богородицы, тоя церкви мѣстную, да хоругвъ изъ церкви“ [1].

[1] Бывшіе въ то время въ Москвѣ вселенскіе патріархи писались: „Паисій милостію Божіею патріархъ великаго града Александріи и судія селенныя“ и „Макарій милостію Божіею Патріархъ Божественнаго града Антіохіи и всего востока“. По сообщенію Ст. Вас. Смоленскаго какъ разъ отъ 1668 года сохранилась въ Московской Патріаршей библіотекѣ украшенная художественными заставками, грамота, данная прихожанамъ церкви Іоанна Богослова въ Москвѣ обоими этими патріархами за ихъ подписью, благословившими употребленіе въ нашей церкви напѣвовъ греческихъ, а также введеніе партеснаго пѣнія.

Царь Алексѣй Михайловичъ, не смотря на неудачи Хованскаго, безъ сомнѣнія, благоволилъ къ нему; онъ самъ говорилъ, что „взыскалъ и выбралъ его на службу“. Онъ мирилъ его, когда у него вышла еще въ 1658 году ссора съ не родовитымъ Аѳ. Л. Ордынымъ-Нащокинымъ, когда Хованской въ отвѣтъ на примирительные шаги царя не безъ ядовитости отвѣчалъ: „Аѳанасій человѣкъ умный, великому государю служитъ вѣрно, въ прежнія времена и хуже Аѳанасія при государской милости былъ Малюта Скуратовъ, большой вражды у меня съ нимъ нѣтъ, только что на письмѣ другъ у друга ума отвѣдывали“.

Изъ вышеприведенныхъ военныхъ отписокъ видно, что князь Иванъ Андреевичъ преданно относился къ государю и любилъ его. Вотъ еще нѣсколько данныхъ о личныхъ сношеніяхъ его съ царемъ. Однажды, именно 27 марта 1670 года, онъ послалъ изъ Смоленска царю Алексѣю Михайловичу слѣдующій даръ: „прислано къ Москвѣ побитыхъ три лося, три вепря да живая рысь салдацкаго строю съ капитаномъ съ Степаномъ Ржевскимъ“ [1]. Царь иногда даривалъ и его; напримѣръ 22 февраля 1674 года, когда развозилось боярамъ и пришлымъ людямъ по списку съ Оптекарскаго двора государево жалованье, рыбы—присылки Яицкаго промышленника Синбиренина Степана Троѳимова, князю Ивану Андреевичу Хованскому было послано: бѣлуга, осетръ свѣжій и два осетра просольныхъ [2].

Имѣлъ же князь И. А. Хованской какія либо положительныя качества, а быть можетъ личныя отношенія къ царю, если еще и во время бунта 1662 года, въ самое трудное для царя время, когда Тишайшій ушелъ въ Коломенское, именно онъ былъ посланъ въ Москву къ бунтовавшей толпѣ народа, поднявшейся громить боярскіе дворы, для ея успокоенія. Любопытны рѣчи съ какими встрѣтилъ князя Хованскаго народъ въ отвѣтъ на его увѣщанія: „ты, бояринъ, человѣкъ добрый и службы твоей къ царю противъ Польскаго короля много, намъ до тебя дѣла нѣтъ, но пусть царь выдастъ головою измѣнниковъ бояръ“.

Вотъ еще нѣсколько историческихъ данныхъ для характеристики князя И. А. Хованскаго, среди которыхъ есть отзывы и не въ его пользу; напримѣръ въ одной челобитной Псковскихъ жителей во время воеводства его въ Псковѣ выставлены были его жестокости, а также его безнравственное поведеніе; челобитная говоритъ о женкахъ и дѣвкахъ, которыхъ приводились къ нему и

---

[1] Приказъ тайн. дѣлъ I, 1511.

[2] Id. 1706.

его сыну на блудъ, но, насколько были справедливыя эти жалобы псковичей, неизвѣстно. Во всякомъ случаѣ всѣ тѣ дѣйствія въ дѣлахъ управленія, какія онъ предпринималъ въ Псковѣ, по отмѣнѣ нововведеній предмѣстника его Ордына-Нащокина, были утверждены тогдашнимъ правительствомъ.

Вотъ разсказъ, характеризующій его нравъ, извлеченный изъ записокъ Голландскаго посланника фанъ-Кленка, относящійся къ тому времени, когда князь Иванъ Андреевичъ въ 1675 году былъ воеводой на Двинѣ. Фанъ-Кленкъ ѣхалъ изъ Москвы обратно домой и 2 августа пришелъ на судахъ въ Архангельскъ, когда воеводы въ городѣ еще не было; о прибытіи же его въ дневникѣ посольства записано слѣдующее:

„Во вторникъ, 18-го августа, рано утромъ, прибылъ новый губернаторъ Иванъ Андреевичъ Хованской, раньше бывшій полководцемъ его царскаго величества. При немъ находились 4 литаврщика, 5 трубачей и 14 копьеносцевъ, всѣ въ черномъ. Суда, находившіяся въ Архангельскѣ, всѣ дали залпы изъ орудій въ знакъ радости по поводу его прибытія. Его превосходительство велѣлъ привѣтствовать его черезъ своего секретаря и фанъ-Асперина... Во вторникъ, 25-го августа, утромъ въ Архангельскѣ была процесія, въ которой участвовали и губернаторъ и приставъ, шедшіе, обнаживъ голову. Одинъ изъ нашихъ конюховъ, смотрѣвшій на эту процессію, подстрекаемый нѣсколькими пьяными Англійскими матросами, не захотѣлъ снять своей шляпы передъ крестами и иконами, хотя его солдаты и предостерегали. Губернаторъ и приставъ замѣтили это, но тѣмъ не менѣе, прошли мимо. Когда процессія кончилась, приставъ, по приказанію губернатора, пришелъ жаловаться на эту дерзость. Его превосходительство спросилъ его, не узнаетъ-ли онъ виновнаго и велѣлъ всѣмъ служителямъ и конюхамъ выйти наружу. Приставъ указалъ на виновнаго, который сначала отпирался, но затѣмъ сознался въ своемъ проступкѣ. Его превосходительство въ присутствіи пристава сильно наказалъ его и послалъ съ фанъ-Аспереномъ къ губернатору, гдѣ онъ колѣнопреклоненіями и просьбами вымолилъ себѣ прощеніе, въ уваженіи къ тому обстоятельству, что былъ служителемъ его превосходительства. Воевода сказалъ, что не будь конюхъ слугою Кленка, онъ-бы велѣлъ прибить гвоздемъ шапку къ головѣ его, чтобы никогда нельзя было снимать ее больше. Потомъ онъ, однако, угостилъ конюха водкой и отпустилъ его“ [1].

---

[1] Посольство К. фанъ-Кленка, с. 565—567.

Это угощеніе провинившагося водкой послѣ жестокаго его разноса не указываетъ ли на простоту нрава князя Хованскаго и поэтому вполнѣ совпадаетъ съ сочувственнымъ отзывомъ лица весьма почтеннаго, князя Бориса Ивановича Куракина, который въ своихъ историческихъ запискахъ говоритъ, что князь Иванъ Андреевичъ былъ „генералъ добрый и человѣкъ простой“ [1].

Оставимъ теперь на время князя Ивана Андреевича и перейдемъ къ его семейству, а прежде всего къ сыну его, князю Петру Ивановичу Хованскому, драгоцѣнная переписка котораго, недавно найденная, рисуетъ множество подробностей быта второй половины XVII столѣтія; въ письмахъ много данныхъ за время пребыванія князя Петра Ивановича на Дону въ 1674—75 годахъ и за время Двинскаго его воеводства; въ общемъ переписка живо переноситъ къ любопытнѣйшимъ временамъ переходной эпохи.

О князѣ Петрѣ Ивановичѣ Хованскомъ извѣстно, что онъ участвовалъ въ сраженіи подъ Волонами, гдѣ отецъ его былъ разбитъ 18 іюля 1660 года и гдѣ онъ вмѣстѣ съ братомъ своимъ Андреемъ былъ раненъ. Затѣмъ осенью слѣдующаго 1661 года, когда отецъ его проигралъ другое сраженіе подъ Кушликами, князь Петръ Ивановичъ былъ взятъ въ плѣнъ; въ плѣну онъ находился въ мѣстечкѣ Виленахъ и въ сентябрѣ 1662 года былъ освобожденъ вмѣстѣ съ другими плѣнниками, княземъ Семеномъ Щербатовымъ, княземъ Григоріемъ Козловскимъ и Иваномъ Акинфовымъ въ обмѣнъ на взятаго въ плѣнъ Гонсѣвскаго [2].

Когда 23 мая 1664 года отецъ его, князь Иванъ Андреевичъ получилъ назначеніе въ Псковъ воеводой, то было указано быть „въ товарищахъ сыну его стольнику и воеводѣ князю Петру“ [3]; 27 іюля 1665 года князь Петръ Ивановичъ писалъ государю о походѣ своемъ съ Лукъ Великихъ „в сходъ к отцу своему“ [4]. По отрывочнымъ свѣдѣніямъ нельзя подробно прослѣдить судьбу Петра Ивановича; можно думать, что около 1668 года онъ женился на Прасковьѣ Андреевнѣ Кафтыревой, о которой узнаемъ изъ вышеупомянутой переписки много подробностей, равно какъ и о родныхъ ея Кафтыревыхъ. Отецъ ея, Андрей Васильевичъ Кафтыревъ, въ 1659—1661 годахъ былъ воеводой на Тюмени, а братъ его, а ея дядя, Никита въ то же время былъ воеводой на Устюгѣ. Сохранились письма братьевъ другъ къ другу и въ нихъ есть упоминанія

---

[1] Арх. кн. Куракина, I.

[2] Соловьевъ, книга 3, стр. 116.

[3] Русск. Истор. Библ., т. II, стр. 243.

[4] Id. стр. 303.

о Прасковьѣ Андреевнѣ, тогда еще дѣвочкѣ; въ письмахъ упоминаются бытовыя подробности; напримѣръ: „вели пугвицы опашнивыя сдѣлать Прасковьѣ моей чеканныя, или сканныя, или съ чернью на золотое дѣло“, писалъ Никита Кафтыревъ брату своему Андрею. Или: „купи дочери на одѣяло въ приданое соболей, чтобъ кузнецкія, или тюменскія почернѣе сороки, да и пупковъ на шубу“; при этомъ онъ хвалитъ работу тюменскихъ серебренниковъ, дѣлавшихъ чарки съ чернью. Въ свою очередь и Андрей посылалъ Никитѣ произведенія отдаленной Тюмени, разнаго рода пушнину: сто лисицъ, горностай, или лосиныя кожи, которыя въ Устюгѣ были между прочимъ отданы нѣмцамъ, вѣроятно для отдѣлки. Однажды Никита Кафтыревъ послалъ племянницѣ „Паранькѣ коробку сахару“ и просилъ купить „камышковъ на вставки“, ссылаясь на то, что въ Тобольскѣ каменья много.

Сообщалъ Никита Кафтыревъ и доходившіе до него отзывы о братѣ, напримѣръ слѣдующій отзывъ князя Буйносова-Ростовскаго: „лаетъ тебя и позоритъ всякими позорнами лаями князь Буйносовъ, ты де пришлешь со здоровьемъ, а онъ де и при мнѣ говаривалъ: чертъ де нанеси на меня отъ такого со здоровьемъ; или де про пиво твое смѣется: пришлетъ де дрисливаго пива и я де не радъ“.

Жена Андрея Васильевича Кафтырева, Анна Ивановна, была урожденная Чаадаева. Отсюда родственныя сношенія съ Чаадаевыми. Сестра же ея вышла за Матюшкина и черезъ нея сношенія съ Матюшкиными. Изъ писемъ брата ея, Ивана Ивановича Чаадаева, видно, что Кафтыревы одно время были между собою въ ссорѣ: „пишешь сестрица свое разоренье отъ деревьевъ своихъ, отъ Никиты и отъ Якова Кафтыревыхъ“. Писала Аннѣ Ивановнѣ и ея невѣстка, жена брата, Аксинья Семеновна Чаадаева, пересылаясь различными вещами домашняго обихода, посылая напримѣръ „вершокъ лазоревый“, или сообщая о томъ, что „семени олленого“ у нихъ не много „только что земля осеменитъ“ и разсказывая про свою „боярскую боярыню“.

Андрей Васильевичъ Кафтыревъ, отецъ Прасковьи Андреевны, умеръ въ 1661 году въ Тюмени, во время воеводства. Положеніе вдовы его, Анны Ивановны, оставшейся съ дочерью на рукахъ, было трудное. Сохранилось письмо ея къ нѣкоему Ивану Богданову, очевидно Комынину, который былъ воеводой на Верхотурьѣ въ 1659 — 1662 годахъ, съ просьбой помочь ей въ ея тяжелой бѣдѣ; она писала: „не изобить такой бѣдной горькой вдовы и безпомощной, да сиротки дѣвочки моей, осталась сира и мала... а я теперь сира и безпріютна на чужой сторонѣ, не вѣ-

домо какъ и выдраться да какъ чѣмъ и пропитаться съ людишками до зимы". При этомъ она проситъ пропустить людей ея „съ винишкомъ и съ рухледишкою"; лѣто же она рѣшила провести въ Тюмени, гдѣ ей разрѣшено было оставаться въ воеводскомъ домѣ: „бояринъ Иванъ Андреевичъ, писала она, съ воеводскаго двора ссылать не велѣлъ и писалъ къ подъячему къ Парфену Максимову, чтобы меня во всемъ и людишекъ моихъ оберегалъ" [1]. Поддержалъ сестру и братъ ея, Иванъ Ивановичъ Чаадаевъ, и, предлагая ей быть хозяйкой въ его домѣ, писалъ: „а я у тебя прошу милости, изволь домомъ моимъ владѣть, какъ своимъ, безъ счету со мною и жену свою вручаю подъ твою власть". Видимо дѣла Анны Ивановны были худы, ибо братъ ея писалъ: „а мочно ль было Афонасью Ивановичу не дать тебѣ разориться"? Это конечно Матюшкинъ, ловчій, родственникъ и другъ царя Алексѣя Михайловича. Сколько лѣтъ было въ то время дочери Анны Ивановны, точно не извѣстно, но вѣроятно она уже подростала, ибо въ одномъ изъ писемъ Чаадаевъ давалъ сестрѣ совѣты по поводу судьбы его племянницы: „а что писала ты ко мнѣ о женихахъ, кои за Прасковью Андреевну говорятъ, и въ томъ какъ твой изволъ будетъ, сама провѣдовай. А паче проси у Содѣтеля своего милости, чтобъ тебѣ въ томъ подалъ милость свою и далъ пріятеля добраго. А за князь Осипова сына какъ изволъ твой будетъ, а найти тутъ нечего, немного въ князь Осипѣ пріятства сыскать кромѣ вражды, а и съ другую сторону не весело жъ, да и сына чаютъ все, что въ него жъ будетъ; и за такимъ будучи не утѣшишься. А князь Ѳедорова сына Щербатаго я ни дому ихъ и Волконскаго не знаю. И какъ тебя господъ въ томъ наставитъ". Прасковья Андреевна Кафтырева не вышла однако ни за однаго изъ вышеупомянутыхъ жениховъ.

Мать ея, Анна Ивановна, скоро скончалась и она осталась круглой сиротой; здѣсь живѣйшее участіе въ ея судьбѣ принялъ дядя ея Ив. Ив. Чаадаевъ и по случаю смерти матери написалъ ей изъ Архангельска, гдѣ онъ былъ воеводой [2], слѣдующее

---

[1] По словамъ Г. Г. Лукьянова подъячій Парѳенъ Максимовъ извѣщалъ о послѣднихъ минутахъ жизни Тюменскаго воеводы Андрея Васильевича Кафтырева, мужа Анны Ивановны, скончавшагося въ 1661 году и писалъ въ Сибирскій приказъ, что Кафтыревъ „отходя сего свѣта, о томъ велѣлъ къ тебѣ великому государю мнѣ холопу твоему отписать". [Сибир. приказъ Н. Оглоблина, 3].

[2] Чаадаевъ былъ воеводой въ Архангельскѣ, или, какъ тогда говорили, на Двинѣ, съ 1667 до 1670 года; слѣдовательно письмо это никакъ не позднѣе 1670 года; но скорѣе именно 1667. Окольничій Ив. Ив. Чаадаевъ, выдающіяся дѣятель XVII вѣка, началъ службу въ царствованіе Алексѣя Михайловича приблизительно въ 40-хъ годахъ; въ концѣ того же десятилѣтія пожалованъ „изъ житья въ

трогательное письмо съ выраженіемъ соболѣзнованія, любопытный образецъ подобнаго рода писемъ второй половины XVII вѣка.

„Пріятелю моему присному и зѣло любезнѣйшему Прасковьѣ Андреевнѣ дядя твой Иванъ челомъ бью, желая отъ Христа Спасителя нашего мира, здравія и утѣшенія и всѣхъ благъ временныхъ и вѣчныхъ. Пиши, моя свѣтъ, ко мнѣ о своемъ здоровьѣ, а о матери своей печалься съ разсужденіемъ, воли праведной Божьи не противься. Положи все упованіе на его праведное смотрѣніе и прибѣгай въ печалѣхъ къ милостивой заступницѣ нашей къ Пресвятой Богородицѣ и вѣруй несумнѣнно, не оставитъ тебя сиру. Милость свою матери своей покажи, не забудь, душу ея поминай, не пожалѣй за душу дать: Богъ во всемъ исполнитъ и не оставитъ тебя. И ко мнѣ отпиши о всемъ: гдѣ тѣло погребено и какъ поминать себя приказала. По семъ буди, свѣтъ моя, Богомъ хранима“. Письмо адресовано: „Андреевѣ дочери Васильевича Кафтырева Прасковьѣ Андреевнѣ“, слѣдовательно она еще дѣвица.

Уже было помянуто выше, что Прасковья Андреевна вышла за князя Петра Ивановича Хованскаго въ 1667 или 1668 году. Въ другомъ письмѣ дядя ея, изъ Хо́лмогоръ, писалъ ей, уже послѣ ея свадьбы, по поводу отношеній ея къ дядьямъ ея, Якову

стрянчіе“; участвовалъ не разъ при выѣздахъ царя въ подмосковныя. Въ 1658 году назначенъ товарищемъ къ Вас. Бор. Шереметеву въ Кіевъ, гдѣ пробылъ до 1663 года во все время войны съ Польшей и во время возстанія Хмѣльницкаго. Сохранилось много его донесеній, въ которыхъ онъ горячо защищалъ государственные интересы, за что получилъ похвальную грамоту и пожалованъ изъ стольниковъ въ думные дворяне. Въ 1663 году назначенъ воеводой въ Кіевъ, гдѣ справедливостію пріобрѣлъ любовь населенія, особенно защищая свободу мѣстныхъ жителей отъ подводной повинности противъ гетмана Брюховецкаго. Въ 1666 году 22 марта назначенъ въ Архангельскъ, гдѣ пробылъ до 9 сентября 1670 года. Съ этого временн началась его дипломатическая дѣятельность, ставшая весьма извѣстною; имя его упоминается всегда въ дипломатическихъ документахъ въ сношеніяхъ съ Польшей. Съ 1676 года окольничій, съ 1683—ближній окольничій. Нѣсколько разъ ѣздилъ въ Варшаву, въ 1671 дважды, а затѣмъ въ 1677, 1678, 1683 и 1686 годахъ съ титуломъ намѣстника то Казанскаго, то Каргопольскаго, то Муромскаго. Въ 1679 году былъ у цезаря Римскаго Леопольда въ Вѣнѣ и въ Венеціи. Принималъ участіе во множествѣ съѣздовъ для опредѣленія нашихъ пограничныхъ владѣній. Посольская его дѣятельность въ Польшѣ прекратилась вѣчнымъ миромъ съ Польшей, по которому Польша навсегда отказалась отъ Кіева и другихъ городовъ; за эту службу Чаадаевъ былъ награжденъ серебрянымъ золоченымъ кубкомъ, атласнымъ кафтаномъ изъ соболей, да придачей къ окладу 120 рублей и 3000 ефимками на вотчину. Помимо дипломатической службы онъ вѣдалъ и другаго рода дѣла; напримѣръ въ 1672 году былъ въ земскомъ приказѣ, гдѣ съ княземъ В. В. Голицынымъ трудился надъ

Павловичу и Ивану Александровичу Кафтыревыхъ и старался примирить ее съ ними; онъ писалъ: „... а они прежде сего ко мнѣ писали, что ты ихъ пріятство къ себѣ забыла и къ нимъ зѣло сердцемъ непріятна; что ты ихъ не послушала о своемъ промыслу и о замужествѣ, въ томъ они на тебя не пеняютъ, а какъ тебя Богъ сочеталъ со княземъ Петромъ Ивановичемъ и ты къ Ивану и къ теткѣ своей къ Аннѣ Ивановнѣ показала непріятство и ни во что ихъ ставила: они за тобой гонялись, а ты и въ домъ ихъ никого о своемъ здоровьѣ не присыливала. И я тебѣ о томъ писалъ, что тебѣ, Андреевна, люди надобны нынѣ и впредь, а ихъ было тебѣ пріятство надобно помнить: послѣ материны смерти они тебя ото всѣхъ напастей уберегли... А мое сердце, свидѣтель господь вѣренъ, о тебѣ болитъ, какъ о своихъ дѣткахъ“ [1].

Отсюда видно, что Кафтыревы, послѣ смерти матери, близко стояли къ Прасковьѣ Андреевнѣ, но вѣроятно не долго, ибо вскорѣ она вышла за мужъ; видно также, что молодая княгиня отличалась самостоятельнымъ характеромъ.

Въ концѣ 1674 года князь Петръ Ивановичъ былъ назначенъ на Донъ. О пребываніи его на Дону есть въ исторіи Соловьева нѣсколько страницъ; оттуда узнаемъ, что, пріѣхавъ, онъ

уравненіемъ податей съ гостей и прочихъ посадскихъ людей; въ томъ же году былъ назначенъ въ Сибирскій приказъ. Подписалъ вмѣстѣ съ другими 12 января 1682 года указъ объ уничтоженіи мѣстничества. При вѣнчаніи Петра I несъ скипетръ. Въ 1686 году назначенъ въ комиссію для пополненія родословной бархатной книги. Въ концѣ жизни пребывалъ на покоѣ; въ это время имя его часто встрѣчается по дворцовой службѣ, въ хожденіяхъ „за иконами“,—въ разныхъ походахъ и поѣздкахъ; не разъ вѣдалъ съ боярами Москву въ отсутствіи царя. Въ 1690—92 вновь возобновилась его государственная дѣятельность. Въ 1696 году назначенъ воеводой въ Яренскъ, вѣроятно въ связи съ пребываніемъ тамъ опальныхъ князей Голицыныхъ; въ томъ же году назначенъ былъ въ отвѣтѣ съ польскимъ посланникомъ и затѣмъ у персидскаго посла. Умеръ И. И. Чаадаевъ въ 1696 году.—Правнукъ его Ив. Петр. Чаадаевъ съ 1742 по 1761 годъ служилъ въ л. г. Семеновскомъ полку и позднѣе былъ участникомъ комиссіи по составленію новаго уложенія отъ Муромскаго уѣзда; онъ былъ масонъ и „намѣстный мастеръ“ ложи; перевелъ комедію Мольера „Жоржъ Дандинъ, или въ смятеніе приведенный мужъ“.—Братъ его Як. Петр. Чаадаевъ также служилъ въ л. г. Семеновскомъ полку съ 1756 по 1775 годъ и также занимался литературой; онъ издалъ комедію Кальдерона „Донъ Петро Прокудеранте, или наказанный бездѣльникъ, переводъ съ гишпанскаго въ Нижнемъ Новгородѣ“. Это отецъ знаменитаго Петра Як. Чаадаева, родившагося 27 мая 1794 года. Слѣдовательно послѣдній приходился прямымъ праправнукомъ окольничему Ив. Ив. Чаадаеву.

[1] Id., стр. 422.

ходилъ осматривать мѣста на Міусѣ и что затѣмъ лѣтомъ слѣдующаго 1675 года государь приказалъ ему идти на казачій ерекъ, прокопать его и построить три городка; но здѣсь произошло броженіе казаковъ, которые отказывались копать и строить города; въ іюлѣ и августѣ скакали гонцы отъ князя Петра Ивановича въ Москву, о чемъ каждый разъ записывалось въ дворцовыхъ разрядахъ [1]. Черезъ нѣкоторое время волненіе казаковъ утихло [2]. Сохранившія съ Дона письма князя Петра Ивановича дополняютъ офиціальныя данныя; на Дону онъ провелъ два года: „про меня похоче вѣдать, писалъ онъ домой, и я на службѣ великаго государя на Дону въ новостроенномъ ратномъ Черкасскимъ городкѣ“; въ другомъ письмѣ онъ говорилъ, что надѣется отдѣлаться „валовое дѣло“ къ сентябрю. Особенно заботился онъ о своихъ лошадяхъ и часто въ письмахъ своихъ давалъ на ихъ счетъ наставленія; однажды онъ писалъ женѣ: „теперьво у мене моего сѣдла пятнадцать лошадей и худая лошадь рублей въ сорокъ... Да вели, Господа ради, Андревна, матка моя, беречь лошадей, которыя прислалъ съ Дону“. Прекрасно его приказаніе объ уздечкѣ подъ верховую свою лошадь: „да пришли ко мнѣ тесемочку бѣленькую шелковую на уздѣ, вели ее выткать на кружки... надобно 15 аршинъ. И я послалъ съ Пронькою образчикъ. И ты матка моя Андреевна, не полѣнись, сдѣлай сама, чтобы она была поглаже, а не узловата... А камошки для того я и прислалъ назадъ, — и тѣхъ стало въ узду, которые ты прислала съ Климкою“. Отсюда видно, какъ заботились въ то время объ украшеніи конскаго убора. Въ другой разъ онъ писалъ: „да послалъ я масла раковаго скляницу, а оно зѣльно пригодно: гдѣ въ ногахъ или въ рукахъ ломъ, такъ тутъ разогрѣвши натирать въ теплѣ, гдѣ грыжи есть. А на Москвѣ оно дорого, и не давай никому“; очевидно это своего рода embrocation того времени. Княгиня Прасковья Андреевна однажды просила мужа достать ей татарку, но князь Петръ Ивановичъ просьбы этой не исполнилъ и такъ объяснялъ причину: „да писала ты ко мнѣ объ дѣвочкѣ татаркѣ, чтобы купить и я истинно не добылъ. А хоша бы и было гдѣ добыть купить, у насъ такое положено правова, что не покупать никому и въ нашемъ Черкасскомъ городкѣ женскаго полу не держать. Естьли я купилъ маленькую, и на меня бы глядя купили иные и большую осподари“. Въ томъ же письмѣ князь Петръ Ивановичъ писалъ: „да писала ты ко мнѣ, душа моя

[1] Дворц. Разр. III, с. 926—930, 1445, 1526, 1540, 1598, 1609.

[2] Соловьевъ, кн. 3, стр. 492—495.

Андреевна, про коровъ калмыцкихъ, чтобы купить, — ино можно хошь десятокъ коровъ купить, прекрасныхъ да высылка тяжела, никоими мѣрами нельзя. А верблюдовъ у насъ на Дону нѣтъ, хошь сто рублей давай, такъ не добудешь. Одного было зимусь купилъ, и тотъ палъ, а нынѣча у князь Булата другого сторговалъ, такъ шелъ съ калмыки, и того свели“ [1].

Не забывалъ онъ и своихъ дѣтей и писалъ: „да послалъ я образы: образъ Спасовъ и тѣмъ образомъ благословилъ князь Михайла, ты принеси ево сама передъ Спасовъ образъ и попроси у Нево милости и Онъ ево исцѣлитъ ото всякія болѣзни“. Отсюда видно, что у Хованскихъ былъ малолѣтній сынъ Михаилъ, страдавшій какой то болѣзнью. Вѣроятно онъ скоро умеръ, потому что болѣе не упоминается. Его нѣтъ ни въ одной родословной.

Въ другой разъ онъ писалъ: „князь Андреюшку послалъ мальчика, да бурку бѣлую; а Натальюшкѣ послалъ коробочку сахару“. Старшій его сынъ, князь Андрей, подрасталъ и уже исполнялъ порученія отца: „пошли князь Андрея, писалъ онъ, бить челомъ къ Артамону Сергѣевичу о жалованьѣ, помираю голодной смертію“. Положеніе его было видно трудное, ибо онъ усиленно просилъ, чтобы его взяли съ Дона и постоянно твердилъ въ письмахъ: „бейте взять съ Дона!“. Въ томъ же письмѣ онъ писалъ женѣ: „да послалъ я къ тебѣ образъ тезоименитства твоего кипарисной рѣзкой въ кіотѣ въ рѣзномъ. А на Воронежъ пошли людей Лукашку, да Петрушку, да Яску, да Мишку повара молодаго, а съ ними пришли ко мнѣ масла коровья, да орѣхового, да конопляннаго“. Когда Прасковья Андреевна однажды нуждалась въ деньгахъ, онъ писалъ ей: „Господа ради, не продавай ожерелье или серегъ, послушай меня, не продавай для то, что ужъ такого ожерелья или серегъ не залесь тебѣ по себѣ. Богъ дастъ мнѣ здоровье, пріѣду, ну и я въ тѣ поры продамъ своего сѣдла двѣ лошади или три, тѣмъ то и окупится, а съ мою нужу лошадей еще останется“ [3]. Княгиня Прасковья Андреевна предлагала мужу хлопотать о его возвращеніи и писала, что хорошо бы ей самой ѣхать къ государынѣ, а сыну ея къ боярамъ, но

[1] Къ письму приложена роспись лошадямъ: „аргамакъ саврасой, конь карей, виноходецъ игреней, виноходецъ бурой, конь бѣлочубой старой, жеребенокъ половой Боковской, жеребенокъ темно-сѣрой съ заплаткою, жеребенокъ карей, жеребенокъ чубарой, жеребенокъ чалой, жеребенокъ темно-сѣрой, кобыла темно-сѣрая большая, кобыла темно-сѣрая молодая аргамачья, кобыла вороная лысая, да кобыла карея, да жеребеночекъ карей нынѣшной, да санникъ сѣрой“. Лошади были посланы „съ Клаусомъ“, вѣроятно служителемъ или конюхомъ изъ нѣмцевъ.

[2] Стар. и Нов. X, стр. 303—307, 309—310.

[3] Id., стр. 306.

князь Петръ Ивановичъ этого не одобрилъ и писалъ: „да писала ты ко мнѣ, Андреевна, чтобы тебѣ бить челомъ царицѣ, а князь Андрею бить челомъ Государю и боярамъ о перемѣнѣ, чтобъ меня государь указалъ перемѣнить, и ты, Господи ради, не отсѣки мнѣ головы, теперьво понорови сама, не бей челомъ, а князь Андрея не посылай къ боярамъ бить челомъ, для того что нынѣче присланъ ко мнѣ гонецъ: велѣно тотча городокъ на казачьѣ ерькѣ построить, а казаки не хотятъ; и какъ это дѣло минуется, и я тогда тебѣ пришлю тотчасъ человѣка, въ тѣ поры велю бить челомъ о перемѣнѣ неотступно. Какъ бы нибудь вырваться нынѣча зимою или весною, какъ бы нибудь съ Дону. А нынѣче никоими мѣрами нельзя бить челомъ, не поставя дѣла на мѣрѣ".

Когда же пришло время, князь Петръ Ивановичъ писалъ сыну:

„Отъ князь Петра Ивановича сыну моему князю Андрею Петровичу благословеніе. Пиши ко мнѣ Андрюшенька про материно здоровье и про свое здоровье, про сестрино здоровье, какъ васъ Господь Богъ милостью своею сохраняетъ. А мнѣ бы про ваше здоровье о Христѣ радоваться. А про меня похочете вѣдать, и я на службѣ великаго государя на Дону, въ повостроенномъ Черкасскомъ городкѣ, ноября въ 11 день, живъ до воли Божьи. Да писали вы, Андрюшенька, ко мнѣ, что вы ко мнѣ прислали грамотки съ Ѳедькою, стрѣльцомъ Петрова приказу Астафьева, и велѣли вы противъ тое грамотки отписать, и я про то писалъ съ Пронькою обо всемъ и нынѣча пишу о томъ-же: Господа ради промышляй, какъ Богъ васъ наставитъ. Къ патріарху самъ съѣзди съ Афанасьемъ Ивановичемъ побить челомъ, а къ духовниковичу отнюдь не ѣзди бить челомъ. Вѣдаете вы и сами: когда патріархъ и въ архиваритахъ былъ, толды до меня былъ добръ. И у него милости попросите обо мнѣ, а къ духовниковичу отнюдь не бейте челомъ и на дворъ къ нему не ѣздите. Вѣдаете и сами: и прежде сего до меня добръ не бывалъ, а нынѣча и пореду съ нимъ стала ссора за дворъ; нечего и позориться напрасно.

Да пишете ко мнѣ во всѣхъ грамоткахъ про Мартынка, и вы отпишите ко мнѣ, какое великое дѣло, великое до него? И вы меня истинно и досталь сокрушили, и такъ насилу брожу, день брожу, а два дни лежу. Я не могу умомъ отмыслить, какое дѣло можно въ грамоткѣ написать, какое великое дѣло?"

Дальше онъ писалъ: „Да писали вы о томъ ко мнѣ, что у васъ хоромы на Москвѣ въ конецъ худы: передняя горница завалилась, а построить нечемъ; а какъ я и поѣхалъ, и вы съ тѣхъ мѣстъ хлѣбъ и дрова и сѣно покупаете. И я то, ей ей, вѣдаю

въ конецъ про то и безъ вашего письма; и я хошь и послѣднее платьишко свое продамъ и лошадей своихъ, а къ вамъ денегъ пришлю съ человѣкомъ своимъ станицей. А будетъ не успѣю нынѣча прислать денегъ, и я съ зимнею караванною станицею, конешно, пришлю. А нынѣча я Бога свидѣтеля поставлю на душу свою: естьли у меня была одна копейка, и я бы и тое на двое разсѣкъ, половину бы къ вамъ послалъ. Вѣрите ли вы Богу, когда я и сталъ государю работать, и я такой надъ собою нужи и бѣдъ не видалъ. Когда былъ я и въ неволѣ и кайдалы на себѣ видѣлъ, и та мнѣ неволя етой воли была лутче въ пятеро“ [1]. Въ томъ же письмѣ онъ обращается къ женѣ, подробно объясняя, какъ долженъ сынъ ѣхать бить челомъ: „да пожалуй Андревна, Господа ради, умилосердись, когда будетъ время, послать побити челомъ князь Андрея къ Артамону Сергѣевичу и князь Юрью Алексѣевичу. И ты побей челомъ и милости попроси у Афанасья Ивановича, чтобы онъ пожаловалъ съ нимъ съѣздилъ. А будетъ какое не время лучится съ нимъ съѣздить, и пошлешь его съ людьми своими, и ты накажи имъ накрѣпко, когда пріѣдитъ князь Андрей на дворъ и ты имъ вели его проводить до передней палаты князь Юрью Алексѣевичу, или къ Артамону Сергѣевичу, а съ нимъ вели одному человѣку итить; вѣдаешь ты и сама, что они люди глупые: пойдутъ оравою. А князь Андрею вели бить челомъ патріарху и князь Юрію Алексѣевичу и Артамону Сергѣевичу безъ челобитной, такъ, слокесно, о томъ, что ужъ мнѣ доходитъ на Дону два года на службѣ великаго государя, а подмоги мнѣ хлѣбнаго жалованья и денежнаго на другой годъ не дано, жилъ такъ, безъ жалованья. А съ челобитной отнюдь бы не билъ челомъ [2]. Да какъ пришлетъ Пронька росписи съ Филиппова хлѣбу и лошадямъ, и ты, Господа ради, пришли тѣ росписи ко мнѣ. Да отпиши на Филиппово, какіе жъ тамъ деньженокъ сберется, и на тѣ деньги на всѣ, сколько сберется, вели купить сѣна; и либо государская милость, велятъ меня взять къ Москвѣ, чтобъ мнѣ клячъ не поморить, которыя со мной придутъ. Потому и заранѣе купится, такъ не пропадетъ, и въ годъ стоитъ, ничто ему сдѣлается, не двѣ цѣны толды будетъ покупать, нынѣча съ осени дешевле купится; а будетъ застоится въ годъ, и на службу сговорить? А есть такіе люди нарочитые и заошно сговорить, мнѣ повѣря, затѣмъ что просятъ роспись, что приданаго. И ты пришли ко мнѣ роспись, что будетъ приданаго, и къ

---

[1] См. выше о его плѣненіи поляками.

[2] Бояре Арт. Сергѣй Матвѣевъ и кн. Юрій Ал. Долгоруковъ.

отцу ея отпиши, можно ли ему, какъ бы что малое удѣлить, мужичка или двухъ? А люди нарочитые хотятъ взять. По сему съ вами буди милость Божья на вѣки. А о мнѣ конешно неоплошно бейте челомъ, чтобы меня нынѣшной зимой взяли къ Москвѣ".

На оборотѣ письма рядомъ съ адресомъ приписано: „да отпиши ко мнѣ, Андрюшенька, прислалъ ли Еремѣй Пашковъ кобылу мою гнѣдую, что я у него покинулъ, или нѣтъ, и вылѣчилась ли она? А будетъ не прислалъ кобылы, и ты къ нему отпиши, чтобы пожаловалъ, прислалъ къ Москвѣ".

Лошади сильно его занимали. Въ другой разъ онъ писалъ: „Да отпиши, Андрюшанька, въ вору .....сыну къ Назаркѣ на Филиппово, чтобъ онъ лошадей берегъ неоплошно. А въ стадо бы всѣхъ лошадей пустилъ, которыя въ нынѣшнемъ и въ прошломъ году присланы къ намъ, только бы не пускалъ одного бураго иноходца, а то бы всѣхъ вели пустить коней и иноходцовъ моего сѣдла. А полового Боковскаго жеребенка, что присланъ отъ меня, да пѣгаго жеребенка домашняго и иные которые есть жеребята, велитя всѣхъ, повыбравъ, положить. А обо всемъ вамъ я отпишу и человѣка пошлю съ Семеномъ Колтовскимъ. А обо мнѣ безпрестанно бейтя челомъ князю Юрью Алексѣевичу, чтобъ меня взялъ съ Дону. По сему буди съ вами милость Божья на вѣки неподвижна. А что вы ко мнѣ объ лошадяхъ писали, и вы отнюдь никому лошадей не сулитя и никому не давайтя. А мнѣ отнюдь никому лошадей не давывать и ничего".

Одно письмо Петра Ивановича къ женѣ писано между Валками и Водолагою. Повидимому это послѣднее письмо съ Дону, ибо онъ получилъ слѣдующее приказаніе: „а нынѣ за волею государьскою, что мнѣ велѣно итить съ Дону въ запороги и быть у совершеннаго дѣла, а изъ запорогъ итить въ Крымъ. А естьли что надо мною, что воля Божія и учиниться,—и у меня останется послѣ меня князь Андрей, такъ вѣчная слава будетъ, что я былъ въ Крымѣ, а то никто не бывалъ въ Крымѣ отъ начала свѣту. А будетъ Господь Богъ вынесетъ меня въ добромъ здоровьѣ и увижу васъ въ добромъ: вѣдаешь ты сама, что безъ року смерти не бываетъ, а отъ воли Божьи нигдѣ не уклониться, гдѣ часъ воли Божьи придетъ".

Для чего получилъ приказаніе Петръ Ивановичъ ѣхать въ Крымъ, въ этомъ письмѣ не говориться, но безъ сомнѣнія для размѣна плѣнныхъ. Наконецъ Петра Ивановича вернули въ Москву. Изъ письма жены его выходитъ, что это было уже въ царствованіи царя Ѳедора Алексѣевича, въ концѣ зимы 1677 года. Она писала: „пожалуй, государь мой князь Петръ Ивановичъ, изволь

къ намъ ѣхать, не мѣшкавъ. А пожаловалъ о тебѣ, заступилъ у государя и сдѣлалъ то, што тебѣ къ Москвѣ быть, батька нашъ милосердай, отецъ князь Юрье Алексѣевичъ... Пожалуй отецъ мой не изволь мѣшкать ни за чѣмъ, изволь все покинуть. Ей, намъ вѣра не имѣется, што очи твое видѣть... Да послала я къ тебѣ, свѣтъ мой коврижечку, и тебѣ бы, батька мой, кушать на здоровье; и дастъ Владыка, какъ будешь въ русскихъ городахъ, и ты батька мой, пожалуй пришли ко мнѣ человѣка, штобы мнѣ про твое здоровье вѣдать.... Да Алексѣй Мещериковъ милости у тебя просить, будетъ возможно, штобы ты пожаловалъ Ѳедора Мещерикова, взялъ собою. А будетъ тебѣ пишу, и мнѣ истинно нельзя было не писать отъ слезъ Ѳедоровой жены. Да милости у тебя, батька мой, прошу, не призри моего прошенія для своего многолѣтняго здоровья, возми собою Ѳедора Борисова сына Лобзина ради слезъ матери его. Истинно государь, обмыты ноги слезами матери его, да и добродѣтели ея ко мнѣ много. Пожалуй, батька мой, умилосердися для Спаса, будетъ милость твоя, будетъ возможное то дѣло тебѣ учинить. Да пожалуй, батька мой, изволь отпустить и Сидорова шурина, хотя тебѣ, государь, Сидоръ за твою милость и всякое зло воздалъ, только ты милость..... надъ шуриномъ его, милость удиви ради слезъ матери его. По семъ, батька мой, я тебѣ, свѣту своему, много челомъ бью. Изволь, мой батька, ѣхать къ намъ поскорѣе, дай намъ себя видѣть".

Въ томъ же письмѣ Прасковья Ивановна извѣщаетъ мужа, что и отцу его и брату Андрею Ивановичу заступленіемъ того-же князя Ю. А. Долгорукова велѣно быть въ Москвѣ.

15 января 1678 года Петръ Ивановичъ получилъ новое назначеніе—ѣхать воеводой въ Архангельскъ, гдѣ до него на той же должности былъ его отецъ.

Отъѣздъ его на Двину и обстоятельства сдачи отцомъ ему должности такъ записаны въ Двинской лѣтописи:

„Генваря въ 15 день, пріѣхалъ на Двину воеводою бояринъ князь Петръ Ивановичъ Хованской, отца своего боярина же и воеводы на князя Ивана Андреевича Хованскаго мѣсто, а съ нимъ дьякъ Дмитрій Степановъ, дьякъ же на Андреево мѣсто Богданова; и пріѣхавъ на Хо́лмогоры, были въ соборной церкви и изъ соборной церкви пришли въ съѣзжую избу и въ съѣзжей избѣ бояринъ и воевода князь Петръ Ивановичъ у отца своего, у боярина же у князь Ивана Андреевича Хованскаго, городовые и казенные ключи принялъ и росписными списками размѣнялися того же числа. И того же генваря въ 22 день, бояринъ князь Иванъ Андреевичъ Хованской съ Двины поѣхалъ къ Москвѣ".

На Двинѣ Петръ Ивановичъ пробылъ два года; за это время сохранилось много любопытныхъ писемъ къ нему отъ его родныхъ и близкихъ.

Изъ писемъ этихъ узнаемъ, что въ то время, то есть въ 1678 году, отецъ его князь Иванъ Андреевичъ Хованской, послѣ воеводства на Двинѣ, отдыхалъ въ своей старинной родовой подмосковной вотчинѣ, селѣ Никольскомъ [1], гдѣ въ этомъ году окончилъ постройку церкви, о чемъ и писалъ сыну своему князю Петру Ивановичу въ Архангельскъ:

„А о мнѣ вѣдомо буди тебѣ: іюня по 3 число въ Подмосковной деревне въ Никольскомъ з живущими ся обретаемъ, а впредь Богъ волитъ. Ведомо тебѣ буди: церковь Чудотворца Николая и пределы совсѣмъ построены и настоящая да приделъ Іоанна Златоуста освящены, божественная литоргея в обѣехъ храмехъ; и сіе привѣліе дело по моему грѣшному обѣщанію въ совершенство достигло. Зело есмъ веселья и радости исполнился. А ты такожде потщися, елико Богъ тебѣ благословитъ. А хорошо бъ паникадило приложилъ, та тамъ у васъ подешевле Московскова. А тебѣ Чудотворецъ воздастъ сугубо“ [2]. Въ другой разъ онъ писалъ сыну: „а ты живи поопаснѣе и не сорь денегъ“ [3].

Писала князю Петру Ивановичу въ Архангельскъ и мать его, княгиня Арина Ѳедоровна Хованская, урожденная Пушкина: „а мнѣ, свѣтъ мой, досадно на тебя, что ты ко мнѣ не пишешь про свое здоровье, а про мое не спрашиваешь, али тебѣ, свѣтъ мой не надобно“? Въ томъ же письмѣ она сообщаетъ о подаркѣ, который дочь ея посылаетъ женѣ князя Петра Ивановича: „княжна посылаетъ невѣстушкѣ коралки“; княжна, это единственная ихъ дочь, Аксинья Ивановна; объ этой посылкѣ она и сама писала невѣсткѣ: „да послала я тебѣ пятнадцать коралковъ бѣлыхъ и тебѣ бы пожаловать, велѣть сдѣлать погвицы на тотъ подобей, что у тебя на соболѣ шубѣ на отласной цвѣтной и сдѣлавши, прислать къ Велику дню“ [4].

Въ Архангельскъ же писалъ Петру Ивановичу и братъ его Андрей. Письмо это одно изъ не многихъ съ датою, именно 11 іюня 1678 года. „И я на Москвѣ писалъ онъ, живъ зъ женишкою и зъ девченкою въ печалѣхъ своихъ..... Право, государь, въ кру-

---

[1] Оно упоминается еще въ 1627 году, когда принадлежало отцу его князю Андр. Андр. Хованскому: „сельцо Никольское въ Плечиковѣ, что слыла дер. Поповская на рѣчкѣ Сосенкѣ“. [Холмогоровъ, Пехрянская десятина].

[2] Стар. и Нов., X, стр. 295.

[3] Ibid., 294.

[4] Ibid., 400.

чине и свѣту не вижу, потому что сына моево князь Юрья не стало волею Божіею". Ни въ одной родословной этого Юрія нѣтъ, ни въ бархатной книгѣ, ни у князя Б. И. Куракина, ни въ родословныхъ при дѣлахъ Моск. Двор. Депут. Собранія. Князь Андрей въ этомъ же письмѣ проситъ брата „промыслить ему корову да быка нѣмецкихъ" [1]. Это очень важное свидѣтельство, указывающее на то, что иностранный скотъ къ намъ сталъ ввозиться ранѣе Петра Великаго.

Вскорѣ послѣ назначенія Петра Ивановича въ Архангельскъ родственный и доброжелательный къ нему Иванъ Ивановичъ Чаадаевъ писалъ ему, убѣждая исправно исполнять службу, въ виду распространившихся на Москвѣ слуховъ о томъ, что Петръ Ивановичъ часто отлучается на охоту:

„...Прошу милости, писалъ онъ, живи государь, опасно и больше сиди въ приказѣ, дозирай самъ всего". Онъ предупреждалъ: „а здѣсь нѣкто врагъ вмѣстилъ, что ты все ѣздишь въ поле съ охотою. И я двинянъ распрашивалъ и они всѣ сказываютъ, что ты расправу имъ чинишь и то дѣло я внушилъ боярину Ивану Михайловичу [2] и всѣмъ пріятелемъ твоимъ; и нынѣ та огласка сошла". Предостерегалъ онъ племянника и о недоимкахъ: „остерегайся..., чтобъ недоборовъ не было: нынѣ того зѣло Государь спрашиваетъ" [3]. Просилъ онъ также: „о своемъ здоровьѣ и пріятеля моего супруги своей княгини Прасковьи Андреевны и дѣтей своихъ не держи насъ безъ вѣсти", да „вели, писалъ онъ, мнѣ купить каменья, парку лаловъ сережныхъ хорошихъ, да парку жъ изумрудовъ сережныхъ хорошихъ" [4].

Изъ слѣдующаго письма Чаадаева видно, что князь П. И. Хованской отвѣчалъ, что камушковъ купить нѣкому; этотъ отвѣтъ обидѣлъ Чаадаева и онъ 5 октября писалъ изъ Москвы: ....."а каменья, государь, и всякія узорочья изъ за моря вывозятъ не для городскихъ и холмогорскихъ жителей Богдана Зотикова, да Андрея Баженина и Ѳедора Черепанова съ товарищи, а вывозятъ для московскихъ жителей, для васъ бояръ, и для иныхъ многихъ, кому всегда есть кому и есть чѣмъ купить и я тому удивляюсь, что милость твоя ко мнѣ умалилась и не вѣренъ я, по твоему смотрѣнію сталъ. А тебѣ, государю моему, извѣстно, что и въ тысячахъ, а не въ полтинѣ, не лгалъ" [5].

---

[1] Ibid., 299.

[2] Вѣроятно бояринъ Ив. М. Милославскій, позднѣе лютый врагъ его отца князя Ив. Адреевича.

[3] Ibid., 371.

[4] Ibid., 372.

[5] Ibid., 373.

11 августа 1678 года игуменъ Костромскаго Богоявленскаго монастыря Павелъ писалъ о стѣнномъ письмѣ въ палаткѣ надъ гробомъ тестя князя Петра Ивановича, Андрея Васильевича Кафтарева и тещи его Анны Ивановны, которое, какъ видно изъ письма, онъ желалъ расписать.

Въ письмахъ отъ цѣлаго ряда лицъ содержится много различныхъ порученій. Архангельскъ былъ въ то время единственнымъ нашимъ приморскимъ городомъ; такъ, Богданъ Васильевичъ Яковлевъ изъ Шенкурска на Вагѣ проситъ приказать сдѣлать для него „двѣ лохани мѣдныхъ большихъ свадебныхъ“ [1]; или въ другой разъ заказываетъ „гребешковъ, круглыхъ рѣдкихъ и частыхъ, рѣзныхъ“; онъ же сообщая, о пріѣздѣ въ Шенкурскъ отца князя Петра Ивановича пишетъ: „а батюшка твой, бояринъ князь Иванъ Андреевичъ, передъ масляницей въ среду жаловалъ, у меня ужиналъ, а въ четвергъ жаловалъ, обѣдалъ и того жъ дни поѣхалъ изъ Шенкурскаго милостію Божіею въ добромъ здоровьѣ. И я его изъ Шенкурска проводилъ верстъ съ пять“ [2].

Или напримѣръ, стольникъ Афанасій Денисовичъ Фонвизинъ, прадѣдъ литератора, извѣщалъ, что „волокся“ онъ къ нему въ Архангельскъ, но за противнымъ вѣтромъ остановился въ Лявлеской рѣчкѣ: просилъ отвести ему дворъ въ Соловецкомъ монастырѣ [3].

Или Андрей Пушкинъ изъ Костромы хлопочетъ за нѣкоего Костромича, ѣдущаго въ Архангельскъ „а онъ человѣкъ добрый и на Костромѣ не послѣдній“ [4].

Князь Петръ Ив. Прозоровскій 7 іюля 1678 года привѣтствуетъ князя его изъ Вятки, разспрашивая о здоровьѣ и проситъ быть милостивымъ къ ѣдущему въ Архангельскъ одному посадскому человѣку [5].

Князь Иванъ Алексѣевичъ Воротынскій хлопочетъ за иноземца и своего крестника нѣкоего Небуша [6].

Иванъ Бутурлинъ проситъ за назначеннаго въ Архангельскъ маіора Горязина [7].

---

[1] Стр. 379.

[2] Стр. 378.

[3] Мать князя П. И. Хованскаго, княгиня Арина Ѳедоровна, была Пушкина. Стр. 365.

[4] Стр. 363.

[5] Стр. 357.

[6] Не имѣетъ ли отношенія къ полковнику Нейбушу Петровскихъ временъ.

[7] Стр. 323.

Игуменъ Антоніева Сійскаго монастыря Ѳеодосій, проситъ отпустить на поруки его человѣка, который отъ него „сбрелъ кормиться“ и съ кѣмъ то повздорилъ и какого то ранилъ въ дракѣ [1].

Вскорѣ послѣ отъѣзда князя Петра Ивановича изъ Архангельска, нѣкто Петръ Голодный, видимо оттуда же писалъ ему: „Иваргуза.... на твое здоровье жалуется.., что ты сверхъ тысячи будто вынималъ ста на четыре слишкомъ у нихъ. А опричь тѣхъ людей здѣсь на Двинѣ жалобщиковъ на тебя нѣтъ, только всѣмъ міромъ за тебя, Государя, Бога молятъ“. Кромѣ того онъ извѣщалъ его, что быки его еще на судахъ; повидимому и князь П. И. Хованской обзаводился, какъ и братъ его, иноземнымъ скотомъ. Далѣе тотъ же Голодный сообщалъ: „а о медвѣдѣ я писалъ въ Никольскій монастырь къ игумену, отдастъ ли онъ мнѣ или нѣтъ. И будетъ отдастъ, и я его къ тебѣ пришлю къ Вологдѣ на судахъ“ [2].

Двинская лѣтопись даетъ нѣкоторыя подробности происшествій за время воеводства князя Петра Ивановича, такъ за 1679 годъ написано:

„Сентября 19 день, поутру, Божіими судьбами, учинилася погода страшная и буря велія, и тою погодою на Двинѣ рѣкѣ многіе корабли съ якорей срывало, и въ рѣку Кончукерью заносило, а торговыхъ людей суды съ товары многія разбивало и товары и людей потопило“ и далѣе: „въ то же лѣто въ декабрѣ мѣсяцѣ, пришла великаго государя грамота на Хо́лмогоры—сбирать со всякаго двора, кромѣ церковничьихъ, по рублю денегъ, ратнымъ людямъ на жалованье, по описи стольника Афанасья фонъ-Визина, а другая грамота холмогорскимъ кузнецамъ сдѣлать 2000 замковъ шкотскаго дѣла, половина карабинныхъ, а другая мушкетныхъ и за работу имъ давнно отъ замка по 5 алтынъ“. Или вотъ еще весьма любопытный царскій указъ, вѣроятно произведшій большой переполохъ среди жителей: „Сего же декабря въ 11 день, по указу великаго государя и по благословенію святѣйшаго патріарха и преосвященнаго Корнилія, митрополита Новгородскаго по грамотѣ, на Холмогорахъ постились и съ ссущими младенцы, отъ утра и до вечера, и во утріи день до отпуска святыя литургіи. Таковъ же великаго государя указъ былъ во всю Россійскую землю. А въ церквахъ пѣли аллилуйя съ по-

---

[1] Стр. 380.
[2] Стр. 326.

клоны. Сіе же къ Богу моленіе и постъ учинися тогда за озлобленіе и скорбь отъ нашествія турскаго султана".

Отъѣздъ князя Петра Ивановича такъ описанъ въ лѣтописи: „Въ то же лѣто, по указу великаго государя и по грамотѣ, боярину и воеводѣ князю Петру Ивановичу Хованскому велѣно съ Двины ѣхать къ Москвѣ тотчасъ безъ замедленія, а городовые и казенные ключи и городъ и холмогорцевъ посадскихъ людей и уѣздныхъ крестьянъ велѣно вѣдать и всякія расправы чинить до новаго воеводы дьяку Дмитрію Степанову; и бояринъ и воевода князь Петръ Ивановичъ Хованской съ Двины поѣхалъ къ Москвѣ марта въ 22 день" [1].

Въ перепискѣ князя Петра Ивановича весьма важное мѣсто занимаетъ хозяйство. Въ хозяйственныхъ письмахъ его упоминаются дворъ на Москвѣ, подмосковная вотчина деревня Красниково и дальняя Костромская, уже упоминавшееся село Филиппово.

О московскомъ дворѣ узнаемъ изъ писемъ близкаго къ князю Петру Ивановичу, Матвѣя Осиповича Кровкова, который писалъ однажды изъ Москвы, прося отсрочить порученную ему постройку: „изволилъ ты государь, писать ко мнѣ о дворовомъ строеніи,—и нынѣ, государь, лѣсъ дорогъ, никоторыми, государь, дѣлы купить не возможно: пожаровъ умножилось, а привозу стало мало, а Москвою рѣкою пригону нѣтъ. Хотя тебѣ, государь, и гнѣвно, изволь отсрочить до зимы. Нынѣ строить за копѣешная гривна, а за гривенное — десять алтынъ". Въ томъ же письмѣ Мат. Ос. Кровковъ увѣдомляетъ, что есть продажный дворъ — „и будетъ тебѣ, государю, дворъ надобно, изволь объ немъ отписать. А будетъ тебѣ, государю, и хоромы строить, изволь ко мнѣ прислать чертежъ, на которомъ мѣстѣ строить, и какъ основаніе хоромъ кому быть". Здѣсь-же: „изволилъ ты, государь, прислать зиму сь меду, и стоять ему здѣсь лишней убытокъ: первое дѣло — ѣдятъ мыши, а другое дѣло—подкисъ" [2].

Не разъ упоминаются въ перепискѣ и разные драгоцѣнныя вещи; такъ напримѣръ княгиня Прасковья Андреевна однажды просила ей купить алмазные зáпаны, въ отвѣтъ на что ее увѣдомляли, что на ярмаркѣ были зáпаны, но дорогія, по двѣсти рублей, по полтораста и по сту, а дешевлѣ не было. Въ томъ же письмѣ говорится, что князь Петръ Ивановичъ „нарошно приказывалъ за море на лѣто велѣлъ вывесть зáпаны" [3]. Сохранилось

---

[1] Титовъ, Двинская лѣтопись, стр. 39.

[2] Стр. 345.

[3] Стр. 383.

и письмо нѣкоего Андрюшки Бутенанта, къ князю Петру Ивановичу, болѣе позднѣе, отъ 9 января 1682 года, съ извѣщеніемъ, что онъ купилъ по приказу Петра Ивановича кисть жемчуга мелкаго скатнаго, но что къ камню его изумрудному онъ не можетъ „товарища прибрать“; въ другомъ письмѣ отъ 12 января того же года онъ пишетъ про „золоты“ и про „цѣпочки“ и на счетъ „зарукавья“ [1].

22 декабря 1677 года другой довѣренный князя Петра Ивановича, Митька Козловъ, увѣдомляетъ, что на московскомъ дворѣ и въ подмосковной на Красниковѣ далъ Богъ здорово; а въ другомъ письмѣ, повидимому того же года, онъ описываетъ случившійся въ Москвѣ пожаръ и сообщаетъ, что дворъ князя Петра Ивановича уцѣлѣлъ. Изъ письма можно приблизительно узнать, гдѣ стоялъ этотъ дворъ. Козловъ писалъ: „загорѣлось у Смоленскихъ воротъ у самыхъ лавки и отъ тѣхъ, государь, лавокъ выгорѣло по самую церковь Бориса и Глѣба и по твой боярской дворъ“ [2]. Во время пожара на дворѣ пришлось разломать надъ казеннымъ погребомъ и надъ ледникомъ напогребицу, „а иныя бревна испересѣчены и расбросаны и собрать, государь, нельзя, кое какъ ослономъ въ колье огорожено“. Дворъ этотъ видимо предназначался въ продажу, ибо Козловъ писалъ: „а на хоромы, государь, купцовъ нѣтъ, и кровли на хоромахъ ветхи, гніютъ, сказывалъ и на Пушечномъ дворѣ, либо купятъ; и у многихъ воротъ памяти прибиты“. Это любопытное свидѣтельство, указывающее, что уже въ XVII вѣкѣ прибивались объявленія о продажѣ. Тутъ же Козловъ пишетъ о переговорахъ съ подъячимъ Иваномъ Яковлевымъ о покупкѣ его двора. Кромѣ того князь П. И. Хованскій хотѣлъ повидимому себѣ купить и загородный дворъ, какъ это видно изъ того же письма: „а о загородномъ, государь, дворѣ изволилъ ко мнѣ холопу писать, чтобы пріискать и загородныхъ, государь, дворовъ отнюдь нѣтъ. И Ивану Ивановичу [3] билъ челомъ не по одно время и онъ мнѣ, холопу твоему, изволилъ сказать: я де и себѣ не могу пріискать. Развѣ, государь, не объявятся ли гдѣ послѣ переписчиковъ, какъ перепи-

---

[1] Стр. 383.

[2] Въ переписныхъ книгахъ города Москвы 1669 года сказано: „Отъ Смоленскихъ воротъ, идучи въ городъ по правую сторону, отъ церкви Бориса и Глѣба дворы, среди нихъ дворъ стольника князь Петра Ивановича сына Хованскаго, с. 88.

[3] Ив. Ив. Чаадаевъ.

шутъ дворы“ [1]... Далѣе онъ писалъ: „а ленъ, государь, на Красниковѣ плохъ родится, всего умято двѣ керьби [2] безъ дву десятковъ, а поскони только двѣ жъ керьби безъ десятка“ [3].

Приходили письма и изъ подмосковной деревни Красникова. Одно письмо было челобитное, отъ двоихъ крестьянъ, Макарки Андреева и Богдашки Патрикѣева, которые просили князя и княгиню освободить ихъ отъ назначенной поставки дровъ по сажени, ссылась на то, что „кляченки“ ихъ „насилу бродятъ“ и „приблились на вашей, государи, работѣ“; крестьяне напоминали: „лѣтомъ съ дѣтишками на вашу пашню безпрестани, а свою пашнишку запустили, потому что сѣять нечѣмъ, вашей милости ссуды на сѣмена нѣтъ. А костромскимъ, писали они, въ недѣлѣ по два дни для нихъ работы дано имъ, а намъ нѣтъ ни по единому дни. И покосами скудно. Государи, смилуйтеся! [4].

Болѣе хозяйственныхъ подробностей сохранилось о костромской вотчинѣ, селѣ Филипповѣ. Въ донесеніяхъ оттуда довѣренные сообщали о состояніи коннаго завода, о покосахъ и не разъ посылали запасы на подводахъ въ Москву; напримѣръ приказчикъ Михаилъ Максимовъ съ мѣстнымъ старостой и цѣловальникомъ пишутъ: „въ костромскомъ твоемъ въ помѣстьѣ, въ селѣ Филипповѣ и на Климовѣ и животъ твой боярской, кони и кобылицы и жеребята четвертаки и третьяки и лоншаки іюля 28 день все, далъ Богъ, здорово. И отъ тебя, государя, пригналъ Ванька Ворлыгинъ коней противъ росписи двѣнадцать. А ковура коня пригналъ, храмлетъ задней ногой лѣвой... А нонѣшній годъ, государь, травы худы гораздо противъ лѣтошняго: около Филиппова и подъ Кушулевымъ [5] вполы стало. И по се число около Филиппова и въ Коркахъ и подъ Клѣстовымъ и подъ Коточиговымъ поставлено шестнадцать стоговъ, да на гужѣ поставлено десять стоговъ и на Климовѣ и на пустошахъ еще не оставлено, потому что захватило ненастье“. Въ томъ же письмѣ они доносили, что съ Васильемъ Кафтыревымъ были „бой и драча“ въ сѣнныхъ покосахъ [6]. Отсюда можно слѣдовательно заключить, что

---

[1] Слово „кербь“ очень древняго происхожденія.

[2] Стр. 387.

[3] Это очевидно комиссаръ Датскаго короля Бутенантъ фонъ-Розенбушъ, оставившій разсказъ о стрѣлецкомъ бунтѣ. Стр. 385-7.

[4] Стр. 382.

[5] На сохранившемся въ архивѣ Голохвастовыхъ, къ которымъ перешло Филиппово, планѣ XIX вѣка показано луговое урочище Кушелево. См. ниже.

[6] Стар. и Нов. x, 388.

Филиппово, была повидимому приданая вотчина Прасковьи Андреевны, доставшаяся Хованскимъ отъ Кафтыревыхъ [1].

Сохранилось нѣсколько донесеній отъ другого Филипповскаго прикащика, Стеньки Мокѣева, съ посылкою разныхъ запасовъ. Здѣсь и вино въ бочкахъ, и пиво, и сборное съ крестьянъ масло коровье, и кадка губъ, т. е. грибовъ, ржаной солодъ, и яйца, и творогъ, и сметана, и молоко, и рыжики. Въ другой разъ посылались „сырцы сметанные, да сырцы кислые“, слѣдовательно было сыровареніе; „да цыплята“, да „погнаны бараны...“ „А въ саду, государь, писалъ онъ, яблоки есть. Какъ поспѣютъ, какъ изволишь, къ себѣ ли велишь привесть“ [3]? Въ другой разъ осенью

---

[1]. Предположеніе это вполнѣ подтвердилось данными костромскихъ писцовыхъ книгъ письма и мѣры Ивана Бутурлина съ товарищи 136 [1628] года: „в Осецкомъ стану в помѣстьяхъ написано: за Матвѣемъ Васильевымъ сыномъ Кафтыревымъ поместья Григорья Иванова сына Полозова деревни Васькова на речкѣ на Лукинѣ пашни 22 чети в полѣ а в дву потомуж“... и т. д. Далѣе: „... въ межевыхъ писцовыхъ книгахъ Костромскаго уѣзду писма и мѣры Мирона Хлопова съ товарищи 136 [1628] и 137 [1629] годовъ... въ Осецкомъ стану: межа межъ Алексѣя Полева вотчины д. Меншакова...“ Далѣе: „... за Григорьемъ Андреевымъ сыномъ Кафтыревымъ старое отца ево помѣстье деревня Кочетыгово“. Тутъ же болѣе ранняя копія 1621 года, начинающаяся словами: „се яз князь Матвѣй княж Васильевъ сынъ Александровича Прозоровской что у меня учинился споръ с Васильемъ Леонтьевымъ сыномъ Кафтыревымъ в лѣсу у моей вотчинныя деревни у Борина с Васильевой поместною землею сельца Филиппова и я... поговоря съ Васильемъ... размежевалъ полюбовно“... [идетъ межа]... лѣта 7129 [1621].—Въ книгахъ за 1628 годъ... письма и мѣры того же Ивана Бутурлина с товарищи написано: „за Ондреемъ да за Яковомъ за Вас. дѣтьми Каѳтырева старое отца ихъ помѣстье сельцо Филиппово на суходолѣ пашни пах. помещиковыя середнія 44 четверти въ полѣ а въ дву потомужъ, сѣна на речкѣ на Лукинѣ подъ деревнею подъ Вачестовымъ 30 копенъ, лѣсу пашеннаго подъ сельцомъ 30 десятинъ, деревня Платкова пашни паханыя серед. 32 ч. да перелогом 4 ч., да лѣсомъ поросло 16 чет. в. п. а д. п., сѣна 40 копенъ, лѣсу паш. десятина да непаш. 2 дес., деревня Крюкова на суходолѣ паш. пах. сер. 30 чет. да пер. 3 чет. да лѣсомъ поросло 17 чети в. п. а в.... сѣна 20 чети, лѣсу паш. 2 дес. да непаш. болото двѣ ж. дес., деревня Олюнина на Суходолѣ п. п. с. 20 съ осминою в. п. а в. д. п., сѣна меж 50 коп., лѣсу болота 2 д., пустошь Горка пашни лѣсомъ поросло с. з. 4 чети в. п. а в. п., сена по речкѣ по Лукинѣ 30 коп., лѣсу паш. 5 д. да паш. 3 д., владѣетъ по отказнымъ Любимскаго осаднаго головы Осипа Золотухина.

Да за Андреемъ же да за Яковымъ Каѳтыревыми в поместье что было за новикомъ за Яковомъ Сунгуровымъ сыномъ Борткова да за Яковомъ Петровомъ сыномъ Бекурова починокъ что была пустошь Голодяево на речкѣ на Перьѣ.

За Ондреемъ да за Яковомъ Васильевыми дѣтьми Кафтырева въ поместье сельцо Борыкино на р. на Соти. [Бумаги князей Хованскихъ въ архивѣ Голохвостовыхъ].

[2] Ib. 388.

[3] Стр. 391, 392.

изъ Филлипова же послана была „пастила яблонная безъ меду“, да „пастила съ медомъ“, да яблоки 1830 штукъ, да „гнѣздо лебедей“, да „малина сухая“.

Конюхъ Назарко доносилъ о лошадяхъ: „на стойлѣ кони твоего сѣдла, и они, далъ Богъ, всѣ здоровы; и на конюшенномъ дворѣ кобылицы и кобылы пахатныя и жеребята, и они далъ Богъ здоровы. А что Дмитрей привелъ кобылицу гнѣдую и она на вербной недѣлѣ въ понедѣльникъ, въ одночасье сдѣлалось, умерла въ день. И князь Ондрея Петровича вороненькой виноходчикъ по другой недѣлѣ занемогла, а немочь у нея невѣдомо какая [1]... И ты изволь, государь, описать, коимъ конюхамъ за коньми ходить и коимъ за кобылицами и за мелкими лошадьми“. Въ другой разъ онъ сообщалъ о приключившейся болѣзни: лошади всѣ „ошулудивѣли“, но онъ обѣщалъ ихъ вылѣчить: „а Христосъ далъ на дворѣ тепляѣ, и мы, буде добудемъ мастера конскаго, и мы станемъ лѣчить, а буде не добудемъ и мы сами какъ Богъ наставитъ“. Жаловался онъ, что корму нѣтъ и сообщалъ: „къ которымъ ты, государь, изволилъ писать ко дворянамъ о корму и они отказали всѣ“ [2].

Хозяйственная переписка жены князя Петра Ивановича, княгини Прасковьи Андреевны, также очень любопытна. Она видимо занималась производствомъ разныхъ тканей; напримѣръ пишетъ ей ключница московскаго дому Дунька: „по твоему, государыня, указу со здоровьемъ отъ тебя, государыни, ко княгинѣ Аннѣ Володимеровнѣ ходила и объ узорахъ била челомъ и она пожаловала; и тѣ, государыня, узоры послала я къ тебѣ“ [3]; въ томъ же письмѣ сообщала она о работахъ, розданныхъ женщинамъ, что напрядено и выткано. У княгини былъ видимо въ деревнѣ при домѣ садъ, ибо ключница пишетъ: „да писала ты государыня, о цвѣткахъ и объ мятѣ, чтобы не переводить и въ томъ, государыня, во всемъ воля Божья, потому что нынѣ иные морозомъ побило“ [4]; важное свидѣтельство, указывающее, что садоводство было распространено и о цвѣтахъ заботились.

Сохранились письма другой костромской ключницы, Анютки. Изъ нихъ видно, что изъ Филиппова посылалось въ Москву полотно и гребенины, и холстъ „отрепной“ и дѣлалась крашенина; упоминаются цвѣта „желтый“ и „вишневъ“; упоминаются породы льна: „плаунъ“ и „сковитинъ“, вѣроятно псковитинъ, т. е. псковскій;

---

[1] Стр. 394.
[2] Стр. 395.
[3] Стр. 401.
[4] Стр. 402.

раздавались нити для пряжи. Узнаемъ, что князь Петръ Ивановичъ заказалъ однажды сдѣлать очевидно для охоты тенета и ключница спрашивала: „и какъ изволишь государыня, князь Петръ Ивановичъ велѣлъ тенята въ поскони дѣлать и ты какъ изволишь, волну ли дѣлать, или въ поскони прясть“? Дѣлались на Филипповѣ и скатерти, упоминается одна „шахматная“, что „Степка училась“—очевидно было обученіе женскому рукодѣлію; посылаются „чулочки“. Однажды ключница жаловалась, что ленъ „некорыстенъ“, и писала: „увидишь, государыня, сама, каковъ очешутъ“. Все это весьма любопытныя черты быта; но особенно интересно то, что княгиня Прасковья Андреевна присылала въ деревню узоры, по которымъ тамъ работали.

Много подробностей быта даютъ письма Агафьи Григорьевны Кровковой, жены упоминавшагося выше Матв. Ос. Кровкова, родственницы княгини Прасковьи Андреевны по Кафтыревымъ, ибо она была того же рода. Агафья Григорьевна исполняетъ какія то работы для княгини Прасковьи Андреевны, дѣлаетъ ей „подубруснички тафтяные“; напр. предлагаетъ: „будетъ вамъ подубрусники и подзатыльники надобны и вы не плошитесь, извольте прислать денегъ“... Или пишетъ: „а и не въ издѣвкахъ, княгиня Прасковья Андреевна, хорошо изготовить княжнѣ Натальѣ Петровнѣ“ [2]. Это разумѣется приготовленія къ приданому для дочери княжны Натальи Петровны. Въ одномъ письмѣ Агафья Григорьевна пишетъ самой княжнѣ, даря необходимое для нея: „челомъ бью тебѣ, княжна Наталья Петровна, фунтъ бѣлилъ“. Съ своей стороны и Агафья Григорьевна даетъ порученія княгинѣ сдѣлать ей разныя вещи: „прикажи сдѣлать сундучковъ и скрынокъ и подголовочковъ, а што станутъ, изволь, государыня, отписать, и мы деньги заплатимъ“ [1]. Это вѣроятно относится къ тому же времени, когда Хованскіе жили въ Архангельскѣ. Агафья Григорьевна всегда освѣдомляется про дѣтокъ и ихъ здоровье; разъ спрашиваетъ: „отпиши матушка ко мнѣ, беременна ль ты“? Въ другой разъ: „прикажи ко мнѣ причеркнуть, живаль мама и здороваль доѣхала и няня, вѣрной нашъ тайный посолъ“?

Кромѣ вопросовъ хозяйственныхъ многія изъ писемъ Агафьи Григорьевнѣ заключаютъ въ себѣ общеисторическія и семейныя подробности. Рядъ писемъ наполненъ извѣстіями о мужѣ ея, Матвѣѣ Осиповичѣ Кровковѣ, который былъ назначенъ въ полкъ къ боярину князю Григорію Григорьевичу Ромодановскому подъ Чигиринъ, гдѣ

---

[1] Стр. 402.
[2] Стр. 408.

онъ участвовалъ въ бою и былъ раненъ. Объ этомъ своемъ горѣ она такъ пишетъ: „а про меня, государыня моя, изволь спросить, и я съ печали едва жива: Матвѣя Осиповича привезли службы великаго государя изъ подъ Чигирина замертво, одва живъ лежитъ на смертной постелѣ, што оборотимъ съ боку на бокъ, то и есть, а самъ ничѣмъ не владѣетъ, ни руками ни ногами... Съ печали одва духанье мое есть". Второй Чигиринскій походъ былъ въ 1678 году, слѣдовательно это письмо относится къ этому году. Въ другомъ письмѣ она пишетъ о мужѣ: „и по днесь не можетъ съ постели встать, а отъ службы не оставятъ и по нынѣ"... „отъ слезъ вовсе ослѣпла". Агафья Григорьевна писала: „истинно не даетъ голова наклонится писать, уже съ печали одва и ума не отбыла". Это весьма важное свидѣтельство, показывающее, что она писала собственноручно. Изъ одного ниже приводимаго письма князя Петра Ивановича Хованскаго видно также, что и жена его, княгиня Прасковья Андреевна, тоже писала собственноручно. Подлинныя свидѣтельства эти лучше всего опровергаютъ ходячія обвиненія въ безграмотности верхняго слоя общества того времени.

Самъ же Мат. Ос. Кровковъ, незадолго повидимому до боя, писалъ князю Петру Ивановичу и въ слѣдующихъ прекрасныхъ выраженіяхъ говорилъ о необходимости поднять духъ войска: „ратныхъ людей охрабрить и окрѣпить и поставить паче желѣза и камени". Какой языкъ прекрасный и какія образныя выраженія!

Въ одномъ хозяйственномъ письмѣ приказчика Митки Козлова повидимому 1678 года, писанномъ изъ Москвы къ князю П. И. Хованскому, сообщается извѣстіе о здоровьѣ членовъ семьи Хованскихъ, благодаря чему получаются точныя данныя о родствѣ; приказчикъ писалъ: «а бояринъ князь Иванъ Андреевичъ и боярыня княжна Орина Ѳеодоровна и княжна Оксинья Ивановна, и князь Иванъ Ивановичъ и съ княжной Парасковьей Ѳедоровною далъ Богъ, здоровы".

Это отецъ Петра Ивановича, старый князь Иванъ Андреевичъ Хованской Тараруй, его жена и дочь и братъ его Иванъ Ивановичъ съ женой. Ни мать, ни сестра въ родословной князя П. Долгорукова не упоминаются; равно нѣтъ и жены младшаго брата князя Ивана Ивановича. Кто урожденная его жена не извѣстно. Далѣе:

„...а бояринъ князь Семенъ Андреевичъ и съ боярынею съ княгинею Ориной Ивановной, далъ Богъ, здорово".

Это дядя Петра Ивановича, братъ Тараруя, также бояринъ. Жены его въ родословной кн. Долгорукова тоже нѣтъ. Очевидно они жили въ другомъ домѣ, ибо приказчикъ пишетъ о нихъ отдѣльно, равно какъ и о слѣдующемъ сынѣ Тараруя:

„...а князь Андрей Ивановичъ и съ княжною Анною Семеновною въ Ярославской вотчинѣ". Это впослѣдстіи казненный съ отцомъ въ 1682 году [1]. Имя жены его также неизвѣстно; его нѣтъ и у Долгорукова.

Приказчикъ сообщаетъ затѣмъ о здоровьи другихъ близкихъ: „...и боярыня княгиня Парасковья Микитишна и съ дѣтьми, далъ Богъ, здорово жъ".

Это несомнѣнно княгиня Голицына [2], урожденная Кафтырева, жена князя Михаила Андреевича Голицына, Кіевскаго воеводы и боярина при царевнѣ Софьѣ и мать знаменитыхъ верховника, князя Дмитрія Михайловича, фельдмаршала князя Михаила Михайловича старшаго и генералъ-адмирала князя Михаила Михайловича младшаго; она видимо оставалась въ Москвѣ, ибо мужъ ея какъ разъ въ 1678 году и въ слѣдующемъ былъ въ Кіевѣ на воеводствѣ. Упоминающіеся въ письмѣ дѣти ея были: Дмитрій и Михаилъ; послѣднему было въ то время всего три года. Она и мужъ ея похоронены въ Богоявленскомъ монастырѣ.

Далѣе приказчикъ писалъ:

„...и княгиня Овдотья Михайловна съ дѣтьми и съ княгинею Ориною Алексѣевною, далъ Богъ здорово".

Кто эти очевидно родственныя княгини, не ясно.

„...а Матвѣй Осиповичъ недомогаетъ, какъ изъ службы пришелъ, лежалъ по се время".

Это вышеупомянутый Мат. Ос. Кровковъ, жена котораго писала такія слезныя письма.

„...а Ивану Ивановичу сказано на посольство въ Литву въ товарищахъ съ бояриномъ съ Ив. Вас. Бутурлинымъ".

Это Ив. Ив. Чаадаевъ. Вотъ очевидно весь кругъ наиболѣе близкихъ.

Можно сдѣлать еще нѣсколько выписокъ изъ семейной переписки княгини Прасковьи Андреевны Хованской. Сохраняется два письма къ ней отъ жены князя Андрея Ивановича, княгини Анны Семеновны, очевидно отъ того же года, что и письмо мужа ея, т. е. отъ 1 іюля 1678 года: „а изволишь, государыня, вѣдать про государя моего князя Андрея Ивановича и про меня; и князь Андрей Ивановичъ декабря со 12 числа до генваря по 16 только чуть живъ въ скорби своей и я по то-жъ число въ печали своей

---

[1] Дворъ кн. Андрея Ивановича Хованскаго былъ въ 1676 году въ приходѣ Успенія Пр. Богородицы что въ Остожьѣ. [Переписн. кн. Москвы 1665—76 стр. 205].

[2] См. о родѣ кн. Голицыныхъ князя Н. Н. Голицына, род. № 16, стр. 120.

и съ дѣвченкою обрѣтаюсь въ живыхъ, а впредь уповаемъ на милость Божію"; очевидно скорбь эта по случаю смерти сына ихъ Юрія. Отсюда видно, что у нихъ была еще дочь; далѣе она благодаритъ за присланные жемчугу семь золотниковъ, а въ другомъ письмѣ пишетъ: „да послала я, невѣстушка, крестъ, и ты вели его спаять и зерна наколотить".

Писала ей и золовка, ея княжна Аксинья Ивановна Хованская, изъ родительскаго дома; напримѣръ: „а матушка гораздо кручинится, что вы не утѣшате: грамотки не часто пишете, а ты вѣдуешь и сама, каковы матушки вы милы". Въ другомъ письмѣ: „да пожалуй, о чемъ била челомъ, буди печальница братцу о томъ дѣлѣ и пусти, государыня, за себя вѣчныхъ богомольцевъ и славу ту, которая на тебѣ лежала... Изволь, моя милостивая матка, милостиво разсудить; сама ты, государыня невѣстушка, разумный человѣкъ и читатль божественному писанію, чтобы, государыня невѣстушка, матушкиной думы не повредить, на себя бъ слезъ великихъ не навесть" [2]. Братецъ о которомъ хлопочетъ княжна, это вѣрно князь Иванъ Ивановичъ, жившій, какъ мы видѣли, вмѣстѣ съ родителями.

Встрѣчаются письма безъ подписи. Напримѣръ кто то изъ родныхъ, или близкихъ, посылаетъ гостинцы и пишетъ:

„Челомъ бью, мать моя, деревенскими гостинцы, пожалуй, прикажи принять", и перечисляетъ: „туша свинины рознята, молостопъ масла коровья, мѣхъ крупъ грешневыхъ, мѣхъ мучки пшенишной, три куры индѣйскихъ, три гуся, три уточки, десять асосовъ, десять курокъ русскихъ, штобъ тебѣ свѣту моему кушать на здоровье; да льну кербь пожалуй, свѣтъ моя, прикажи принять, да три калачика Муромскихъ" [3].

Упоминавшаяся выше княгиня Прасковья Никитишна Голицына, также была въ перепискѣ съ Прасковьею Андреевной; она называла ее „сестрицей" и, спрашивая про здоровье, однажды писала: „а про меня, государыня, изволишь вспомянуть, и я въ печалѣхъ своихъ и съ дѣтьми ноября въ 21 день еще жива, а впредь Богъ воленъ". Напоминая о покупкѣ, которую она проситъ прислать „съ ѣздоками", она пишетъ: „и я государыня платешчица, кому изволите на Москвѣ и я тому денги заплачу" [4].

---

[1] С. и Н., 401.
[2] Ib, 398—99.
[3] Стр. 420.
[4] Стр. 406.

Пишетъ княгинѣ Прасковьѣ Андреевнѣ, очевидно позднѣе, изъ Бѣлгорода, вѣроятно въ то время, что мужъ ея былъ въ Курскѣ, и жена полковника Елена Барова, посылая княжнѣ Натальѣ Петровнѣ „круживца на сорочку“ и прося, въ другомъ письмѣ, заступиться, чтобы мужа ея князь Петръ Ивановичъ „сверсталъ старыми полковники и по милости своей велѣлъ бы ему приказать полкъ“, потому что, пишетъ она, „которые послѣ него владѣютъ полками, а онъ только „шквадроною“ [1].

Въ письмахъ къ княгинѣ Прасковьѣ Андреевнѣ отъ разныхъ лицъ постоянно упоминается сынъ ея князь Андрей Петровичъ и дочь княжна Наталья; вышла ли послѣдняя замужъ и за кого, не извѣстно—ея нѣтъ ни въ одной родословной. Проситъ писать о здоровьи дѣтей и дѣдъ князь Иванъ Андреевичъ Тараруй, привѣтствуетъ бабушка княгиня Арина Ѳедоровна: „здравствуй свѣтъ мой съ своею женою... и своими дѣтьми а съ моими внучатами на многія лѣта и буди покровенъ десницей вышняго Бога...“ Пишетъ и княжна Аксинья Ивановна, посылая подарки: „а свѣтомъ моимъ послала Андрюшенькѣ и Наташенькѣ восемь игрушечекъ сахарныхъ“.

Въ 1679 году писалъ князь Ѳедоръ Юрьевичъ Борятинскій изъ Москвы: „позволь, князь Петръ Ивановичъ, попенять на себя: за что ко мнѣ не пишешь объ князь Андреевѣ здоровья Петровича; а я истинно вашего здоровья слышать по вся души желатель“ [2]. Спрашиваетъ о томъ же и Иванъ Ѳедоровичъ Пушкинъ.

Агафья Григорьевна Кровкова постоянно освѣдомляется о дѣткахъ; въ одномъ письмѣ изъ Москвы, повидимому въ Архангельскъ, она обращается къ молодому князю: „пожалуй, князь Андрей Петровичъ, вели мнѣ сдѣлать сундучекъ хорошенькой да скрыночку“. Когда же съ мужемъ ея уже во время стрѣлецкаго бунта въ 1682 году приключилась бѣда, она писала: „батюшка мой государь князь Андрей Петровичъ, буди милостивой заступникъ батюшку и матушку объ насъ бѣдныхъ. Многолѣтствуй мой батько и съ сестрицею княжной Натальей Петровной. Будьте батьки мои, объ насъ печальники“ [3].

Сохранилось письмо дяди князя Андрея Ивановича къ племяннику, князю Андрею Петровичу изъ Пскова. Оно помѣчено 29 августа 1677 года. Дядя писалъ: „Свѣту моему племяннику князь

---

[1] Стр. 405.
[2] Стр. 321.
[3] Стр. 416.

Андрею Петровичу. Многолѣтно, свѣтъ мой, здраствуй на многіе лѣта и прикажи ко мнѣ писать про здоровье отца своего, государя моего братца князя Петра Ивановича и про здоровье матери своей и про сестрино здоровье, какъ васъ милосердый Владыко милостію своею сохраняетъ, а я про ваше здоровье радъ слышать по всякъ часъ. А о мнѣ вѣдомо вамъ буди: я на службѣ великаго государя во Псковѣ съ живыми ся обрѣтаю“ [1].

Сохранилось и обратно одно письмо князя Андрея Петровича къ дядѣ безъ числа, въ которомъ онъ благодаритъ за извѣстія о здоровьи и сообщаетъ тоже о себѣ и своихъ.

Изъ переписки князя Петра Ивановича, какъ сказано, могутъ быть извлечены не только одни семейныя данныя. Любопытно напримѣръ позднѣйшее письмо къ нему отъ нѣкоего Григ. Ив. Косогова, участника еще усмиренія бунта Стеньки Разина, который пишетъ о притѣсненіяхъ, чинимыхъ Балыклейскимъ воеводой, Осипомъ Офросимовымъ, ибо онъ, по его словамъ, „великія бѣды людямъ дѣлаетъ“ и далѣе сообщаетъ неутѣшительныя вѣсти: „урядники и сторожа пьянствуютъ, только людями тревожатъ бѣдными, пахать мѣшаютъ. А все, государь, то дѣлается отъ безстрашія и пьянства и наказать бы, государь, такихъ сторожей не грѣхъ, чтобъ впредь трезвыми глазы глядѣли и правды казали“ [2]. Не правда ли, какое это также прекрасное выраженіе!

Сохранился рядъ писемъ къ князю П. И. Хованскому изъ Бѣлгорода отъ разныхъ лицъ какъ, видимо ему подчиненныхъ; такъ стольникъ Сем. Θед. Толочановъ жалуется: „подъячихъ въ Бѣлгородѣ нѣтъ никаго, а которые есть и тѣ, государь, всѣ пьяные“ [3]. Князь П. И. Хованскій былъ позднѣе въ Курскѣ и одно письмо Кирилла Осип. Хлопова адресовано въ Курскъ: „прикажи ко мнѣ писать, говорилъ Хлоповъ, какъ тебя огнепарный Парахлитъ [4] въ твоемъ благополучіи хранитъ“ [5]. Тотъ же Хлоповъ писалъ изъ Москвы: „вездѣ я разумъ твой и службу твою славлю, а помочь тебѣ, государю моему, и себѣ не могу, потому что худъ нашъ промыслъ“. Сообщая о томъ, что въ боярской думѣ слушали отчетъ о ихъ службѣ, онъ писалъ: „на силу, государь, добился бояромъ слушать статейнаго нашего списка... и всею палатою жаловали, службу нашу хвалили гораздо. А всѣхъ больше хвалилъ и высоко несъ службу нашу бояринъ Григорій Григорь-

---

[1] Стр. 424.

[2] Стр. 335—6.

[3] Стр. 362.

[4] Παράκλητος—Духъ святой.

[5] Стр. 369.

евичъ Ромодановской". Въ томъ же письмѣ Хлоповъ увѣдомлялъ, что по случаю ссоры, которая учинилась съ Китайскимъ Государемъ, его назначаютъ воеводой въ Енисейскъ: „и я, писалъ онъ, отъ той посылки отбиваюсь, да не могу отбиться; потому путь туда ходу два года да назадъ два года, тамъ быть два жъ года, итого шесть лѣтъ" [1]. Назначеніе въ Сибирь Хлопова не состоялось и черезъ нѣкоторое время онъ писалъ объ этомъ князю П. И. Хованскому, сообщая о новомъ назначеніи: „а нынѣ великіе государи указали мнѣ быть послѣмъ въ Цареградѣ". Онъ жаловался, что „убытку принялъ много" по случаю этихъ двухъ сборовъ; а „вѣстей, прибавляетъ онъ, у насъ много не сладостныхъ, пограничныхъ и домашнихъ" [2].

Сохранилось еще два письма изъ Бѣлогорода; одно отъ полковника Семена Резанова, помѣченное 24 сентября 1682 года, съ просьбой оставить въ Бѣлгородѣ стрѣльцовъ для обереженія слободъ и другое отъ встрѣчавшагося уже Якова Билса, сослуживца князя Ивана Андреевича, который въ преддверіи зимы неизвѣстнаго года просилъ о немъ подумать и такъ молилъ князя Петра Ивановича: „не озноби меня стараго мужика въ степи" [3].

Князь Петръ Ивановичъ писалъ сыну Андрею, уже повидимому во время Курскаго воеводства въ 1682 году, слѣдующее: „і у васъ въ Курску у всѣхъ людей подлинная есть обо всякихъ дѣлехъ, объ роспуске і о воловомъ строеньи, і я будто к вамъ подлинно не пишу; і мню ту, что есть въ Курску плутенъ много и всѣхъ ихъ не возможно переслушать". Далѣе въ томъ же письмѣ: „писалъ ты ко мнѣ про лехтычку [4], что обивать ли сукномъ,—и сукномъ еѣ не обивать; а бейте стамедомъ; зеленаго іли краснаго стамеду не дабыли, і вы обѣйте хотя голубымъ; а избушку вели чернить". Слѣдовательно семья его какъ видно въ Курскѣ. Въ одномъ письмѣ сыну Петръ Ивановичъ пишетъ: „да отпиши ко мнѣ, для чего не материна рука"? [5]. Слѣдовательно, какъ уже отмѣчено, княгиня Прасковья Андреевна всегда писала собственноручно.

Среди писемъ къ князю Петру Ивановичу есть одно, повидимому позднѣйшее, относящееся должно быть къ царствованію царя Ѳеодора Алексѣевича, отъ неизвѣстнаго друга и доброжелателя; письмо написано въ отвѣтъ на нетерпѣливое желаніе князя

---

[1] Стр. 366—7.
[2] Стр. 368—9.
[3] Стр. 313—315.
[4] Леха—полушубокъ, тулупчикъ?
[5] Стр. 315—16.

Петра Ивановича перемѣнить мѣсто служенія. Неизвѣстный другъ совѣтуетъ объ этомъ не поминать, потому что во первыхъ: „пріѣхать некуда и не къ чему“, а во вторыхъ какъ бы „оторвавъ отъ мѣста, на которое Богъ позвалъ, чтобъ въ горчайшее безпутство не провалиться, понеже время настоящее зѣло строптиво и не уставично“. Онъ проситъ его укротить свои помыслы и въ концѣ прибавляетъ: „пишу я тебѣ пріятелю моему, по времени смотря, гдѣ послѣ о себѣ, упустя, не тужить“. Не уставичное время указываетъ, что это вѣроятно уже послѣ кончины царя Ѳедора. Не Чаадаевъ ли это?

Въ письмахъ изрѣдка встрѣчаются указанія на черты характера князя Петра Ивановича; напримѣръ нѣкто Осипъ Филатовъ, говоритъ о его „незлобивомъ сердцѣ“, что онъ „себѣ славу учинилъ“, и „всякой де его хвалитъ“.

Сохранилось одно письмо, изъ котораго видно, что молодой князь Андрей Петровичъ, подобно многимъ своимъ современникамъ, страстно любилъ благородную псовую охоту. Письмо это вышеупомянутаго окольничаго Кир. Ос. Хлопова, находившагося при отцѣ его, князѣ Петрѣ Ивановичѣ.

„Государь мой, князь Андрей Петровичъ, писалъ онъ, многолѣтно и благополучно здравствуй съ матушкой своею, съ государыней моею съ княгинею съ Прасковьею Андреевною, и съ сестрицею, и со всѣмъ своимъ благодатнымъ домомъ. А мы на службѣ великаго государя въ забавахъ посольскихъ и въ трудностяхъ размѣнныхъ при милости и при ласкѣ отца твоего, государя моего боярина и воеводы князя Петра Ивановича, ноября по ...день до воли Праведнаго въ живыхъ, а впредь идущія лѣта самъ Сынъ и Слово Божіе вѣсть. Челомъ, государь, бью на милости отца твоего государя моего боярина и воеводы князя Петра Ивановича, что жалуетъ меня на службѣ великаго государя, отечиски поитъ и кормитъ. Да буди тебѣ, государю моему, вѣдомо: милостію Божію и заступленіемъ пречистые Богородицы и Московскихъ Чудотворцевъ и счастьемъ великаго государя царя и великаго князя Ѳеодора Алексѣевича всеа Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи самодержца, а службою и радѣніемъ и промысломъ и стараньемъ крѣпкимъ отца твоего, государя моего и воеводы князя Петра Ивановича, размѣнное наше дѣло ноября въ 2 день вершилось радостно, учинилъ Богъ такъ, какъ годно ему Господеви и великому государю въ годность. И въ радостной, государь, службѣ отца твоего государя моего, многолѣтствуй на вѣки. А мы, государь, ѣдемъ къ Курску радостно. А что ты, государь мой, писалъ къ отцу своему, государю моему, о своей охотѣ и про многія свои ловли

полевыя и про дородство Азѣя и про рѣзвость Смаги [1], и въ томъ, государь, на насъ гнѣву не положи, что о тѣхъ статьяхъ съ крымскими мурзами не поговорили, истинно, за великими за недосугами. По семъ и впредь, государь мой, радостно тѣшься и батюшка своего ожидай радостно. Кирилко Хлоповъ челомъ бьетъ" [2].

Письмо это написано въ 1682 году, въ предверіи смуты; но пока молодой князь Андрей беззаботно тѣшился въ поляхъ, уже созрѣвали событія, подготовлявшіе довольно неожиданное появленіе князей Хованскихъ на вершинѣ государственныхъ событій и столь рѣшительное участіе ихъ въ водоворотѣ тревожныхъ волненій, обрушившихся на Русь вслѣдъ за кончиной смиреннаго царя Ѳеодора.

Вернемся теперь къ князю Ивану Андреевичу Тарарую. Въ 1667 году онъ былъ назначенъ вновь управлять Ямскимъ приказомъ и пробылъ въ этой должности до слѣдующаго 1668 года, а въ 1670 году былъ назначенъ полковымъ воеводой въ Смоленскъ; въ 1672 году онъ снова въ Новгородѣ. Въ 1678 году во время войны съ турками онъ былъ посланъ съ Новгородскимъ полкомъ на югъ и стоялъ въ Рыльскѣ и затѣмъ въ Карповѣ до 1679 года. Въ 1686 сдалъ Новгородъ боярину Вас. Сем. Волынскому. Царь Ѳедоръ Алексѣевичъ до своей кончины пожаловалъ его „въ комнату". Когда же царя не стало, произошли извѣстныя событія, во главѣ которыхъ очутился именно онъ, князь И. А. Хованской. Царь скончался 27 апрѣля, оставивъ вдову царицу Марфу Матвѣевну Апраксиныхъ, всего 15 лѣтъ и братьевъ, Іоанна 16-ти и Петра 10-ти лѣтъ. Всѣ условія для дворцовыхъ распрей были на лицо...

Участіе князя Ивана Андреевича Хованскаго въ вспыхнувшей смутѣ привлекло вниманіе многихъ русскихъ историковъ, но до сихъ поръ вопросъ этотъ не достаточно разобранъ, ибо онъ очень сложный и источники разнорѣчивы. По однимъ извѣстіямъ выходитъ, что князь И. А. Хованской дѣйствительно подбивалъ стрѣльцовъ къ бунту, надѣясь получить всю власть въ свои руки, такъ говоритъ напримѣръ приверженецъ Софьи, Сильвестръ Медвѣдевъ, по другимъ источникамъ онъ былъ далеко не столь виновенъ. Во всякомъ случаѣ, правдивое изложеніе всей его исторіи еще ждетъ своего изслѣдователя.

Князь Иванъ Андреевичъ, равно и сынъ его Андрей, сторонники царевны Софьи. Они дѣйствуютъ за одно съ бояриномъ Ив. Мих. Милославскимъ и княземъ Вас. Вас. Голицынымъ противъ

---

[1] Въ указателѣ тома X „Старины и Новизны" ошибочно сказано, что Азѣй и Смага сокола, но это конечно борзыя.

[2] Стр. 425—426.

Нарышкиныхъ. Князь Иванъ Андреевичъ ярый противникъ новшествъ и поклонникъ старины и въ движеніи, имѣвшемъ сильнѣйшую раскольничью подпочву, долженъ принять горячее участіе. Графъ Андрей Арт. Матвѣевъ говоритъ даже, что князь Иванъ Андреевичъ „содержалъ тайно у себя“ протопопа Аввакума. Ѳеофанъ же Прокоповичъ утверждалъ, что Хованской даже и самъ былъ раскольникомъ и тайнымъ послѣдователемъ Аввакумовой и Никитиной ереси. [1] Нѣкоторые источники передаютъ, что князь Иванъ Андреевичъ принималъ у себя на боярскомъ дворѣ раскольничью депутацію и согласился на требованія ея созвать извѣстный соборъ въ кремлѣ для пренія о вѣрѣ, имѣвшій несомнѣнно мятежническій характеръ и направленный къ посрамленію православной вѣры и умаленію авторитета власти; что онъ содѣйствовалъ такому его направленію.

Сохранилось опредѣленное извѣстіе, что среди нарочно прибывшихъ въ Москву для участія въ этой „прѣ“ пришли раскольники изъ Волоколамскаго уѣзда. Извѣстны даже имена ихъ: въ пятницу 23 іюня прибылъ монахъ Савватій, въ воскресенье еще двое Дорофей и Гавріилъ, также изъ Волоколамскихъ пустынь, при чемъ Савватій несъ икону Страшнаго суда. [2] Любопытно, что они прибыли именно изъ Волоколамскаго уѣзда; этотъ именно уѣздъ служилъ тогда однимъ изъ гнѣздъ раскола; весьма замѣчательно также, что въ немъ же находились давнія вотчины князей Хованскихъ; было тамъ село Ховань, нынѣ деревня, съ церковью Пророка Ильи, которое въ 1626 году считалось дворцовымъ. [3] Были ли здѣсь владѣнія князя Ивана Андревича, указаній не встрѣтилось, но въ 1689 году у князя Петра Ивановича они были; именно встрѣчается упоминаніе о его пустошѣ Поддубье. Указаны владѣнія въ томъ же году и у княжны Аксиньи Ивановны Хованской, а именно сельцо Каптязино и пустошь Короткая [4]; владѣнія эти указаны въ актахъ, какъ смежныя съ

---

[1] С. М. Соловьевъ и другіе историки, говоря о Тараруѣ, всегда ссылаются на житіе протопопа Аввакума, который въ одномъ мѣстѣ говоритъ: „князь Ивана миленькаго Хованского ботожьемъ били, какъ Исаію сожгли“; но врядъ ли князь Иванъ Андреевичъ былъ битъ ботожьемъ. Не ошибка ли это въ чтеніи житія Аввакума и не правильнѣе прочитать „маленькаго“, а не „миленькаго“? Былъ князь Петръ маленькой Ивановичъ Хованской, который такъ писался въ Дворцовыхъ разрядахъ. Изъ двухъ Ивановъ Ивановичей одинъ также могъ называться „маленькій“.

[2] Соловьевъ, т. 3, стр. 910.

[3] Холмогоровъ.

[4] Опись документовъ и бумагъ моск. А. М. Ю. кн. 2, стр. 29.

церковной землею двухъ церквей Хованскаго стана, церкви Рождества Христова и Николая Чудотворца, но безъ сомнѣнія это не всѣ владѣнія Хованскихъ, а лишь пограничныя съ церковной землей. Князь Петръ Ивановичъ и княжна Аксинья Ивановна братъ и сестра, а потому безъ большой натяжки можно предположить, что владѣнія эти перешли къ нимъ отъ отца ихъ, князя Ивана, который слѣдовательно владѣлъ Волоколамскими вотчинами, а потому могъ лично содѣйствовать прибытію волоколамскихъ раскольниковъ въ Москву изъ сосѣднихъ, и весьма вѣроятно, близко ему извѣстныхъ мѣстъ. Что мѣста эти дѣйствительно были раскольничьими, видно и изъ позднѣйшихъ данныхъ: черезъ пятьдесятъ лѣтъ, именно тамъ, въ глухой чащѣ Волоколамскихъ лѣсовъ, былъ открытъ раскольничій скитъ, о чемъ возбуждено было цѣлое дѣло, названія Хованскій лѣсъ, село Бѣлая Колпь, деревня Муриково, Куниловскій лѣсъ, наполняютъ листы слѣдственнаго дѣла, изъ котораго между прочимъ видно, что Хованъ, въ то время принадлежала Никитѣ Федоровичу Соковникову, а Соковнины извѣстны, какъ приверженцы старой вѣры; [1] были найдены сношенія и съ сосѣдними уѣздами, Ржевскимъ и Старицкимъ, въ послѣднемъ съ раскольниками сельца Долгія Нивы, нашлись связи и съ далекой Вѣткой [2]. Все это позволяетъ предполагать объ участіи въ дѣлѣ самаго князя И. А. Хованскаго. Поведеніе его во все время переговоровъ съ раскольниками не ясно. Былъ ли онъ посредникомъ между сторонами, или же подстрекателемъ? Какъ понимать его слова: „когда меня не станетъ, въ Москвѣ будутъ ходить по колѣно въ крови“. Желалъ ли онъ дѣйствительно предотвратить событія, или запугивалъ съ цѣлью ихъ вызвать? Все это вопросы не достаточно разъясненные. Вотъ нѣсколько выписокъ изъ современныхъ свидѣтельствъ.

Въ старинномъ сочиненіи „Описаніе бунта, бывшаго въ 1682 году“ сказано: „содержалъ же онъ старой князь Хованской тайно о себѣ капистонскаго еретическаго раскола старыхъ раскольниковъ Аввакума бывшаго протопопа Казанскаго собора... Богородицы, что въ Китаѣ городѣ, въ Москвѣ“. Однако въ проповѣди патріарха Іоакима, произнесенной 5 іюля, патріархъ не упомянулъ вовсе о Хованскомъ; онъ сказалъ: „Богоотступницы... Никита..,

---

[1] Отъ Соковнинныхъ, черезъ графиню Софью Прокофьевну Бобринскую, ур. Соковнину, къ графу А. А. Бобринскому перешло село Обухово, Волоколамскаго уѣзда. Хованъ отъ Обухова въ пяти верстахъ, тутъ же рѣчка Хованка; мѣста лѣсистыя, глухія.

[2] Есиповъ, Раскольничьи дѣла XVIII столѣтія, т. I, 237.

суждалецъ отъ Іерейскаго чина... изверженный, да сообщницы же его... чернцы... Сергій Нижегородецъ и Савватій ростригa боярскій холопъ и другій Совватій Костромитинъ и Дорофей и Гавріилъ поселяня и иные... начаша всѣхъ насъ... нарицати .. еретиками.., церкви... простыми храминами и конскими стоялищи. И тайны вся святыя... не тайны быти вмѣняху, но имъ ругахуся. Къ церкви ходити и иконамъ... въ церквахъ стоящимъ и четвероконечному кресту... кланятися... и отъ Архіереевъ и Іереевъ благословенія пріимши весьма возбраняху.., иконъ новописанныхъ не почитали... и четвериконечный крестъ... печатію Антихристовою назваша". [2] Итакъ патріархъ ни слова не говоритъ о Хованскомъ. Медвѣдевъ же, говоря о „стрѣлецкой дерзости" и о томъ, что „раскольники нарицаемые капитоны начаша на... Церковь ратовати"..., опредѣленно указываетъ, что „помогаша же... тѣмъ... князь Иванъ Хованской". [3].

Опредѣленно указывая на Хованскаго позднѣйшая, изданная въ 1798 году, „Подробная лѣтопись", говоритъ: „много же бысть сихъ раскольниковъ и въ стрѣлецкихъ полкахъ; тогда Хованской... нача съ таковыми же совѣтовать, како бы имъ свою вѣру утвердить, а сію искоренить, противныхъ... вѣрѣ всѣхъ побить... и брата [избраша] окоянніи... себѣ предводителя онаго князя Ивана Хованскаго, да Никиту Распопу прозваніемъ, а дѣлы пустосвята и иныхъ чернцовъ, бродягъ и пьяницъ; подговоря въ свой совѣтъ многъ народъ". Далѣе лѣтопись повѣствуетъ, что Пустосвятъ „на площади и по стогнамъ града нача проповѣдывать свою вѣру", и „едва не весь народъ соблазниша"; что раскольники написали челобитную и Хованской „повелѣ имъ собратися, обѣщая быти прѣнію о вѣрѣ съ Патріархомъ и со Архіереи соборнѣ въ Грановитой палатѣ"; что „іюля въ 3 день... князь Иванъ Хованской къ... Патріарху въ крестовую палату со многими раскольники... пришедъ..., Патріарху сказалъ, что указали Государи ему Патріарху... на лобномъ мѣстѣ или передъ соборною Церковью на площади... со оными Церковными отступники о вѣрѣ

---

[1] Повѣтствованіе о Россіи, Арцыбышева т. III, стр. 206.

[2] Древній лѣтописецъ, СПБ. 1774. „Слово благодарственное Патріарха Іоакима іюля въ 5 день". Съ этимъ словомъ не сходятся и другія источники: „Подробная лѣтопись отъ начала Россіи до Полтавской баталіи СПБ. 1798 года" и рукопись: „О зачатіи и рожденіи ИМПЕРАТОРА Петра I", вошедшая въ сочиненіе Туманскаго: „Собраніе разныхъ записокъ и сочиненій... о жизни и дѣяніи ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА Петра Великаго, изданное трудами и иждивеніемъ Ѳедора Туманскаго въ 10 частяхъ. СПБ. 1787-1788".

[3] Сильверстъ Медвѣдевъ, стр. 135.

разговаривать“,.. что „потомъ пришедъше съ ними... въ крестовой начаша шумѣти и говорити о... церкви и о Патріархѣ и о всемъ священномъ чинѣ словеса нелѣпая“; что наконецъ „Патріархъ... Хованскому отвѣща, яко тому... безъ Царскаго прибытія быти не возможно“. [1].

Другой современникъ Савва Романовъ, совершенно иначе передаетъ событія и свидѣтельствуетъ, что Хованскій передъ соборомъ, принимая о. Сергія, высказалъ: „Азъ и самъ грѣшный вельми желаю, чтобъ по старому было во святыхъ церквахъ единогласно и немятежно. Аще, рече, и грѣшенъ, но неизмѣнно держу старое благочестіе, и чту по старымъ святымъ книгамъ, и воображаю себѣ на лицѣ своемъ крестное знаменіе двѣмя персты“. И нача чести символъ православныя вѣры: „И въ Духа Святаго Господа истиннаго и животворящаго“. И рече: Тако вѣрую, тако проповѣдую и молю въ Троицѣ славимаго Бога о семъ, дабы умилосердился о народѣ христіанскомъ и не далъ бы въ конецъ погибнути душамъ христіанскимъ отъ нынѣшнія новыя Никоновы нѣкія вѣры... И многое изрекъ отъ божественныхъ писаній“ [2].

Обвиняли князя Ив. Андр. Хованскаго и въ насильственной женитьбѣ на одной вдовѣ. Такъ „Описаніе бунта“ говоритъ, что „въ тужъ пору старой князь Хованской и за жестокими угрозами, по убіеніи думнаго дьяка Ларіона Иванова въ самомъ краткомъ времени принудилъ жену его вдову, за себя замужъ итти“. О томъ же, но еще опредѣленнѣе, говорится и въ „Повѣствованіи“, изданномъ Чьямпи, именно, что онъ взялъ себѣ въ супруги жену недавно имъ убитаго дьяка Ларіона Иванова [Laricuii Cancellarii] и обвѣнчался съ ней тайно безъ ея согласія; что „онъ навлекъ на себя подозрѣніе въ томъ, что, женившись на женѣ мятежника противъ Государя, самъ хочетъ передаться на ту сторону“, то есть, по мнѣнію Арцыбашева [3] отъ царевны Софіи къ царевнѣ Наталіи, или отъ Милославскихъ къ Нарышкинымъ. Итакъ въ „Повѣствованіи“ прямо указывается, что дьякъ Ларіонъ Ивановъ былъ убитъ именно княземъ И. А. Хованскимъ.

Наконецъ Медвѣдевъ обвиняетъ князя Хованскаго въ стремленіи покончить съ династіей и самому сѣсть на престолъ и говоритъ: „стрѣльцы же... гнѣвомъ... подвигошася и совѣщашася съ нимъ, князь Иваномъ, ихъ Царское Величество, всѣхъ на домѣ

---

[1] Подробная лѣтопись отъ начала Россіи до Полтавской баталіи. СПБ. 1798, IV, с. 90, 100.

[2] Погодинъ, Семнадцать первыхъ лѣтъ И. Петра В.

[3] Арцыбышевъ Т. III. Кн. VI. стр.—206.

ихъ Царскомъ и всѣхъ бояръ и ближнихъ людей побити безъ остатку". И далѣе: „егда бываетъ августа... въ 19 день... хожденіе со кресты въ монастырь... Донской, и тогда Царскому Величеству и... Патріарху шестью бываетъ... и тогда бы самодержцевъ... предати смерти и въ ихъ мѣсто иного Царя избрати, или князь Ивана Хованскаго... на Царство посадити.., иже о себѣ хвастуя имъ глагола, яко онъ есть Королевскаго рода". Далѣе Медвѣдевъ говоритъ: „увѣдавше о семъ... Государи за кресты не пошли, но въ монастырь пріидоша, егда уже множество парода за кресты пріиде... и оттолѣ... князь Иванъ... искалъ подобнаго времени, како бы ему въ Россійскомъ Государствѣ сотворити... смущеніе... и быти... самодержцемъ". [1] Не забудемъ, что Медвѣдевъ сторонникъ Царевны Софьи.

О томъ, что князь Ив. Андр. Хованской отличался высокоумiемъ и кичился знатностью своею происхожденія, мы уже видѣли, но врядъ ли онъ мечталъ сѣсть на царскій престолъ. „Подробная лѣтопись" говоритъ, что Милославскій, прибывъ въ Москву, тайно доносилъ Царевнѣ Софіи Алексѣевнѣ, „будто Андрей Хованской публично говорилъ о своей высокой природѣ и фамиліи, и что они старые короли Литовскіе" [2] и „похвалялся царевну Софію Алексѣевну за себя взять и по той наслѣдственной линіи быть царемъ Московскимъ", что „Царевна... въ истину сіе вмѣнила и на Хованскихъ была въ великой злобѣ, но, на сердцѣ своемъ скрывала, до удобнаго времени и удобныя всѣ къ будущему изслѣдованію точнаго намѣренія своего, надъ ними князьями Хованскими, принимала мѣры" [3].

Какимъ образомъ могъ мечтать женатый князь Андрей Ив. Хованской „взять за себя" царевну Софью, шедшую рука объ руку къ опредѣленной цѣли съ княземъ Вас. Вас. Голицынымъ? Можно конечно допустить, что жена его въ то время умерла и что онъ сдѣлался соперникомъ Голицыну, но въ другихъ сочиненіяхъ, напримѣръ: „О зачатіи и рожденіи Петра Великаго", въ запискахъ Матвѣева и въ „Описаніи бунта" вмѣсто царевны Софьи сказано „Екатерину Алексѣевну". Родословіе Хованскихъ давало имъ право мнить себя преемниками на царскій престолъ. Еще при царѣ Ѳедорѣ 2 марта 1682 года князь Иванъ Андреевичъ вѣроятно вмѣстѣ съ братомъ своимъ княземъ Семеномъ Хованскимъ [4] подалъ подроб-

---

[1] Сильверстъ Медвѣдевъ, стр. 115-117.

[2] У Матвѣева сказано: „изъ фамиліи старыхъ королей Литовскихъ Ягелла и Ариманта и Корибута" стр. 88.

[3] Подробная лѣтопись, IV, стр. 106.

[4] Былъ въ то время еще и бояринъ князь Сем. Григорьевичъ Хованской. Не онъ ли?

ную родословную съ выведеніемъ своего рода отъ князя Владиміра Святаго, но думали ли Хованскіе на самомъ дѣлѣ, что со смертью царя Ѳедора, Романовымъ наступалъ конецъ? Шли ли они въ самомъ дѣлѣ къ этой же цѣли, къ которой видимо шелъ князь Вас. Вас. Голицынъ?

Вотъ подлинный разсказъ о событіяхъ 15 — 19 мая, о стрѣлецкомъ возмущеніи въ Москвѣ, взятый изъ Разрядныхъ Записокъ:

„Лѣта 7190, маія въ 15 день, была на Москвѣ смута. Приходили въ Кремль солдаты Матвѣева полка Кравкова, да стрѣльцы всѣхъ приказовъ съ копьи и съ бердыши и съ ружьемъ, а пушкари съ пушки: и вшедъ въ Кремль, стрѣляли изъ ружья и побили боярскихъ людей многихъ, а иныхъ переранили.

И пришедъ къ Красному крыльцу, стали во всемъ своемъ ополченіи.

И по указу великаго государя, выходилъ къ нимъ бояринъ князь Иванъ Андрѣевичъ Хованской и спрашивалъ ихъ: для чего вашъ такой приходъ? И они боярину всѣ говорили: будто измѣняютъ великому государю бояре и чтобъ государя царевича и великаго князя Іоанна Алексѣевича оказали.

И бояринъ тѣ ихъ рѣчи великому государю извѣщалъ. И великій государь и государыня царица и государь царевичъ и святѣйшій патріархъ выходили къ нимъ на Красное крыльцо, а къ нимъ внизъ посылали уговаривать бояръ: князь Михайла Алегуковича Черкасскаго, князь Ивана Андреевича Хованскаго, Петра Васильевича Шереметева большаго, князь Василья Васильевича Голицына. И они били челомъ великому государю и боярамъ извѣщали, чтобъ великій государь имъ указалъ выдать бояръ: князь Юрья Алексѣевича Долгоруково, князь Григорья Григорьевича Ромадоновскаго, князь Михайла Юрьевича Долгоруково, Кирила Полуехтовича Нарышкина, Артемона Сергѣевича Матвѣева, Ивана Максимовича Языкова, да боярина и оружейничаго Ивана Кириловича Нарышкина, постельничаго Алексѣя Тимофеевича Лихачева, чашника Семена Ивановича Языкова; думныхъ дьяковъ: Ларіона Иванова, Данила Полянскаго, Григорья Богданова, Аверкея Кирилова; спальниковъ: Афанасья, Льва, Мартемьяна, Ѳедора, Василья, Петра Нарышкиныхъ.

И великій государь указалъ имъ сказать, что ихъ у него великаго государя никого нѣтъ въ верху. И они пошли всѣ въ верхъ съ ружьемъ въ его великаго государя хоромы и къ государынѣ царицѣ и къ государю царевичю и къ государынямъ царевнамъ, и искали въ хоромѣхъ и вездѣ; и взявъ бояръ: Артемона Сергѣевича Мотвѣева, кинули его съ Краснаго крыльца на

копьи; а князь Григорія Григорьевича Ромодановскаго взявъ у патріарха, убили жъ; а князь Михайла Юрьевича Долгоруково съ верху жъ кинули на копья, а Ивана Максимовича Языкова изловя на Никицкой и приведши къ Архангелу, изрубили жъ; а князь Юрья Алексѣевича Долгоруково, на его дворѣ, кинувъ съ крыльца больнаго, четверовали и положили на цлощади противъ его двора, а Ларіона Иванова и сына его Василья и полковника Андрея Дохтурова и Григорья Горюшкина изрубили жъ; а Офанасья Нарышкина сыскавъ у Спаса въ верху въ церкви, что у государыни царицы, подъ престоломъ, бивъ, кинули на копьи жъ, и тѣла ихъ всѣхъ снесли въ Спасскія ворота на Красную площадь къ Лобному мѣсту и тамъ надъ ними наругались же, и сшедъ съ верху, Судной и Холопей приказы разорили, вынесши всякіе письма изодрали“ [1].

На другой же день состоялись назначенія по приказамъ: въ посольскій князь В. В. Голицынъ, въ стрѣлецкій князь И. А. Хованской, иноземный, рейтарскій и пушкарскій Ив. М. Милославскій, помѣстный князь И. Б. Троекуровъ, судный князь А. И. Хованской, земской М. Я. Головинъ, сыскной В. С. Волынскій, въ ямской И. Ѳ. Бутурлинъ Сухорукой.

Безъ сомнѣнія князь Иванъ Андреевичъ и сынъ его князь Андрей Ивановичъ получили въ то время въ дѣлахъ огромное значеніе. Стрѣльцы въ то время составляли главную силу и ихъ было до 30000; среди нихъ было очень много богатыхъ торговцевъ. Завѣдываніе суднымъ приказомъ усиливало значеніе и понятны поэтому слова Агафьи Григорьевны Кровковой въ письмѣ отъ 10 іюня 1682 года къ княгинѣ Прасковьѣ Андреевнѣ Хованской съ просьбой заступиться за мужа передъ княземъ Иваномъ Андреевичемъ и Андреемъ Ивановичемъ; она пишетъ: „а дѣло все у нихъ въ ихъ волю, што они изволятъ, то и творятъ“.

Обращаясь къ дальнѣйшимъ свидѣтельствамъ объ участіи Тараруя въ стрѣлецкомъ бунтѣ, встрѣчаемся съ дневникомъ на польскомъ языкѣ, озаглавленномъ: „Diarius zaboistwa tyranskiego rocu 1682“, авторъ котораго передаетъ тогдашнее мнѣніе, что смуту первымъ началъ князь Хованской, вызвавъ стрѣльцовъ слѣдующими словами: „вы сами видите въ какомъ вы у бояръ тяжкомъ ярмѣ, а между тѣмъ вы избрали царемъ стрѣлецкаго сына по матери; но главное зло, что отдадутъ и васъ и насъ въ неволю чужеземному врагу, Москву сгубятъ и вѣру православную искоренятъ“. Хованской, по словамъ этого дневника,

[1] Доп. къ А. И. т. X. стр. 23—24.

кончилъ такъ: „Nie tylkó szablami nozami boroniti treba ale zubami kusatisia ili Hosbod Boch sil dast vserdno radet i zelat nadabno“. Тотъ же дневникъ бросаетъ страшное обвиненіе князю Ивану Андреевичу, говоря, что онъ даже давалъ понять стрѣльцамъ, чтобы они раздѣлались съ бояриномъ Арт. Серг. Матвѣевымъ, только что вернувшимся въ Москву изъ ссылки; это было въ вышеписанный первый день учинившейся на Москвѣ смуты, 15 мая, день убіенія царевича Димитрія, избранный для начала мятежа, когда стрѣльцы кинулись въ Кремль. Когда же Царица вышла съ обоими сыновьями на красное крыльцо и бояре сошли внизъ уговаривать стрѣльцовъ, то князь Иванъ Андреевичъ Хованской, стоя позади Матвѣева, будто бы мигнулъ въ эту минуту стрѣльцамъ, дѣлая знакъ, чтобы они схватили Матвѣева; стрѣльцы это поняли и двинулись, но Матвѣевъ успѣлъ отъ нихъ уйти; въ дневникѣ сказано:... „w tyle stoiąc, gdy Artemon do nich mowił, mrugnął na nich“ и тогда стрѣльцы „to zrosumiawszy“, хотѣли его „zarac porwac“. Другой иностранецъ, вышеупомянутый Розенбушъ, говоритъ, что на другой же день 16 мая Хованской спрашивалъ стрѣльцовъ, „выгнать ли изъ дворца царицу Наталью Кирилловну“ и что стрѣльцы въ отвѣтъ кричали: „Любо! любо!“.

Послѣ усмиренія бунта стрѣльцы были переименованы въ надворную пѣхоту, начальствованія надъ которой было поручено князю Ивану Андреевичу Хованскому, хотя Матвѣевъ говоритъ что указа о назначеніи его не было. Не смотря на множество совершенныхъ ими убійствъ, стрѣльцы требовали, чтобы возмутительныя звѣрства ихъ были вмѣнены имъ въ заслугу и чтобы на Красной площади былъ воздвигнутъ столбъ съ именами убитыхъ. Правительство позорно сдалось и безпрекословно исполнило то, чего дерзко требовали мятежники, дословно приводя ихъ же слова въ выданной имъ оправдательной грамотѣ. Ясно, что значеніе мятежниковъ отъ этого только возрастало.

Офиціальныя записки того времени указываютъ на значеніе Хованскаго. Во время вѣнчанія государей 24 іюня онъ былъ въ числѣ тѣхъ девяти бояръ, которые занимали первыя мѣста, какъ это видно изъ слѣдующей разрядной записки: „а какъ вѣнчали великихъ государей, и на чертожномъ мѣстѣ стояли бояре князь Никита Ивановичъ, князь Яковъ Никитичъ Одоевскіе, князь Василій Васильевичъ Голицынъ, Князь Иванъ да князь Семенъ Андреевичъ Хованскіе, Петръ Васильевичъ Шереметевъ, князь Петръ Ивановичъ Прозоровской, Родіонъ Матвѣевичъ Стрешневъ, окольничей Борисъ Гавріиловичъ Юшковъ“. Чертожное мѣсто въ

соборѣ, это „на чемъ вѣнчаться великимъ государямъ... межъ столбовъ о 12 ступеняхъ“ [1].

Сторонникъ царевны Софіи, Сильверстъ Медвѣдевъ, въ своемъ „Созерцаніи краткомъ“, говоритъ, что князь Иванъ Андреевичъ въ августѣ говорилъ стрѣльцамъ: „Дѣти! вѣдайте о семъ, что уже и мнѣ вамъ доброхотящему бояре грозятъ и мнѣ за то, что хочу вамъ добра: мнѣ стало дѣлать нечего, какъ хотите, тако промышляйте себѣ“. Но у того же Медвѣдева приведены совершенныя иныя слова Хованскаго обращенныя къ боярамъ: „вамъ буди извѣстно, что при нихъ и намъ быти всѣмъ побитымъ, такъ же какъ и недавними часы нашу братью побили, и домы наши разграбятъ“.

О силѣ его Медвѣдевъ говоритъ, что въ Москвѣ „все управлялъ бояринъ князь Хованской, а около его кареты ходили стрѣльцы человѣкъ по пятидесятъ и больше съ ружьемъ, чего ни у кого не бывало и караулъ у себя учинилъ на дворѣ, стрѣльцовъ стояти непрестанно человѣкъ по сту“.

Есть еще одинъ иностранный источникъ, именно повѣствованіе, посланное къ архіепископу Франциску, неизвѣстный авторъ котораго говоритъ: „Хованской избранъ главою бунтовщиковъ. Онъ ходитъ окруженный ими, отовсюду охраняемый многочисленною вооруженною стражею: они называютъ его отцемъ, а онъ называетъ ихъ дѣтьми“ [2].

Есть свидѣтельства иначе объясняющія событія. Графъ Андр. Арт. Матвѣевъ въ своихъ запискахъ выставляетъ главнымъ устроителемъ стрѣлецкаго бунта не Хованскаго, а боярина Ивана Михайловича Милославскаго; онъ говоритъ такъ: „ковъ былъ сложенъ изъ природной политики боярина Милославскаго“. По мнѣнію Матвѣева, бояринъ Милославскій, обладая „прозорливыми очами“ есть „перводѣйствительный сочинитель всего стрѣлецкаго воровства“. Хованскіе же были лишь его орудіемъ „подобно мудраго изъ старыхъ философа Езопа притчѣ“, когда обезьяна доставала изъ огня каштаны изъ лапъ пойманной кошки, „такъ точно

---

[1] Доп. къ А. И. т. X стр. 39.

[2] Повѣствованіе о Московскихъ происшествіяхъ по кончинѣ Царя Алексѣя Михайловича, посланное изъ Москвы къ Архіепископу Коринѳскому Франциску Мартели, найденное и изданное Севастьяномъ Чьямпи—Norratio rerum quae posobitum Alexii Mikalowicz Russorum Imperatoris etc. gestae sunt. Mosquae XI. Cal. octob an. MDCLXXXII missa ex urbe Mosqua ad Archiepiscopum Corinthi Franciscum Martelli. Въ журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія 1853 ч. V, сообщилъ Погодинъ.

господинъ Милославскій безразсудныхъ Хованскихъ, равно какъ обезьяна въ свои лукавыя руки яко кошекъ помкнулъ". Матвѣевъ упоминаетъ о ссорѣ, которая произошла у Милославскаго съ Хованскими; говоритъ, что стрѣльцы хотѣли даже убить Милославскаго и что поэтому онъ разъѣзжалъ по своимъ вотчинамъ „всячески укрывался какъ бы поземный кротъ и паче мѣры тайно вкапывался внутрь земли" [1]. Матвѣевъ передаетъ мнѣніе современниковъ о боязни Милославскаго, какъ бы его тайные планы не были обнаружены и говоритъ: „намѣреніе его Милославскаго было по прямой догадкѣ старожилыхъ людей тогда политиковъ Московскихъ..., чтобы прежнее скрытое, сочиненное отъ него боярина Милославскаго со временемъ чрезъ ихъ князей Хованскихъ явно не открылося" [2]. Таково мнѣніе московскихъ старожиловъ, которыхъ еще захватилъ Матвѣевъ. Припомнимъ и слова Петра, называвшаго стрѣлецкіе бунты „семенемъ Милославскихъ".

Отношенія Хованскаго къ царевнѣ Софьѣ почему то совсѣмъ испортились. Что именно произошло, нѣтъ опредѣленныхъ извѣстій, но только 30 августа государи и царевна Софья вдругъ удалились въ Коломенское. Матвѣевъ говоритъ, что князь Хованской по этому случаю „впалъ въ великое размышленіе". Очевидно его поразило это неожиданное обстоятельство, хотя походу и придали видъ обычнаго богомолья. Между тѣмъ, когда государи были въ Коломенскомъ у переднихъ дворцовыхъ воротъ объявилось подметное письмо, въ которомъ было написано, что Хованской съ сыномъ умыслили на Великихъ государей, на Патріарха и на бояръ убійство и хотятъ сами овладѣть царствомъ Московскимъ. Письмо это весьма любопытно, хотя нѣтъ точныхъ данныхъ для опредѣленія того, соотвѣтствовало ли истинѣ то, что было въ немъ изложено. Неизвѣстные составители письма, одинъ стрѣлецъ и двое посадскихъ, такъ говорили о дѣйствіяхъ князей Хованскихъ: „призывали они насъ къ себѣ въ домъ девяти человѣкъ пехотнаго чина и пяти посадскихъ и говорили, чтобъ помогли имъ доступить Царства Московскаго и что бы мы научали свою братью чтобъ

---

[1] Вотчины боярина Ивана Михайловича Милославскаго въ 1682 году были: Всесвятское на рѣчкѣ Ходынкѣ; въ 1682 году онъ выстроилъ здѣсь каменную церковь во имя всѣхъ святыхъ. [Холмогоровъ, Загородская десятина, стр. 55]. Кунцево, бывшее дѣда его Ильи Даниловича Милославскаго, затѣмъ перешедшее во дворецъ и пожалованное Ивану Михайловичу, затѣмъ отъ него перешедшее къ дочери его Ѳедосьѣ. [Холмогор. стр. 70]. Люберцы [Либерицы], пожалованное ему въ 1676 году; впослѣдствіи принадлежало Феофану Прокоповичу, а затѣмъ Петру III и Екатеринѣ II и упоминаются въ ея запискахъ.

[2] Матвѣевъ, стр. 41.

Вашъ Царскій корень извѣсть... а какъ Государство замутится, и на Московское Царство выбрать Царемъ его князь Ивана“ [2].

Удивляетъ эта поспѣшность, съ которой появилось письмо: только что государи ушли изъ Москвы, какъ уже въ Коломенскомъ появляется прямо извѣтъ объ измѣнѣ Хованскихъ!

Далѣе въ письмѣ говорилось: „и цѣловали намъ на томъ Хованскіе крестъ и мы имъ въ томъ во всемъ, что то злое дѣло дѣлати, намъ вообче крестъ цѣловали жъ; а дали они намъ всѣмъ по двѣсти рублевъ человѣку и обѣщалися предъ образомъ, что естли они того доступятъ, пожаловать насъ въ ближніе люди, и стрѣльцомъ велѣли наговаривать, которые будутъ побиты и тѣ животы и вотчины продавати, а денги отдавать имъ стрѣльцамъ на всѣ приказы... И мы три человѣка, убояся Бога, не хотя на такое дѣло дерзнуть, извѣщаемъ вамъ, Государемъ, чтобы вы... свое здоровье сберегли, а мы холопы ваши нынѣ живемъ въ похоронахъ, а какъ ваше... здравіе сохранится и все Богъ утишитъ, тогда мы... объявимся, а имянами своими написаться не возможно... а примѣты на насъ: у одного на правомъ плечѣ бородавка черная, у другого на правой ногѣ поперегъ берца рубецъ посѣчено, а третьяго объявимъ мы, потому что у него примѣтъ ни какихъ нѣтъ“ [2].

Въ тотъ же день государи покинули Коломенское. Былъ составленъ планъ похода, которому, какъ сказано, придали видъ богомолья. Государи изволили пойти изъ Москвы въ сопровожденіи многочисленной свиты: съ ними было 15 бояръ, 3 кравчихъ, 4 окольничихъ, казначей, 3 постельничихъ, думный дьякъ, укладничій, 42 комнатныхъ стольника, 32 походныхъ стольника, 9 стряпчихъ. Изъ бояръ въ спискѣ на первомъ мѣстѣ князь Вас. Вас. Голицынъ. Это безъ сомнѣнія указываетъ, что онъ стоитъ во главѣ управленія. Не ему ли принадлежитъ и мысль похода? На пятомъ мѣстѣ Ив. Мих. Милославскій. Любопытно, что на четвертомъ мѣстѣ показанъ князь Семенъ Андреевичъ Хованской; слѣдовательно онъ считался человѣкомъ вполнѣ преданнымъ. Думный дьякъ, это извѣстный Ѳед. Леонт. Шакловитый, впослѣдствіи возставшій на Петра.

А на Москвѣ, какъ сказано въ запискѣ о походѣ, оставлены бояре князь Ив. Андр. Хованской и Мих. Льв. Плещеевъ; окольничіе Кир. Осип. Хлоповъ, Ив. Ѳед. Пушкинъ; думные дворяне:

---

[1] Акты экспедиціи IV, стр. 368—369.

[2] Арцыбашевъ, III, 216.

Вас. Мих. Тяпкинъ, Ив. Ив. Сухотинъ, да думной дьякъ Иванъ Савв. Гороховъ.

Изъ Коломенскаго государи пошли въ село Воробьево, гдѣ былъ дворецъ, изъ Воробьева 4 сентября пошли въ село Павловское и 6 сентября пришли въ Саввинъ Сторожевскій монастырь [1]. За тѣмъ пошли обратно черезъ село Павловское [2], гдѣ провели двѣ ночи. Изъ Павловскаго пошли на Хлябово [3]. Изъ Хлябова вышли 13 и пошли на Ярославскую дорогу къ селу Воздвиженскому, куда пришли къ обѣдни 14 сентября, слѣдовательно къ храмовому празднику. Чтобы выманить Хованскихъ къ 17 сентября въ Воздвиженское, гдѣ былъ дворецъ, также нынѣ не существующій, указано было собираться всѣмъ боярамъ, окольничимъ и думнымъ людямъ, которые на Москвѣ и изъ деревень „для своихъ великихъ государевыхъ дѣлъ“. Сборъ этотъ былъ повидимому пріуроченъ яко бы къ пріѣзду сына гетмана Самойловича, который прибылъ 16 сентября. Въ запискѣ о походѣ переименованы всѣ пріѣхавшіе бояре и прочіе люди; бояръ прибыло 20, окольничихъ 16, думный генералъ, думныхъ дворянъ 17, печатникъ, думныхъ дьяковъ 3, въ томъ числѣ остававшійся въ Москвѣ Ив. Савв. Гороховъ. Изъ прибывшихъ бояръ на первомъ мѣстѣ князь Никита Ив. Одоевскій, на второмъ оружейничій Петръ Вас. большой Шереметевъ, на седьмомъ князь Мих. Алегуковичъ Черкасской, на девятомъ Петръ Васильевичъ Меньшой Шереметевъ. Прибылъ и остававшійся на Москвѣ съ Хованскимъ Мих. Льв. Плещеевъ.

---

[1] Въ 1693 году 10 декабря въ Савинѣ была освящена выстроенная Царевной Софьей трапезная церковь, прежде бывшая со сводами, въ память спасенія царей и царевны „когда Хованской со стрѣльцами на жизнь обоихъ государей и ея покушался“. [Аристовъ, моск. смуты прил. XXIV].

[2] Въ селѣ Павловскомъ, Звенигородскаго уѣзда на рѣкѣ Истрѣ, нѣкогда вотчинѣ воспитателя царя Алексѣя Михайловича, боярина Б. И. Морозова, въ нижнемъ этажѣ шатровой колокольни былъ дворецъ, не такъ давно уничтоженный вмѣстѣ съ сломкою колокольни. По словамъ священника, отъ входа шли пятнадцать ступеней, бѣлаго камня, которыя приводили къ площадкѣ. Затѣмъ было еще десять ступеней и опять площадка. Направо отъ нея вели на колокольню пятнадцать ступеней, а прямо была дверь, которая вела въ церковь черезъ три деревянныхъ ступеньки. Дворецъ состоялъ изъ двухъ комнатъ. Одна комната примѣрно аршинъ семи въ квадратѣ. Направо было пять оконъ. Изъ той же комнаты налѣво черезъ три ступеньки проходили въ другую маленькую комнату, гдѣ было два окна, видимыя на сохранившейся фотографіи. Обѣ комнаты дворца были сводчатыя. Всѣ двери деревянныя обиты желѣзомъ. Одна дверь и сейчасъ цѣла. Сохранилась память, что во дворцѣ были старыя, деревянныя стулья и вообще старинная мебель. Колокольня ломалась будто-бы вслѣдствіе ветхости, о чемъ было подано прошеніе, а между тѣмъ ее отдѣляли отъ церкви съ великимъ трудомъ. Существовали ворота, но ихъ также сломали. Нѣкоторыя

На другой день были имянины царевны Софіи. Была обѣдня, а затѣмъ, послѣ водки, у царевны, началось сидѣніе бояръ и прочихъ людей по доложенному дѣлу объ измѣнѣ Хованскихъ, князя Ивана Андреевича и сына его князя Андрея Ивановича. Рѣшеніе вынесено тотчасъ: казнить смертію. Между тѣмъ князь И. А. Хованской, какъ узналъ объ указѣ собираться, тотчасъ поѣхалъ въ Воздвиженское; это рѣшеніе его ѣхать никакъ не вяжется съ намѣреніемъ идти противъ государей, да онъ ничего и не предпринималъ со времени царскаго похода. Тѣмъ не менѣе боярину князю Ив. Мих. Лыкову, поручено было наѣхать его и сына его на пути и, поймавъ обоихъ, привести въ Воздвиженское.

Андр. Арт. Матвѣевъ говоритъ, что князь Лыковъ получилъ вѣсть, что старый князь Хованской пріѣхалъ въ патріарше село Пушкино и стоитъ въ ставкѣ въ крестьянскихъ гумнахъ, отъ дороги большой Троицкой подъ горой; тогда онъ спѣшно напалъ со всѣхъ сторонъ на эту ставку и захватилъ его; сына же съ нимъ не было. „Усмотря же, говоритъ Матвѣевъ, что князя Андрея Хованскаго нѣтъ и развѣдавъ, что онъ не въ дальнемъ разстояніи въ подмосковной своей вотчинѣ на Клязьмѣ рѣкѣ, ѣдучи особо, тамъ остался, тотчасъ къ оной вотчинѣ прибылъ“. Матвѣевъ говоритъ, что „хотя тотъ князь при себѣ у дома своего въ воротахъ имѣлъ не мало число заправленнаго и готоваго ручнаго ружья, якобы уже ко ожидаемой тогда поимкѣ и ко оборонѣ своей, однакоже отъ того прибывшаго многолюдства отовсюду былъ окруженъ и пойманъ и связанъ и были переведены въ Воздвиженское“. Это весьма важное свидѣтельство, указывающее на разницу отношенія къ указу прибыть въ Воздвиженское стараго князя и его сына. Тараруй ѣхалъ прямо, а сынъ ожидалъ, что его схватятъ и оказалъ вооруженное сопротивленіе.

окна церкви передѣланы. Это варварство было совершенно лѣтъ двадцать тому назадъ! Теперь колокольня совершенно новая и стоитъ по другую сторону церкви. Павловскій храмъ пятиглавый, выстроенъ Б. И. Морозовымъ. Подъ средней главой недавно открыты въ барабанѣ узкія окны. Внутри по угламъ видны слѣды фресокъ четырехъ евангелистовъ. Живопись на стѣнахъ современная малярной работы. Священникъ слышалъ отъ стариковъ, что были хоры. Есть нѣсколько древнихъ иконъ, между прочимъ Преображеніе. Въ лѣвомъ предѣлѣ, во имя Св. Пророка Ильи, иконы древняго письма. Сохранилось нѣсколько иконъ, по преданію, изъ уничтоженной церкви близъ лежащаго бывшаго села Ивановскаго, нѣкогда вотчины князей Воротынскихъ. О томъ, что палаты въ сломанной колокольнѣ бывали дворцомъ, было извѣстно и не смотря на это ихъ все же сломали... Въ Павловскомъ и теперь еще помнятъ, что „здѣсь царевна Софья укрывалась ко время стрѣлецкаго бунта“.

[3] Деревня на границѣ Московскаго и Дмитровскаго уѣздовъ по Калязинскому тракту.

Матвѣевъ опредѣленно высказываетъ порицаніе той скорой расправѣ, съ которой раздѣлались съ Хованскими и говоритъ: „съѣхавшись, всѣ бывшіе въ походѣ бояре и палатные люди ко дворцу безъ, всякаго розыска, какъ-бы подлежало, изготовили уже приговоръ и сказку“, что при этомъ Хованскіе „небезотвѣтно съ сильными очистками въ тѣхъ сказанныхъ винахъ себя правили и слезно просили, чтобъ господа бояре выслушали причины о совершенныхъ заводчикахъ съ начала онаго бунта стрѣлецкаго, отъ кого вымышленъ и учиненъ былъ и милостиво Царскимъ Величествамъ донесли, чтобы имъ съ тѣми дать ставки и безвинно ихъ такъ скоро не казнить“, но просьба Хованскихъ услышана не была. Князь Иванъ Андреевичъ при этомъ сказалъ, что если „сынъ его то все чинилъ, какъ въ оной сказкѣ было, за то онъ отецъ его предастъ проклятію“; слѣдовательно, князь Андрей считался болѣе виновнымъ. Быть можетъ очистки Тараруя были бы настолько сильны, что могло родиться сомнѣніе, но здѣсь рѣшающую роль сыгралъ находившійся здѣсь Милославскій: „Слыша то, говоритъ Матвѣевъ, бояринъ Милославскій чрезъ пересылки свои въ комнатѣ Царевны указомъ, чтобъ не взирая отнюдь ни на какія отговорки, тотчасъ казнить ихъ вели“. Причина была ясна: „зная, что онъ бояринъ Милославскій, отъ него князя Хованскаго во первыхъ оговоренъ будетъ“. Такъ была рѣшена судьба Хованскихъ. Можетъ явиться предположеніе, не игралъ ли здѣсь еще болѣе рѣшающую роль князь Василій Васильевичъ Голицынъ и не задумалъ ли онъ самъ того, за что поплатились князья Хованскіе? Припомнимъ князя В. В. Голицына Смутнаго времени, такъ называемаго „столпа“, имѣвшаго сторонниковъ возведенія его на престолъ; припомнимъ позднѣйшія стремленія знаменитаго „верховника“ князя Дм. Мих. Голицына. Не объясняется ли роль Голицыныхъ сознаніемъ своего происхожденія отъ кровей королевскихъ? Врядъ ли однако это такъ. Вѣрнѣе это происки Милославскаго. Таково мнѣніе и Погодина, который изучалъ дѣло Хованскихъ. Погодинъ говоритъ, что Хованскій былъ казненъ потому, что „зналъ планы Софіины“ и что планъ убить Хованскаго дѣло рукъ Милославскаго „мастера своего дѣла“; что одна эта поспѣшность, съ которой раздѣлались съ Хованскими, говоритъ противъ ихъ обвинителей.

Князю Андрею Ивановичу сыну Тараруя, кромѣ общаго обвиненія въ измѣнѣ, были написаны въ вину его „непристойные страшные слова“, но какіе были его слова, не сохранилось извѣстій.

И сыскавъ изъ Стремяннаго полка стрѣльца за неимѣніемъ никого другаго, приказали ему немедленно „тѣхъ князей Хованскихъ вершить, головы ихъ отсѣчь“...

Андр. Арт. Матвѣевъ передаетъ, что когда князю Ивану Андреевичу была отсѣчена голова, сынъ его князь Андрей поцѣловалъ тѣло отца въ спину и вслѣдъ затѣмъ былъ также казненъ.

Офиціальная записка о смутномъ времени говоритъ, что великіе государи погребать ихъ у церкви не указали, но Матвѣевъ говоритъ, что несчастные князья были: „погребены въ Троицкомъ селѣ, Городцѣ называемомъ, недалеко отъ церкви въ ближнемъ разстояніи отъ села Воздвиженскаго [2].

Существующее преданіе также передаетъ, что тѣла ихъ не были похоронены, а затоптаны въ грязь на гати сельца Голыгина, находящагося въ двухъ верстахъ отъ Воздвиженскаго на Московской дорогѣ, при паденіи рѣки Пажи въ Ворю. Еще въ концѣ XVIII столѣтія событіе это такъ врѣзалось въ память мѣстныхъ жителей, что они утверждали, будто въ глухую полночь слышатъ подъ Голыгинской гатью стоны князей Хованскихъ и что по временамъ тѣни казненныхъ выходятъ на гать, умоляя прохожихъ свидѣтельствовать передъ судомъ Божіимъ на приспѣшниковъ царевны Софіи и что при этомъ старый князь Иванъ снимаетъ

---

[1] Село Городокъ на р. Пажѣ существуетъ и по нынѣ; въ немъ есть церковь.

[2] Оффиціальный разсказъ, находящійся въ разрядныхъ запискахъ о смутномъ времени, таковъ: „190, августа въ 20 день, былъ въ походѣ приклеенъ на воротѣхъ листъ въ Коломенскомъ, а въ томъ листѣ было написано, что измѣнники бояре князь Иванъ и князь Андрей Хованскіе промышляютъ надъ великими государи всякое дурно и хотѣли быть на Московскомъ государствѣ: да они жъ хотѣли убить святѣйшаго патріарха Іоакима и восхитить на соборную и апостольскую церковь; да они жъ хотѣли побить бояръ: князь Никиту Ивановича, князь Якова Никитича, боярина и дворецкаго князь Василья Федоровича Одоевскихъ, князь Михайла Алегуковича, князь Михайла Яковлевича Черкаскихъ, князь Василья Васильевича, князь Андрея Ивановича, кравчаго князь Бориса Алексѣевича Голицыныхъ; боярина и оружейничаго Петра Васильевича, Бориса Петровича Шереметевыхъ, Ивана Михайловича Милославскаго и иныхъ многихъ бояръ. И 191 года, сентября въ 9 день, пошли великіе государи въ походъ въ Звенигородъ и оттуды къ Троицѣ. Въ 16 день въ селѣ Воздвиженскомъ измѣна ихъ черезъ переметныя многія письма объявилась и посылана по нихъ великихъ государей грамота. Въ 17 день посланъ, по указу великихъ государей, въ село Пушкино для князь Ивана Хованскаго боярин Михайло Ивановичъ Лыковъ, а съ нимъ стольники и стряпчіе и дворяне Московскіе и жильцы и люди боярскіе, и его князь Ивана изловя подъ Пушкинымъ, а сына его въ деревнѣ противъ Братовщины князь Андрея, привезли къ великимъ государемъ въ село Воздвиженское: и какъ ихъ привезли, и въ то время сидѣли бояре и окольничіе и думные люди всѣ на площади противъ церкви, и челъ ему князь Ивану и сыну его князь Андрѣю наказъ и измѣну его думный діакъ Ѳедоръ Шеклавитовъ. И за ихъ измѣну указали великіе государи казнить смертью и отведши ихъ, головы отсѣкли и погребать ихъ у церкви не указали. И послѣ обѣдни, свѣдавъ

передъ ними свою голову, какъ шапку, и низко кланяется прохожимъ“ [1].

Князь Борисъ Ивановичъ Куракинъ, разсказывая о бунтѣ 1682 года, прямо говоритъ: „Хованскому и сыну его безвинным ъ головы отсѣчены“ [2]. Это очень важное свидѣтельство, почти современника событій, сподвижника Петра.

Трагическая судьба князей Хованскихъ не разъ привлекала вниманіе художниковъ и на эту тему Мод. Петр. Мусорскій написалъ свою оперу „Хованщина“, съ ея хоромъ стрѣльцовъ, поющихъ ладу:

Слава лебедю, слава бѣлому,
Слава боярину самому большому.

Событія въ оперѣ однако совершенно не соотвѣтсвуютъ исторіи: въ оперѣ князя И. А. Хованскаго убиваютъ въ его домѣ, а сынъ его князь Андрей сгораетъ на кострѣ вмѣстѣ съ раскольниками. Судьба Хованскихъ воспѣта Л. А. Кологривовой въ слѣдующей „Легендѣ о князьяхъ Хованскихъ“:

Ночь свѣтла; на ясномъ полѣ неба
Полный мѣсяцъ заливаетъ дали
И струится свѣтомъ серебристымъ
Надъ волнами зрѣющаго хлѣба;

сынъ его князь Иванъ да племянникъ его князы Ѳедоръ, которые жили у нихъ великихъ государей въ комнатѣ, измѣну ихъ, побѣжали изъ похода; и князь Ѳедора изловили, а сынъ его князь Иванъ ушелъ къ Москвѣ, и прибѣжавъ къ Москвѣ часъ ночи, а ихъ казнили до вечера за часъ, и прибѣжавъ онъ князь Иванъ въ полки, сказалъ: будто бояринъ князь Михайло Ивановичъ Лыковъ, собрався съ боярскими людьми, изрубили, безъ указа великихъ государей, отца его и брата, и пришедъ къ Москвѣ, будто, хочетъ рубить надворную пѣхоту всѣхъ. И пушки и пороховую казну всю разобрали во всѣ полки по себѣ, и съ Москвы никого не пропускали, и хотѣли идти къ великимъ государямъ въ походъ и стоять за нихъ измѣнниковъ; да къ нимъ же прислати стремянный да выборный полки. А которые были на Москвѣ бояре и дворяне и всякихъ чиновъ государева двора и... [Доп. к. А. И. Х. стр. 31—32; конца не достаетъ]. Хранится въ Московскомъ Главномъ Архивѣ Министерства Иностранныхъ дѣлъ.

[1] Россія, т. I изданіе 1899 года стр. 258.

[2] Архивъ князя Куракина, т. I, стр. 47.

[3] См. партитуру оперы. Полное содержаніе „Хованщины“, а также весьма сочувственный музыкальный разборъ находится въ только что вышедшей въ Парижѣ книгѣ: M. D. Calvocoressi. Moussorgsky. Les maitres de la Musique, publ. sous la direct. de M. Jean Chantavoine. Paris, Felix Alcan, editeur, 1908. Также см. соч. В. В. Стасова, т. III, с. 799. Стасовъ говоритъ, что мысль написать эту оперу далъ онъ. Князя И. А. Хованскаго онъ называетъ „бояриномъ—самодуромъ древней до Петровской Руси“, также „представителемъ древней, темной, фанатической и дремучей Руси“...!

Между нивъ ведя свои спирали,
Путь змѣится по полямъ росистымъ.
Ѣдетъ путникъ поздно по дорогѣ.
Подъ телѣгой прахъ вздымая дольній.
Вотъ кресты чернѣютъ надъ погостомъ,
Бьется сердце вѣщее въ тревогѣ;
Но села блеснули колокольни
Сквозь туманъ, бѣлѣющій за мостомъ.
Ужъ видны въ сіяньи лунномъ хаты,
Слышно: сторожъ бьетъ доскою ржавой;
Кто же, вдругъ мелькнувъ у придорожья,
Всталъ худой, высокій, бородатый?
Съ нимъ другой поднялся за канавой,
Словно тѣни, съ нами сила Божья!
„Стой“—и конь на мѣстѣ затоптался,
Будто кѣмъ невидимымъ встреноженъ;
Путникъ въ страхѣ шепчетъ причитанья.
„Стой! ты въ пору съ нами повстрѣчался,
Нашъ покой могильный потревоженъ,
Мира нѣтъ душѣ безъ отпѣванья.
„Слушай, былъ стрѣлецкимъ головою
На Москвѣ поставленъ я когда-то;
И служили съ сыномъ мы со славой,
Безъ измѣны, не кривя душою;
Но сгубилъ извѣтъ насъ супостата,—
Милославскій оболгалъ лукавый.
„Звались мы Хованскими князьями;
Понесли мы всуе наказанье;
Насъ казнили волею всесильной,
Надругались гнѣвно надъ тѣлами,
Закопавъ насъ здѣсь безъ отпѣванья,
Безъ креста, безъ насыпи могильной.
„Не робѣй же и въ умѣ сегодня
Помяни молитвою безгласной
Ты рабовъ Ивана и Андрея:
Въ день же страшный, въ день суда Господня,
Будь за насъ предстатель безпристрастный,
Обличи коварнаго злодѣя!“
Смолкнувъ, оба низко поклонились,
Не простымъ—особеннымъ поклономъ,
Шапку снявши вмѣстѣ съ головою...
И, растаявъ словно тѣни, скрылись.

Лишь туманъ у рѣчки подъ уклономъ
Закачался бѣлой пеленою.
Вновь одинъ, подъ лунными лучами,
Путникъ вышелъ изъ оцѣпенѣнья,
Знаменьемъ крестовымъ осѣняясь;
И, ударивъ по коню вожжами,
Онъ отъ мѣста страшнаго видѣнья
Вскачь понесся, быстро удаляясь.

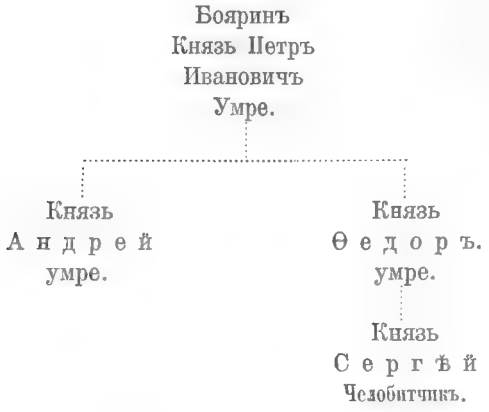
Участь остальныхъ Хованскихъ была такова. Въ селѣ Воздвиженскомъ, въ самый день казни, находились двое молодыхъ Хованскихъ: сынъ князя Ивана Андреевича, князь Иванъ Ивановичъ и его „племянникъ“, внучатый конечно, князь Ѳедоръ, вѣроятно сынъ князя Семена Косаго Григорьевича; по словамъ выписки изъ Разрядныхъ книгъ они „жили у нихъ великихъ государей въ комнатѣ“ и, узнавъ о совершившейся казни, послѣ обѣдни, бѣжали. Князь Ѳедора изловили, а князь Иванъ прибѣжалъ въ Москву въ часъ ночи, казнь же была за часъ до вечера, и поднялъ на ноги стрѣльцовъ, говоря что отца его и брата казнили безъ указа государей. Стрѣльцы взялись за оружіе, разобрали пушки, заняли кремль и заперли всѣ входы и выходы Москвы. Однако они вскорѣ были усмирены, а князь Иванъ выданъ и отправленъ въ Троицу, гдѣ ему прочли смертный приговоръ, положили на плаху но не казнили, а сослали на Лену. Братъ его, князь Петръ Ивановичъ, находился въ это время въ Курскѣ. Сохраняются его отписки оттуда за сентябрь и октябрь. Онъ былъ сосланъ въ Саввинъ Сторожевскій монастырь подъ началъ; тамъ онъ пробылъ не долго и въ томъ же году Зилоту Захаровичу Кишкину былъ данъ наказъ ѣхать въ Саввинъ и отвезть его въ Суздальскую деревню, гдѣ присматривать за нимъ и за его письмами: „и будетъ въ тѣхъ письмахъ къ смятенію и къ какому дурну ничего не будетъ не написано, и тѣ письма велѣть ему посылать, куды ему надобно“; въ обратномъ случаѣ присылать ихъ съ гонцами въ Разрядъ [1].

Сыновья боярина Ивана Никитича, также бояре, князь Петръ и князь Иванъ Ивановичи были лишены боярства и исчезаютъ, ни разу не упоминаясь въ дворцовыхъ разрядахъ за цѣлый рядъ лѣтъ; вѣроятно имъ также велѣно было жить въ своихъ деревняхъ.

---

[1] Арх. М. Ю. Московск. стола № 645 стр. 156—160. Г. Г. Лукьяновъ, въ предисловіи къ перепискѣ, смѣшиваетъ двухъ Петровъ Ивановичей Хованскихъ.

Прослѣдимъ дальнѣйшую судьбу семьи князя Петра Ивановича Хованскаго; въ этомъ отношеніи помогутъ намъ документы рода князей Хованскихъ, сохранившіеся въ архивѣ звенигородскихъ дворянъ Голохвастовыхъ, бывшихъ въ родствѣ съ Хованскими, какъ это объяснено ниже. Въ приведенныхъ выше письмахъ не разъ упоминался сынъ его, князь Андрей, достигшій взрослыхъ лѣтъ и Михаилъ, видимо рано умершій; но у князя Петра Ивановича былъ еще третій сынъ, вовсе въ перепискѣ не упоминающійся, князь Ѳедоръ; надо думать что онъ родился послѣ конфискаціи бумагъ отца, то есть послѣ 1682 года. Въ Голохвастовскомъ архивѣ въ дѣлѣ за 1755 годъ есть слѣдующая родословная выпись:



То же находимъ и въ документахъ архива Московскаго Дворянства, гдѣ князь Андрей Петровичъ называется въ 1723 году, л. г. Семеновскаго полку поручикомъ, а братъ его князь Ѳедоръ Петровичъ въ 1710 году подполковникомъ, а въ 1714 году генералъ-адъютантомъ; князь Андрей ушелъ видимо раньше со службы въ отставку. Изъ одного дѣла, находящагося въ архивѣ Сената за 1714 годъ, узнаемъ нѣкоторыя подробности службы братьевъ, именно, что князь Андрей былъ 1700 году при первой неудачной осадѣ Нарвы; въ сенатскихъ дѣлахъ записана слѣдующая жалоба: „солдатъ Лукьянъ Холоповъ въ 714 году на Котлинѣ островѣ сказалъ за собою Государево слово, а въ допросѣ сказалъ: въ 1713 году доносилъ онъ канцеляріи Сената на князя Ѳедора, да на князя Андрея Хованскихъ, что они людей своихъ отъ разбору также и

---

[1] Архивъ Голохвастовыхъ копія дѣла № 2080, 1755 года. Бумаги эти находятся въ архивѣ Звенигородскаго Уѣзднаго Предводителя Дворянства и переданы наслѣдницею П. Д. Голохвастова.

въ даточные не отдали, а князь Ѳедоръ де Хованскій отдалъ его въ солдаты, а онъ не крѣпостной его человѣкъ, а пришелъ къ нему съ отпускной по смерти князя Петра Ивановича Хованскаго да князь Андрей же де Хованской службы не служитъ съ перваго Ругодевскаго [1] походу и ничего съ себя не платитъ [2].

Слѣдовательно подтверждается, что Ѳедоръ—сынъ Петра Ивановича.

Князь Андрей Петровичъ не разъ упоминался выше; извѣстно о его страсти къ псовой охотѣ. Къ нему, послѣ смерти отца, перешло много разъ упоминавшееся село Филиппово, о чемъ свидѣтельствуютъ документъ отъ 1726 года съ слѣд. упоминаніемъ: „села Филиппова человѣкъ ево Козма Ивановъ сынъ Зубакинъ“. По сказкѣ 1710 года костромская деревня Попово была за княземъ П. И. Хованскимъ и сыномъ его Ѳедоромъ Петровичемъ, другая Лиховидово а Грибово тожъ въ 1719 году за княземъ Андреемъ Петровичемъ [3]. О жизни послѣдняго въ деревнѣ данныхъ не сохранилось, есть только рядъ ссылокъ на купчія, свидѣтельствующія о прикупкахъ имъ земель въ Костромской губерніи, вѣроятно для округленія Филиппова. Напримѣръ въ 1721 году жена стольника Ѳед. Ѳед. Жеребцова, Авдотья Никитишна, продала ему деревню свою Панютино съ хоромнымъ строеніемъ, да пустошь Анцыферову, да жеребей села Никольскаго, что ей дано было послѣ брата ея роднаго Ивана Чирикова, а взяла она 140 рублевъ; въ 1726 году князь Андр. П. Хованской купилъ у драгуна Московскаго драгунскаго шквадрона Пав. Ник. Завороткова жеребей его сельца Панова [4]. Есть извѣстіе и о продажѣ пустошей обоимъ братьямъ вмѣстѣ. Напримѣръ въ 1714 году продалъ имъ четвертной свой жеребей прапорщикъ Аѳ. Андр. Бедаревъ въ деревнѣ Медвѣдевой; въ 1723 году вдова Ульяна Ал. Полозова въ сельцѣ Раменскомъ; въ 1724—вахмистръ Мих. Матв. Баскаковъ въ пустоши Барвицевой, а Ульяна Сем. Ратькова въ пустоши Погорѣлки; есть документы о переходѣ владѣній отъ нѣкоего Обернибѣсова [5].

Князь Ѳедоръ Петровичъ Хованской совершенно пропущенъ въ родословіяхъ князя П. Долгорукова и П. Н. Петрова, но о немъ есть свѣдѣнія. Дворъ его въ Москвѣ былъ въ приходѣ церкви св. Пимена Великаго, что въ Старыхъ Воротникахъ [6]. Женатъ онъ былъ

---

[1] Ругодивъ—старинное названіе Нарвы.

[2] Доклады и приговоры Сената т. V, кн. I, стр. 224.

[3] Арх. Двор. Депут. Соб. Докл. о дворѣ кн. Хованскихъ № 65.

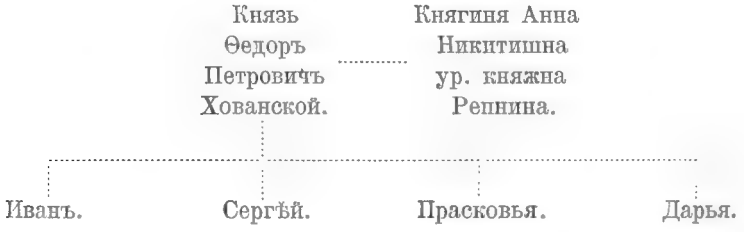
[4] Архивъ Голохвастовыхъ № 13.

[5] Архивъ Моск. Дворян. Депут. Собранія. Доказат. о дворянствѣ князей Хованскихъ 1793. № 65, листъ 25.

[6] Вѣдомость дворовъ 1716 года. Чт. М. О. И. и Др.

на дочери князя Аникиты Репнина, что видно изъ духовнаго завѣщанія князя Репнина, напечатаннаго въ архивѣ князя Воронцова. Перечисляя благословенія всѣхъ своихъ внуковъ и внучекъ, дѣтей князя Ѳедора Петровича и княгини Анны Никитишны, его дочери, князь Репнинъ говоритъ: „зятя своего князя Федора Петровича Хованскаго образъ Алексѣя Митрополита риза золотая литая, окладъ гладкій серебряный, по краямъ окладъ чеканный, а на доскѣ положено прорѣзный окладъ съ финифтью. Жену его, а свою дочь княгиню Анну образъ Смоленскія Богородицы, окладъ серебряный чеканный, риза литая въ кіотѣ деревянномъ на затворѣ святые въ окладѣ. Дѣтей ихъ, а своихъ внучатъ, князя Ивана образъ Тихвинскія Богородицы окладъ серебряный чеканный, убрусъ низаной. Князя Сергѣя образъ Іоанна Предтечи, окладъ серебряной чеканный, вѣнецъ и цата, оплечья окладные же серебряные съ чернью. Княжну Парасковью образъ Живоначальныя Троицы въ окладѣ серебряномъ чеканномъ, вѣнцы обнизаны жемчугомъ, на вѣнцахъ и на цатахъ по шести камней, на всѣ четыре изумруда, восемь искръ лаловыхъ, бирюзъ пять, одной вставки въ вѣнцѣ нѣтъ, верхнія поля сверху обнизаны жемчугомъ. Княжну Дарью образъ Смоленскія Богородицы, окладъ гладкій серебряный.

Отсюда выходятъ слѣдующія доселѣ неизвѣстныя родословныя данныя:



Сынъ князя Ѳедора Петровича, князь Сергѣй Ѳедоровичъ Хованской, наслѣдовалъ послѣ отца своего и дяди князя Андрея Петровича, оставшагося бездѣтнымъ, имѣнія Попово и Лиховидово въ 1726 году; онъ упоминается въ 1731 году премiеръ-маіоромъ С. Петербургскаго пѣхотнаго полка [2] и былъ участникомъ семилѣтней войны. Въ 1755 году имѣніе было за нимъ справлено, при чемъ, по словамъ документа другихъ наслѣдниковъ кромѣ князя Сергѣя Ѳедоровича не было; слѣдовательно братъ его Иванъ вѣроятно уже въ то время умеръ [3]; въ дѣлѣ упоминается вдова Ивана, кня-

[1] Архивъ князя Воронцова, т. XXV, стр. 53.
[2] Дѣло кн. Хованскихъ № 65. Арх. М. Дв. Деп. Собр. 1793.
[3] Id. л. 29.

гиня Вѣра Андреевна, а изъ нижеприводимаго документа видно, что она была урожденная княжна Оболенская. Къ тому же князю Сергѣю Ѳедоровичу перешло и Филиппово [1].

О селѣ Филипповѣ за это время сохранилось довольно много свѣдѣній. По ревизскимъ сказкамъ 1762 года въ немъ было крестьянъ 160 мужчинъ и 158 женщинъ; въ 1775 году князь Сергѣй Ѳедоровичъ прикупилъ и Кафтыревскія земли, находившіеся въ томъ же Любимскомъ уѣздѣ, въ пустоши Прудищи и Давыдково все безъ остатка за 50 рублей [2]; онъ умеръ въ чинѣ генералъ-порутчика и кавалеромъ ордена Св. Анны [3] въ какомъ году точно неизвѣстно, но до 1782 года, ибо въ этомъ году жена его пишется „генеральша вдова“ — это княгиня Екатерина Петровна Хованская, какъ это видно изъ выписки: „1789 года генваря 29 генералъ-порутчика и кавалера князь Сергія Федоровича Хованскаго вдовствующая супруга ево княгиня Екатерина Петрова дочь... ...продала я, княгиня Екатерина, дочери своей родной генералъ-маіора Василья Алексѣевича Каръ женѣ ево Марьѣ Сергѣевой дочери... крѣпостныхъ дворовыхъ людей [4]... Каръ, отрасль шотландской фалиліи, до нынѣ существующей въ Англіи. Мужъ княжны Марьи Сергѣевны Хованской, Вас. Ал. Каръ, приходился роднымъ праправнукомъ Томасу Кару, „иноземцу шкотскія земли“, служившему царю Михаилу Федоровичу. По словамъ князя А. Б. Лобанова-Ростовскаго „самая интересная личность этой фамиліи безъ сомнѣнія Василій Алексѣевичъ“, т.-е. мужъ княжны М. С. Хованской. Онъ отличился въ Полынѣ своею неустрашимостью и въ 1773 году получилъ собственноручный указъ Екатерины II съ повеленіемъ выступить противъ Пугачева; послѣ нѣсколькихъ неудачныхъ дѣйствій, онъ вдругъ самовольно оставилъ начальствованіе и вернулся въ Москву, возбудивъ общій ропотъ. О немъ есть нѣсколько страницъ у Пушкина. За свой поступокъ онъ былъ выключенъ со службы, послѣ чего поселился подъ Калугой, гдѣ завелъ благоустроенное хозяйство въ своемъ имѣніи Сергіевскомъ Горяиновѣ тожъ, оно же Карово. Пушкинъ говоритъ, что онъ былъ убитъ своими

---

[1] Ревизск. сказка 1744 года. Голохваст. архивъ.

[2] Продавицы были Любимскія помѣщицы: вдова Марфа Кондратьевна дочь капитана Козмина жена Никифорова сына Костентинова, да сестра ея родная Катерина Кондратьевна дочь сержанта Алексѣева жена Иванова сына Жиборова; они говорили: „доставшееся намъ по наслѣдству послѣ покойной матери нашей Марьи Никифоровой дочери Кафтыревой Кондратьевской женѣ Ѳилиповой, а матери нашей, послѣ такой же матери ея, а нашей бабки Домны Осиповой дочери Кафтыревой“ [13 марта 1775. № 77. Арх. Голохвастовыхъ].

[3] Арх. Москов. Дворян. Дѣло кн. Хованскихъ № 65, л. 38

[4] Арх. Голохвастовыхъ.

крестьянами. Жена его скончалась въ калужскомъ дѣвичьемъ монастырѣ 22 сентября 1833 года.

Упоминавшееся не разъ Красниково также досталось князю Серг. Ѳедор. Хованскому, какъ это видно изъ слѣдующаго документа 1767 года: „въ томъ же селѣ Красниковѣ, обмежеванной отъ всѣхъ смежныхъ владѣльцевъ одною окружною межою, по нынѣшней мѣрѣ состоитъ пашенной земли 30 десятинъ 816 саженъ, лѣсу строеваго и дровянаго 159 десятинъ 236 саженъ, сѣнныхъ покосовъ 12 десятинъ 1643 сажени, подъ селеніемъ, огородами, гуменниками 2 десятины 1545 саженъ. Подъ дорогами проселочными Хомутовкой и что ѣздятъ изъ села Гребенева и сельца Серкова въ сельцо Красниково 2 десятины 855 саженъ, подъ прудами и Воронецкимъ болотомъ 7 десятинъ 1851 саженъ. Всего 214 десятинъ 2146 саженъ“ [1].

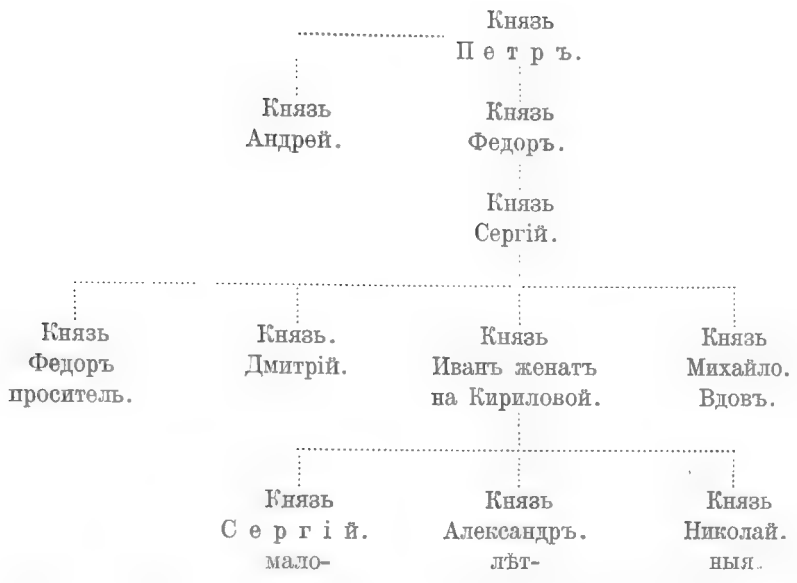
Судьба младшей дочери князя Ѳедора Петровича, княжны Дарьи, упоминающейся выше въ духовной князя Аникиты Репнина, свидѣтельствуетъ о томъ, какъ долго въ роду Хованскихъ держалась приверженность старой вѣрѣ. Въ дѣлахъ архива Министерства Юстиціи есть документъ изъ котораго видно, что въ царствованіе Императрицы Елизаветы Петровны было возбуждено цѣлое дѣло о княжнѣ Дарьѣ Хованской и о ея людяхъ, съ указаніемъ, что ее совратилъ въ расколъ нѣкій іеромонахъ Дмитрій Гусевъ. Арестованная въ 1645 году, она винилась въ томъ, что была на сборищѣ въ пустыни, гдѣ собравшіеся „били себя обухами“, а въ 1748 году, по осмотру лѣкаря Риттера она была найдена „въ зачаткѣ чахотной болѣзни“. Изъ дѣла видно, что несчастная княжна не вынесла тяжести заключенія и слѣдствія и 6 ноября 1749 года скончалась 26 лѣтъ отъ роду, не дождавшись рѣшенія по своему дѣлу, которое вѣроятно состоялось бы согласно предложеній судей—ограничить ей наказаніе ссылкой въ дѣвичій монастырь: „понеже, говорилось въ дѣлѣ, она человѣкъ молодой, повѣрила Гусеву по его іеромонашеству и нынѣ покаянія со слезами проситъ“ [2].

Въ Архивѣ Московскаго Дворянства въ томъ же № 65 1793 года находится слѣдующая родословная таблица: „пополнительное къ представленному въ 793 году отъ родственника леибъ гвардіи капитана Князь Александръ Князь Васильева сына Хованскаго при доказательствахъ предкахъ нашихъ поколенному родословію“.

---

[1] Межев. кн. Московскаго у. с-ца Красникова и д. Сетендяева владѣнія господина генералъ-порутчика и ковалера князь Серг. Ѳед. Хованскаго. Учинена межа 1767 года іюня 14 дня. [Архивъ Голохвастовыхъ].

[2] Опись дѣлъ и бумагъ Архива Министерства Юстиціи, VI, стр. 122.



Здѣсь отмѣтка: „къ сему поколенному родословію примеръ маіоръ Князь Федоръ Князь Сергіевъ сынъ Хованской родня приходился“.

У князя Серг. Ѳед. Хованскаго было четверо сыновей: Ѳедоръ, Дмитрій, Иванъ [1] и Михаилъ, что видно изъ родословныхъ таблицъ и дѣлъ Архива Московскаго Дворянства; изъ тѣхъ же данныхъ узнаемъ, что братья въ 1798 году владѣли имуществомъ не раздѣльно: Костромскимъ селомъ Филипповымъ и деревнями Пановой и Лиховидовой, Волоколамскимъ селомъ Коптязинымъ и Московскимъ сельцомъ Красниковымъ, Дмитріевской округи, да домомъ въ Москвѣ Арбатской части [2]; припомнимъ, что всѣ эти владѣнія упоминались въ числѣ имущества прадѣда ихъ, князя Петра Ивановича Хованскаго. [3]

---

[1] О князѣ Иванѣ извѣстно слѣдующее: „лѣта 1793 февраля въ 11 день арміи полковникъ князь Иванъ Сергѣевичъ сынъ Хованской... продалъ я статскому совѣтнику и святого Владиміра кавалеру Алексѣю Григорьеву сыну Венгерскому послѣ ево дѣтямъ и наслѣдникамъ недвижимое свое имѣніе, доставшееся мнѣ по купчей въ прошломъ 1792 году марта въ 11 день отъ брата моего родного Коллежскаго Ассесора князь Дмитрея Сергѣева сына Хованскаго состоящее Ярославскаго намѣстничества въ Любимскомъ округѣ деревню Шешково съ пустоши... а взялъ я... государственными ассигнаціями 8205 рублевъ“... [Арх. Голохв.].

[2] Архивъ Московскаго Дворянства, дѣло князей Хованскихъ № 65, л. 34.

[3] Кромѣ того у нихъ было еще Тамбовское имѣніе сельцо Никольское доставшіеся также отъ отца. Вотъ выписка князя Ѳед. Серг. Хованскаго: „прошлаго 1792 году маня 27 числа продалъ я крѣпостное свое недвижимое имѣніе, состоящее Тамбовскаго намѣстничества Козловской округи сельцо Никольское и

Въ архивѣ Голохвастовыхъ сохраняются собственноручныя повелѣнія второго его сына, князя Дмитрія Серг. Хованскаго, посылаемыя имъ въ Костромскія деревни, весьма любопытныя въ бытовомъ отношеніи, также и разныя его бумаги, иной разъ засыпанныя золотымъ пескомъ съ какимъ то малиновымъ отливомъ; вотъ нѣкоторыя изъ его повелѣній:

1.

Человѣку моему Алексѣю Ульянову и всему миру.

Отписку отъ тебя получилъ, черезъ которою предвижу, что подрячикъ естественой плутъ. Но нада старатца его узнати и съ нимъ какъ должно поступить и задатокъ чтобы нашъ не пропалъ, а если ты увидешь, что другихъ нанятъ, а я здесь посылалъ къ его князю, но его въ Москвѣ нѣтъ, а ты постарайся хоша другого пріискать, а что ты пишешь, что хоромы начилъ рубить, ето очинъ хорошо; и ты пишешь, что какъ мѣра отъ полу до потолка, то мѣра 3 арш. съ половиной, а двери 3 арш. два вершка вышины, а ширины 1 арш. и 6 вершковъ, окошкамъ вышина 2 арш., а ширина 1 арш. $^1/_2$, вотъ тебѣ всіо. Чтоже ты покосахъ разобралъ крестьянѣ, очинъ хорошо. Теперь я тебѣ приказываю, но даже и прошу, чтобы ты мнѣ доказалъ свое усердіе и что ты ко мнѣ привязанъ, то я тебѣ самъ награжденіе здѣлаю хорошее, вотъ въ едекихъ случаяхъ оказываютъ свои услуги; а тебѣ скажу, что мнѣ плоха приходица, какъ ты знаешь что Прозоровской я долженъ и она ни подъ какимъ видомъ переписывать не хочетъ и дала было сроку на два мѣсяца, но уже теперь и того не ждетъ и я самъ у ней былъ, но руками и ногами и матушку чрезъ вычайно безъ покоитъ и говоритъ, что она здѣлаитъ, что естли у меня нѣтъ, то порука заплатитъ и матушка на меня больше сердитца и приказала мнѣ сказать, чтобы я неотмѣнно заплатилъ и что я ей дѣлаю все хлопоты, а не то она со мною дурно поступитъ и сроку не отмѣнно къ 23 числу этаго мѣсяца и такъ гнѣвна, что я самъ не знаю, что и дѣлать. Таперь мѣлки

деревню Павликъ, доставшееся мнѣ по наслѣдству послѣ покойнаго родителя моего генералъ порутчика и кавалера князь Сергѣя Федоровича Хованскаго и по учиненномъ прошлому 1787-мъ году полюбовному раздѣлу съ матерью моею княгинею Катериной Петровной и съ братьями моими родными Примьеръ маіоромъ князь Дмитріемъ, отъ арміи полковникомъ князь Иваномъ, Гвардіи Измайловскаго полку Капитаномъ порутчикомъ князь Михайлою Сергѣевичемъ Хованскими: оберъ провіантъ местеру Максиму Алексѣевичу сыну Понову.... 308 душъ. [Архивъ Голохвастовыхъ.].

долги заплатилъ. Лизавета Ивановна всѣ свои вещи заложила и мнѣ одала деньги такъ что у ней ни камушка нѣтъ. Да вотъ и Спиридовой срокъ. Она уже присылала, что она не переписываетъ и тутъ матушка жъ порукой, а здѣсь ни намъ нельзя достать денегъ. Я бьюся какъ рыба, на закладною я незнаю ни деревень, которые заложены, да и порукъ нету, на вексель ни хто не даетъ, вещи уже всѣ ее заложены, у ней ничего нѣтъ, она мнѣ доказала, то ради Бога постарайся меня выкупить. Скажи мое повеленіе мужикамъ, что бы онѣ мнѣ хоша за годъ дали оброкъ, что я имъ самъ здѣлаю выгоды, а не то мнѣ нечего будетъ дѣлать, какъ продать; то пожалуй, постарайся ты оное какъ можно скорѣе собрать, что бы матушкино приказаніе исполнить и успокоить да естли можно, то лѣсъ Голодеевской землей одать за 2500 рублей и если ты онаго не можешь скоро здѣлать, то хоша оброкъ рублей 1000, не теряя времени, пришли. Дакажи мнѣ твое усердіе, то съ Ванькой эти 1000 и пришли, а естли здѣлаешъ скорой переворотъ и Голодеевскому лѣсу, то естли можно, хто купитъ, за 2500 рублей кажетца можно купить, ето дешево по 5 руб. десятина, то хоша половиное число, а другую половину въ ноябрѣ, чтобы заплатилъ. Пожалуй, приложи свое стараніе, я тебя самъ не оставлю и тогда ты можешь сказать, что ты заслужилъ и можешъ отъ меня что хочишъ требовать. Ты крестьянамъ скажи мое повеленіе и естли они усердны, то оное здѣлаютъ, коли не хотятъ, чтобы я ихъ продалъ, а то мнѣ нечо дѣлать, какъ ни продать. Такъ я уже тебя прошу, приложи ради Бога стараніе свое, хоша мнѣ тысяча рублей къ 23 числу какъ можно пришли, а у меня ни лошедямъ, ни людямъ, не знаю какъ и быть. И такъ еще таки упомяну, пожалуй, постарайся, а я, получа отъ тебя, конешно не забуду заслуги твои. Домашнее всѣ здоровы и всіо хорошо. Ну я отъ тебя буду ждать съ нетерпѣніемъ, какъ ты ети 1000 руб. сберешь, то не мѣшкавъ, Ваньку отправь, а самъ пріѣжай, какъ лѣсъ продашъ.

Князь Д. Хованской.

2.

Получено декабря 26 числа 790.

Въ Ярославскую мою вотчину въ село Филипово съ деревнями человѣку моему Алексѣю Ульянову и всему миру.

Повеленіе.

Получилъ я отъ тебя двѣ отписки одну по почтѣ, другую съ моими крестіянами, съ которыми и деньги получилъ 330 рублей и премеморію тоже, и скажу тебѣ за оное спасибо; а таперь и получилъ и дѣвочекъ и лошадъ и собаку въ исправности и таперь назадъ оныхъ крестьянъ посылаю, также и твое то тебѣ посылаю, а отъ девочекъ посылаю Арининѣ девочкѣ, что изъ Попова, ея сестрамъ сарафанъ и серьги, а тулупъ ея Акулининѣ оставляю; а что ты пишешь объ домѣ, что ты подрядчика сыскалъ, то ето можно подаждать, а для церкви надо не отмѣнно сыскать и какъ только можно, то и начинай, такъ же и Полозова дела начать, да я удивляюсь, никакъ ты забылъ, что надо мнѣ холстину прислать, то естли ты забылъ, то я тебѣ припоминаю, что даже давали дворовымъ и пряжу, то не отменно прислать: таперь писать мнѣ некогда, а я буду писать съ первой аказіей, а таперь препоручаю тебѣ все дѣло исполнять въ точности.

Князь Дмитрей Хованской.

3.

Въ Любимскую мою вотчину съ деревни Шишковѣ, Поповѣ, Барыкинѣ, Крапусковѣ, человѣку моему Алексѣю Ульянову и всему миру.

Повеленіе.

Получилъ я отъ тебя отписку, по которой и привезена дѣвка и баба съ дѣвкой, а что ты пишешь объ Ванькинѣ сестрѣ, что просятъ ее въ замужество, то ни подъ какимъ видомъ не отдавать безъ моего повеленія. Теперь тебѣ приказываю не отмѣнно и какъ можно старатца, что бы домъ для моего пріѣзду былъ готовъ, а я не отменно буду въ концѣ іюля или въ началѣ августа, а поздо естли въ половинѣ, и какъ пора рабочая, то хоша найми плотниковъ, только что бы ето было здѣлано и здѣлай такъ, что бы мнѣ не постыдно было въ немъ жить, а крышку покрой тесомъ не

отменно, я надѣюсь на твою исправность; оставь мѣсто для саду и для флигилей. Да посылаю къ тебѣ птицъ, вели за ними хорошенько смотрѣть и что бы къ пріѣзду онѣ были живы, гуся съ двумя гусынями, индейскаго пѣтуха, а куръ послѣ пришлю, селезня да двѣ утки, да еще 6 стульевъ; прошу ихъ беречь, а особливо домъ. По полученіи сего повеленія и съ Богомъ начинай, а я вѣрно буду къ августу. Печи при мнѣ будешъ дѣлать, а ети крестьяне, которые привезли оныхъ дѣвокъ, то ето имъ мало дали 6 руб., то имъ нада еще 4 руб., потому онѣ мои вещи повезли и имъ несчѣмъ было ѣхать, то вели миру дать еще 4 руб., а на челобитѣ я не на одну отвѣта не дѣлаю до моего пріѣзда, а скажи братева крестіянамъ, что имъ дурно будитъ, естли онѣ не допустятъ моихъ крестіянъ по прежнимъ владеть. Теперь я тебѣ всего больше приказываю старатсца объ домѣ и надѣюсь на твою исправность.

Кн. Д. Хованской.

Іюня 7 дня.

А у тебя планъ есть, то можешь по тому плану начать, хоша онъ и великъ, то ты не все оделаешь, а фасаду всіо, а для пріѣзда моего хоша комнатъ 5 довольно. А Василей крестьянинъ Шишковскій на дорогѣ потерялъ пакетъ, что я ему далъ и воротился. то я другое уже пишу. Онъ могъ и деньги такъ всѣ потерять, то его накажи.

4.

Получено апрѣля 12 числа 1791.

Въ Любимскою и Даниловскою вотчины въ деревню Шишково человѣку моему Алексѣю Ульянову и всему миру.

Повеленіе.

Отписку твою я получилъ, черезъ которою я усматриваю всѣ плутни етаго бездельника Бубанова и съ его товарищами, но ето не можетъ ничего мнѣ здѣлать. Я очень увѣренъ въ братѣ, что имъ потачкѣ не сдѣлаетъ, только идѣ етаго видно, что онѣ не благодарны, а что объ церковныхъ деньгахъ, куды вы ихъ употребляли, я не извѣстенъ и зачемъ ими какой разходъ имѣть; теперь скажу, что на тебя есть прозьба отъ крестьянъ и ты, естли хочешъ ето дѣлать, то виноватъ, что бы ломать у нихъ огороды

и омбары; ты можешъ не ломавши, а поставить выше, да и я не подумалъ, что куда много я лишнихъ людей кормлю, которые бы могли сами себя кормить работая, какъ напримѣръ Тимошка можетъ быть работникомъ и не одать его, да и Ванькина мать съ дочерію, что онѣ делаютъ, онѣ могутъ тоже что нибуть делать, хоша на меня; да протчихъ много объедаловъ, которые на меня ничего не делаютъ. Что бы етаго не было, а естли кормить хлѣбомъ, то не отменно бы дѣлали, или пряли бы, а ето всіо мужикамъ убытокъ, а мнѣ прибыли нѣтъ; да и ето лишнее, что ты держишь три коровы и протчее лишнее и все на мужичіемъ содержаніи, таперь можно и убавить, что бы когда было триста, то и теперь сто не возможно. Ты хочишъ больше моего получать, вотъ и къ брату крестіяне пишутъ, что все съ нихъ бралъ, то я тебѣ не совѣтую едакъ жить и крестіянамъ обидъ не дѣлать и спомнить, что онѣ такіе же люди, какъ и ты и что ты не князь, то свой разходъ уменьши, а ты мнѣ ни какой прибыли не делаешь, за что бы я еще долженъ бы былъ для тебя такіе дѣлать крестіянамъ убытки, а прошу что должно и что положено для человѣка для содержанія, то и получать, а естли ты не знаешь, то я тебѣ напишу; да ты жа у меня поѣхавши всѣ колеса перебралъ и мнѣ все убытки дѣлаишь, я принужденъ новую покупать телѣгу и чтобы едакаго дурнаго расположенія не было, а едакъ не годится и что бы праздныхъ людей не было. И на что ты у себя старосту с утра и до вечера держишь, всіо имъ убытокъ. Да приказываю тебѣ земскаго отрешить и быть ему такъ, какъ и другія крестіяне, а письмо временое, только всіо крестьянамъ убытокъ, а тебѣ быть исправну самому и смотрѣть чтобы и крестіяне были исправны.

На оборотѣ: При семъ отпущенъ изъ дому моего человѣкъ Яковъ. Прошу на заставахъ господамъ, команду имѣющимъ чинить пропускъ и не держать.

5.

Въ Ярославскую мою вотчину въ деревню Шешкова съ деревнями человѣку моему Алексѣю Ульянову.

Повеленіе.

Я получилъ отъ тебя двѣ отписки, въ которыхъ ты мнѣ представляешь, что крестьяне тебя не слушаютъ и что пріѣзжали къ тебѣ, не хотятъ твою избу перевести и что лѣсу не хотятъ гото-

вить, то это ослушаніе моимъ повеленіемъ. И ты много виноватъ ты в семъ и въ Москвѣ разглашалъ, что я совсемъ промотался и что только осталось 60 душъ, то и ты ошибся. Ты ето говорилъ у брата въ домѣ, князь Ивана, и что ты не мой, а брата к. Фіодора. Ты не думай етаго, хоша бы ты и подлинно былъ брата, то я всіо ту жа власть имѣю, а я нарошно здѣлаю, хоша ты и числяся, а ты будешъ всіо мой. Ты думаешъ я ни чего не знаю. Есть у меня люди, которые мнѣ всіо скажутъ. Анъ, это для тебя стыдно. Я больше знаю, да всего не хошу писать, а таперь тебѣ скажу, что бы ты мнѣ отметилъ всѣхъ этихъ мужиковъ, которые были ослушниками, а я думаю что я скоро самъ буду, то я етихъ бунтовщиковъ изрядно накажу безъ овсякой пощады. Я ни каго не пожалѣю изъ нихъ за ихъ непослушаніе и, естли онѣ еще по сю пору не перевезли твою избу, то скажи имъ еще мое повеленіе. И естли не будетъ исполнено, то уже на меня не пеняли. Я съ ними поступлю такъ, что онѣ и не ожидаютъ. А особливо приготовь мнѣ бунтовщиковъ и начинщиковъ, а я думаю, что я не замѣшкаюсь быть самъ, то ты всіо оное исполни къ моему пріезду и будь исправенъ, а имъ объ этомъ не говори, а только заметь виноватыхъ. Да я принужденъ нарошного ходока послать, то пусть миромъ заплатятъ ему за дорогу. Да етотъ же мужичекъ просилъ у меня на избу лесу, то узнай точно ли у него такъ ветха изба и осмотря пристойное число ему дай.

Князь Дмитрій Хованской.

Апрѣля 21 дня.

6.

Алексѣй вотъ что дѣлаетъ. При мнѣ изъ Борыкина Сергѣю лошади нѣтъ и меня задержалъ. Я принужденъ нанять, только съ него взыскать ети деньги и подъ строгимъ наказаніемъ его наказать не отменно, а естли я узнаю, что ты не накажешь, то тебѣ дурно будитъ.

Кн. Дмитрій Хованской.

Послѣ князя Дм. Серг. Хованскаго Филлиппово перешло къ брату его, князь Ѳедору Сергіевичу, тому, который упоминается позднѣе въ „Быломъ и думахъ“ у Герцена и который былъ женатъ на М. А. Яковлевой, родной тетки Герцена. За время его владѣнія Филипповымъ сохранился слѣдующій любопытный договоръ съ подрядчикомъ на постройку деревянной рубленой церкви:

„1792 года марта.... дня Костромскаго намѣстничества Нерехтской округи Его Сіятельства господина Генералъ Маіора и Кавалера князя Алексѣя Борисовича Голицына Писковской волости, деревни Окулова крестьянинъ Петръ Афанасьевъ далъ сіе договорное письмо Ярославскаго намѣстничества Любимской Округи вотчины Его Сіятельства примѣръ маіора князя Ѳедора Сергѣевича Хованскаго села Филипова з деревнями служителю Алексѣю Ульянову, вотчиному старостѣ Андрею Максимову, церковному старостѣ Петру Андрееву, крестьяномъ Василію Иванову спротчими в томъ, что порядился я построить въ показанномъ селѣ Филиповѣ деревянную новую церковь во имя Всемилостиваго Спаса с придѣломъ Казанскіе Божіе Матери и колокольну изъ всего ихъ готоваго матеріалу: сначала вырыть бутъ имъ миромъ подъ всѣ мѣста, гдѣ принадлежитъ, какъ подъ церковь, такъ и подъ колокольню, а столбы или стулья уставить мнѣ; рубя ж оную церковь, внутри и съ лица, дѣлать чистую, углы вести по отвѣсу прямые, придѣлъ прирубить отъ трапезы въ шести аршинъ, а трапезу въ длину девять, въ ширину десять аршинъ, вышина трапезы и предѣлу отъ земли до крышки семи аршинъ, настоящую церковь въ длину десять аршинъ, поперешину десяти аршинъ, в настоящей четверику отъ земли двенадцать аршинъ, асмерику вышина пять аршинъ, сверхъ осмерика сводъ три аршина, шея с главою шесть аршинъ, в церквахъ жертвенники, престолы и абвоны здѣлать, окошекъ въ трапезѣ два, в предѣлѣ четыре, въ настоящей четыре, в олтарѣ два, дверей в настоящей двои, в трапезѣ однѣ, такоже къ дверямъ и окошкамъ затворы здѣлать. На пристройку церкви тесу пилить на щетъ мой изъ ихъ лѣсу, шеи и главы на церквахъ и колокольнѣ чешуею обшить, колокольню поставить съ церковью в одну мѣру, вышины крыши крыть въ два теса с карнизами, на колокольне въ окнахъ рубить изъ бревенъ чисто въ лапу под скобель: у боковыхъ дверей два рундука съ балясами с крышкою, а колоколню начать противъ трапезныхъ дверей рундукомъ, гдѣ и выдуть четырми с трапезной вровенъ: а потомъ итти до звоннаго полу осмерикомъ; и за всю вышеписанную работу получить мнѣ денгами пять сотъ пятдесятъ рублей, запасу ржи пять четвертей, фатера ихъ мир-

ская, а по праздникамъ в приходѣ збирать невозбранно, хто что пожалуетъ; изъ суммы же получено двадцать рублей, по закладке церкви получено пятдесятъ рублей; выгнавши стопу, получить двѣсти рублей, перепиля тесъ и покрывши, сто тридцать рублей, а оставшіе получить по здѣланіи стопы колокольной семдесятъ рублей, а послѣдніе по окончаніи всей работы, въ чемъ я Афанасьевъ сіе договоренное письмо и далъ. Писалъ той же вотчины земской Василей Чесноковъ. Къ сему договорному писму означенной же вотчины Земской Иванъ Свѣшниковъ вмѣсто означеннаго крестьянина Петра Афанасьева по ево прошенію руку приложилъ“ [1].

Другой весьма интересный документъ—того же времени, нижеслѣдующее данное приглашеннымъ въ церковь села Филиппова священникомъ обязательство, изъ котораго видно, что прихожане въ то время сами выбирали себѣ священника и съ нимъ договаривались; кромѣ того любопытно, что сосѣдъ помѣщикъ и владѣлецъ того села, гдѣ этотъ священникъ служилъ, отпускаетъ его и даетъ о немъ добрый отзывъ:

„1794 года іюля 13 числа Ярославского намѣстничества Любимской Округи вотчины его благородія Степана Андреевича Бороноволокова села Чурилова церкви Казанскія Божіей Матери священникъ Петръ Ивановъ далъ сіе обязательство, по сущей моей по справедливости и по священству, онаго уѣзда вотчинъ Его Сіятельства князь Федора Сергѣевича Хованского села Филипова, деревень Алюниной, Крюковой, Платковой, Панюшиной, Клестовой вотчиному старостѣ Мирону Афонасьеву, церковному старостѣ Петру Андріанову, сотскому Павлу Егорову, редовымъ крестьянамъ Федору Филиппову... [имена] въ томъ, что желаю я быть у нихъ при церкви Всемилостиваго Спаса и Казанскія Божіей Матери на мѣсто покойнаго священника Петра Никонова священникомъ. Ежели меня по желанію и по просьбѣ моей опредѣлитъ его высокопреосвященство Ростовскій и Ярославскій Арсеній при показанной церкви въ помянутомъ приходѣ въ селѣ Филипповѣ съ деревнями священникомъ, то мнѣ Иванову, по опредѣленіи будучи, вести себя добропорядочно по долгу христіанскому, быть тиху, не горду и не злобиву, а человѣку любиву, а паче въ храмѣ Божіемъ, по преданію и правиламъ Святыхъ отецъ, навсегдашнія службы, того жъ и мірскіе требы, отправлять не лѣностно, безъ всякаго роптанія, а при томъ за всякіе мірскія требы съ приходскихъ людей получать мнѣ доходъ безъ

[1] Архивъ Голохвастовыхъ, бумаги князей Хованскихъ.

излишества и безъ притѣсненія, а по узаконенію Святѣйшаго Правительствующаго Синода, оставя доброхотныхъ дателей и довольствоваться опредѣленною церковною землею, такъ же и устроиться въ селѣ Филипповѣ дворомъ своимъ кочтомъ, не требуя ничего отъ приходскихъ людей, тоже и хлѣба. Ежели жъ я по сему моему обязательству чего исполнять не буду и приходскія люди усмотрятъ за мною какія непорятки, то я подвергаю себя быть судиму доховнымъ и свѣтскимъ закономъ, чего ради впредь во вѣрность означеннаго села Филиппова съ деревнями приходскимъ людямъ ихъ Сіятельства крестьянемъ сіе обязательство за моей рукою и нижеподписавшимися по мнѣ поручителями и выдалъ".

Подписи:

„Къ сему обязательству церкви Казанскія Богородицы села Чурилова священникъ Петръ Ивановъ, желающей опредѣлитца къ церкви Спаса Нерукотвореннаго Образа въ село Филиппова руку приложилъ".

„Къ подлинному обязательству штыкъ юнкарь Степанъ Андреевъ сынъ Бороноволоковъ вмѣсто приходскихъ людей и за себя ручаюсь, одобряю и отпускаю показаннаго прихода нашего онаго священника Петра Иванова, въ томъ что онъ, будучи у насъ съ 1788 года при церкви Казанскія Божія Матери, исправлялъ церковную службу и мирскія требы отправлялъ по долгу своему добропорядочно и состоянія онъ добраго и поведенія чеснаго, то есть не пьяница, не бица, ни в какихъ худыхъ дѣлахъ и подозрѣніяхъ не бывалъ также и къ расколу не подозрителенъ, въ чемъ и руку приложилъ".

Изъ дѣлъ того же времени видно, что въ 1794 году въ Костромскомъ имѣніи Хованскихъ было слѣдующее число душъ: въ с. Филипповѣ мужскихъ душъ 44, въ деревнѣ Алюнинѣ 26, въ Крюковѣ 13, въ Платковѣ 37, въ Панютинѣ 21, въ Клестовѣ 23, въ Голодяевѣ 13; итого мужскаго пола 177, женскаго пола во всѣхъ селеніяхъ 207, на оныхъ тяголъ 159. Сохранилась записка съ опредѣленіемъ дохода: „окладу плотятъ оброчныхъ денегъ 978 рублей, свинаго мяса 30 пудъ, сермяжнаго сукна 160 аршинъ, грибовъ, алленого холста съ бабы по 5 аршинъ". Платежи были слѣдующіе: „положены отъ его сіятельства сроки плотежу оброка— первая половина генваря 1 число, вторая половина сентябрь 1 число".

Сохраняются и другіе документы временъ князя Ѳедора Сергѣевича и затѣмъ его жены. Въ дѣлахъ Дворянскаго Собранія есть выписка 1798 года [табл. № 1] о семьѣ князя Ѳедора

Имя и прозваніе дворянина въ томъ уѣздѣ имѣніемъ владѣющаго и его лета.	Холостъ или женатъ и на комъ или вдовъ.	Много ли детей мужскаго или женскаго пола и ихъ имена и лета.	Сколько за нимъ по послѣдней ревизіи наслѣдственныхъ или купленныхъ или вновь пожалованныхъ или въ приданое полученныхъ обоего пола душъ нынѣ состоитъ и восколькихъ селахъ или деревняхъ.	Въ уѣздѣ ли живетъ тотъ дворянинъ или въ отлучкѣ.	Какого онъ чина.	Въ какой именно службѣ или въ отставкѣ.
Князь Федоръ Князь Сергіевъ сынъ Хованской 45 лѣтъ.	Женатъ на Маріи Алексеевой дочери 43 лѣтъ.	Дѣтей имѣю дочерей Катерину 10 лѣтъ и Наталью 7 летъ.	Наслѣдственнаго недвижимаго имѣнія состоитъ вообще съ братьями Князьями Дмитріемъ, Иваномъ Княжъ Сергіевыми Хованскими, Кастрамской губерніи Любимскаго округа въ селе Филиповѣ и въ деревняхъ Паповой и Лиховидовой а Грибово тожъ 200 душъ, Московской губерніи Волоколамской округи въ селе Коптезине 163 души, оной же губерніи Дмитровской округи въ сельце Красникове 11 душъ, да состоящій въ Москве домъ Арбатской части въ 5 квартале.	Жительство имею въ Москвѣ.	Примеръ Маіора.	Въ отставке.

Къ сему формулярному списку примеръ маіоръ Князь Федоръ Князь Сергіевъ сынъ Хованской.

Сергѣевича, показаннаго преміеръ-маіоромъ 45 лѣтъ; тамъ же указаны его жена и двѣ дочери, а изъ перечня имущества узнаемъ знакомыя вотчины. Есть извѣстіе, что жена его княгиня Марья Алексѣевна, въ 1792 году 15 мая заняла у мужа 9500 рублей подъ залогъ принадлежавшаго ей дома, мѣстоположеніе котораго опредѣляется изъ слѣдующаго документа: „заложила я княгиня Марья ему князь Ѳедору крѣпостной свой дворъ со всякимъ деревяннымъ строеніемъ и въ немъ мебелью съ садомъ и прудомъ, состоящей за Тверскими воротами въ 8 части 5 квартала подъ номеромъ 408, въ приходѣ церкви Іоанна Богослова что на Бронной на моей землѣ, доставшейся мнѣ по купчей Лейбъ-Гвардіи Измайловскаго полку отъ подпорутчика Ив. Мих. сына Волынскаго, а подъ тѣмъ дворомъ той земли мѣрою длиннину по обѣимъ сторонамъ по 40 сажень, поперешнику въ переднемъ концѣ 35 сажень, въ заднемъ концѣ 25 саж. 2 аршина“ [1].

Княгиня М. А. Хованская извѣстна по воспоминаніямъ Герцена. Едва ли не о ней и послѣдній стихъ въ „Горе отъ ума“:

Ахъ Боже мой, что станетъ говорить
Княгиня Марья Алексѣевна!

Что слова Фамусова относятся къ ней, наводитъ на мысль другой стихъ:

Онъ химикъ онъ ботаникъ
Князь Ѳедоръ нашъ племянникъ,

относящійся, по свидѣтельству Т. П. Пассекъ, къ родному ея племяннику А. А. Яковлеву, послѣднему въ родѣ Яковлевыхъ, котораго называли „химикъ“. Грибоѣдовъ навѣрно зналъ княгиню М. А. Хованскую. У княгини Марьи Алексѣевны жила племянница ея, Наталья Алексѣевна Захарьина, дочь А. А. Яковлева, вышедшая за А. И. Герцена. Упоминающаяся часто въ сочиненіяхъ Герцена усадьба сельцо Загорье находится въ Подольскомъ уѣздѣ [2].

Герценъ такъ описываетъ Московскій домъ Хованскихъ на Бронной: „Это былъ старинный, православный русскій домъ. Домъ, въ которомъ соблюдались посты, ходили къ заутрени, ста-

---

[1] Архивъ Голохвастовыхъ, бумаги Хованскихъ.

[2] Изъ ревизскихъ сказокъ видно, что въ 1816 году Загорье принадлежало флота лейтенанту Ольгѣ Вас. дочери Курманалѣевой, душъ было м. 39, ж. 37, въ 1834 году капитану Александру Гавриловичу Рюмину. [Архивъ Голохвастовыхъ бумаги Хованскихъ].

вили на канунѣ крещенія кресты на дверяхъ, дѣлали удивительные блины на масляницѣ, ѣли буженину съ хрѣномъ обѣдали ровно въ два и ужинали въ девятомъ часу“ [1].

Портреты князя Ѳед. Серг. Хованскаго и его жены послѣ смерти послѣдней перешли къ бывшему попечителю Московскаго Учебнаго Округа Дм. Пав. Голохвастову, а отъ него къ сыну его Павлу Дмитріевичу, а нынѣ пріобрѣтены мною вмѣстѣ съ иностранной библіотекой изъ Звенигородской ихъ родовой усадьбы, села Покровскаго-Рубцова.

Князь Ѳедоръ Сергѣевичъ, по словамъ того же Герцена, „былъ небольшого роста сѣденькой старичекъ, пившій тайкомъ отъ княгини настойки и наливки, ничѣмъ не занимавшійся путнымъ въ домѣ и привыкнувшій къ безусловной покорности женѣ, противъ которой иногда возмущался на словахъ, особенно послѣ наливокъ, но никогда на дѣлѣ. Княгиня удивлялась потомъ, какъ сильно дѣйствуетъ на князя Ѳедора Сергѣевича крошечная рюмка водки, которую онъ пилъ офиціально передъ обѣдомъ и оставляла его покойно играть цѣлое утро съ дроздами, соловьями и канарейками, кричавшими наперерывъ во все птичье горло“. Герценъ говоритъ, что онъ „обучалъ однихъ органчикомъ, другихъ собственнымъ свистомъ“ и самъ ѣздилъ ранехонько въ Охотный рядъ мѣнять, покупать и продавать птицъ [2].

Передъ смертью князь Ѳ. С. Хованской завѣщалъ свои имѣнія женѣ; но послѣ его смерти, въ 1822 году ближайшіе родственники его, князья Хованскіе, просили уничтожить завѣщаніе. Споривше были дѣти брата его, князя Ивана Сергѣевича, женатаго на Кириловой: князья Сергѣй, Николай и Александръ, а также дѣти перваго изъ нихъ князя Сергѣя—Михаилъ и Дмитрій. Завѣщаніе однако было утверждено; тогда князь Серг. Ив. Хованской подалъ апелляціонную жалобу, которая была разсмотрѣна въ Сенатѣ 26 ноября 1825 года. Изъ обстоятельства дѣла видно, что князь Ѳедоръ Сергѣевичъ завѣщалъ женѣ Филиппово и Красниково, какъ имѣнія „благопріобрѣтенныя“; оспаривавшіе же родственники говорили, что послѣ смерти князя Ѳедора осталась наслѣдницею дочь его, полковница Наталья Насакина, которая умерла въ февралѣ 1821 года, а послѣ нея осталась наслѣдницей малолѣтняя ея дочь Марья, но и она 5 февраля 1822 года умерла, а потому, такъ какъ дѣтей больше у князя Ѳедора не было, то входятъ они въ права наслѣдства; далѣе они объясняли, что покойный родитель князя Дмитрія и

---

[1] Сочиненіе А. И. Герцена томъ II, стр. 235, 236, 237, 238.

[2] Онъ скончался 5 января 1821 года.

князя Ѳедора, генералъ-порутчикъ князь Сергѣй Ѳедоровичъ, имѣвъ значительное количество имѣнія, оставилъ его послѣ себя четверымъ сыновьямъ, которые полюбовно его раздѣлили: Филиппово досталось князю Дмитрію, который продалъ его брату князю Ѳедору, а сельцо Красниково досталось ихъ матери, а отъ нея уже, по какому акту имъ неизвѣстно, перешло къ князю Ѳедору, а потому и оно должно почитаться не благопріобрѣтеннымъ, а родовымъ; они просили также привесть въ извѣстность все оставшееся движимое и недвижимое имущество, при чемъ упоминали объ иконахъ Іоанна Богослова, Николая Чудотворца, про ковчегъ и крестъ и прочія иконы, кои братъ ихъ получилъ при кончинѣ матери; также находили, что Филиппово, „бывъ всегда родовымъ“, не можетъ перейти къ княгинѣ Марьѣ Алексѣевнѣ, бывшей изъ роду Яковлевыхъ, „буде однородцы того не желаютъ“, а потому имъ принадлежитъ право выкупа имѣнія за ту сумму, какая значится въ купчей 1791 года, именно за 10000 рублей; что же касается Красникова, то, если завѣщаніе дѣйствительно положено самимъ завѣщателемъ въ опекунскій совѣтъ, то оно не подлежитъ сомнѣнію. Сенатъ призналъ дѣло не въ ихъ пользу и нашелъ, что спорное имѣніе пріобрѣтено покупками отъ брата и матери, и что духовная не была ранѣе подвержена сомнѣнію; Красниково должно считаться благопріобрѣтеннымъ для княгини Марьи Алексѣевны, а равно и для князя Ѳедора Сергѣевича, который получилъ его отъ своей матери, урожденной княгини Оболенской; ровно и Филиппово благопріобрѣтенное, какъ купленное у родственниковъ; что же касается иконъ, то имъ предоставлено право, если они могутъ что либо доказать о неправильномъ ими владѣніями; рѣшеніе Палаты утвердить, жалобу Хованскихъ оставить со штрафомъ. Любопытно, что подлинное рѣшеніе подписано сенаторами 16 декабря 1825 года, черезъ два дня послѣ 14 декабря.

О селѣ Филипповѣ сохранились свѣдѣнія и за время владѣнія имъ княгинею М. А. Хованскою. Сохранилась подробная вѣдомость отъ 1824 года съ указаніемъ не только обычнаго семейнаго положенія въ каждомъ дворѣ, но и положенія хозяйственнаго; для характеристики положенія крестьянъ свѣдѣнія эти интересны и было бы любопытно сравнить данныя эти съ современнымъ состояніемъ крестьянъ села Филиппова, которое врядъ ли теперь выше. Всѣхъ дворовъ было 20 и если исключить одну вдову и одного умершаго, то 18; изъ нихъ въ 17 было по одной лошади и одинъ дворъ показанъ безъ лошади; коровъ въ пяти дворахъ было по 3, въ восьми по 2 и въ пяти по одной — безкоровныхъ дворовъ нѣтъ; овецъ въ двухъ дворахъ по 4, въ четырехъ по 3, въ десяти

по 2, въ двухъ по одной; куръ въ одномъ дворѣ 12, въ пяти по 10, менѣе 5 куръ нѣтъ ни въ одномъ дворѣ. Въ 1726 году въ Филипповѣ было мужскихъ 175 душъ, женскихъ 207. Размѣромъ имѣніе было небольшое—1245 десятинъ и 1006 кв. саженъ; въ другомъ участкѣ земли при деревнѣ Голодяевѣ, лежащимъ въ 12 верстахъ, было 1229 десятинъ, 2096 кв. саженъ; Голодяево была главнымъ образомъ лѣсная дача и равнялась 1133 десятинамъ. Въ 1841 году въ вотчинѣ княгини М. А. Хованской упоминается мукомольная мельница подъ названіемъ „Хованка“, на рѣкѣ Соти, сдававшаяся за 85 руб. 70 коп. въ годъ. Сохранилась выписка о доходахъ съ Филиппова неизвѣстнаго года: оброку 5000 руб., мельница 300 руб., пустошь 25 р., за 900 аршинъ холста 270 рублей, сукно 100 руб., масло и медъ 110 руб., свинина и грибы 70 р., всего 5875 рублей. Послѣ смерти княгини М. А. Хованской имѣніе перешло въ 1847 году къ ея племяннику Д. П. Голохвастову, сыну ея сестры [1].

Послѣ смерти Дм. Пав. Голохвастова Филиппово въ 1850 году перешло во владѣніе малолѣтнихъ дѣтей его Павла, [2] Дмитрія, [3] Александра и Елизаветы Голохвастовыхъ. Опекунами были: мать ихъ Надежда Владиміровна Голохвастова и Григ. Ив. Ключаревъ. Крестьянъ во всѣхъ деревняхъ было муж. 203, жен. 233. Въ томъ же 1850 году въ Филипповѣ была выстроена церковь, вѣроятно на мѣстѣ старой и 18 сентября священникъ церкви Спаса Нерукотвореннаго образа Ерм. Петр. Скворцовъ писалъ Над. Вл. Голохвастовой, что храмъ, воздвигнутый благотворителями, освященъ 10 сентября и благодарилъ за пожертвованныя облаченія, которые по его словамъ „такъ сказать видомъ своимъ окрыляли священнодѣйствующихъ и присутствующихъ въ храмѣ богомольцевъ“.

Изъ вѣдомости за 1866 годъ узнаемъ мѣстныя разстоянія. Отъ Филиппово до уѣзднаго города Любима 25 верстъ, до Ярославля 65, до Костромы 55, до большой дороги 8. Деревня Голодайка, очевидно она же упоминавшееся Голодяево, отъ Филиппова въ 12 верстахъ. Въ этомъ году въ Голодайкѣ было 1223 десятины съ

---

[1] См. довѣренность Д. П. Голохвастова на имя Ивана Миронова 1849 года. [Арх. Голохв.].

[2] Пав. Дм. Голохвастовъ, русскій историкъ, славянофилъ.

[3] Дм. Дм. Голохвастовъ Звенигородскій Уѣздный Предводитель Дворянства, замѣчательный ораторъ, западникъ.

[4] Въ 1857 году крестьяне писали, что они по очереди сторожатъ „господскій лѣсъ“ при дер. Голодяйкахъ, находящійся въ дальнемъ разстояніи отъ Филиппова и жаловались на старосту, который не наказывалъ порубщиковъ, которыхъ они открывали.

саженями, въ томъ числѣ еловаго и осиноваго тонко строеваго лѣсу 200 десятинъ мѣшанаго молодаго лиственаго 697, березоваго и осиноваго дровянаго 200; по справочнымъ цѣнамъ десятина дровянаго лѣса стоила 10 рублей, а строеваго 30 рублей. Отъ этой дачи въ полуверстѣ судоходная рѣка Кострома; далѣе показаны пустоши Кошулево [1], Малая Маринино, Давыдково и Прудище, Семенчаково, Дубаково, Дубасово тожъ, Сосѣдово, Рождественка; деревня Лиховидово и пустошь Медвѣдево, пустошь Лукинская, пустошь Раменье въ общемъ владѣніи съ г. Борноволоковою, пустошь Ивановская; а всего земли 2828 десятинъ 753 кв. саженъ [2]. По селу Филиппову сохранился также большой планъ 1861 года „владѣнія дочери Тайнаго Совѣтника Елизаветы Дмитріевны Голохвастовой", сохранилась и прилагаемая карта [см. № 2], сдѣланная отъ руки съ нанесеніемъ всѣхъ владѣній, уѣзднаго города, рѣкъ и дорогъ; по этой картѣ точно опредѣляется мѣстонахожденіе села.

Вотъ нѣкоторыя свѣдѣнія, которыя удалось собрать о потомствѣ князя Ивана Андреевича Хованскаго Тараруя.

Другая линія ведетъ происхожденіе отъ двоюроднаго брата Тараруя, боярина князя Ивана Никитича. Обѣ линіи показаны въ прилагаемомъ послѣ этой страницы родословій 1793 года. Князь Иванъ Никитичъ и князь Иванъ Андреевичъ Тараруй, какъ родоначальники обѣихъ линей, напечатаны для ясности, особымъ шрифтомъ. Вотъ нѣсколько данныхъ объ этой линіи.

Въ селѣ Покровскомъ, Рузскаго уѣзда, Московской губерніи, старой вотчинѣ Шереметевыхъ, пришедшей въ родъ по приданству отъ Лопухиныхъ [3], среди семи царскихъ грамотъ, хранится одна, данная стольнику князю Петру Ивановичу Хованскому, сыну боярина Ивана Никитича, царемъ Ѳедоромъ Алексѣевичемъ въ 1681 году; грамота эта на село Помогалово, Луховскаго уѣзда,

---

[1] Это то самое Кошелево, гдѣ происходилъ бой изъ за покосовъ, о чемъ писалъ князю П. И. Хованскому его прикащикъ. См. выше.

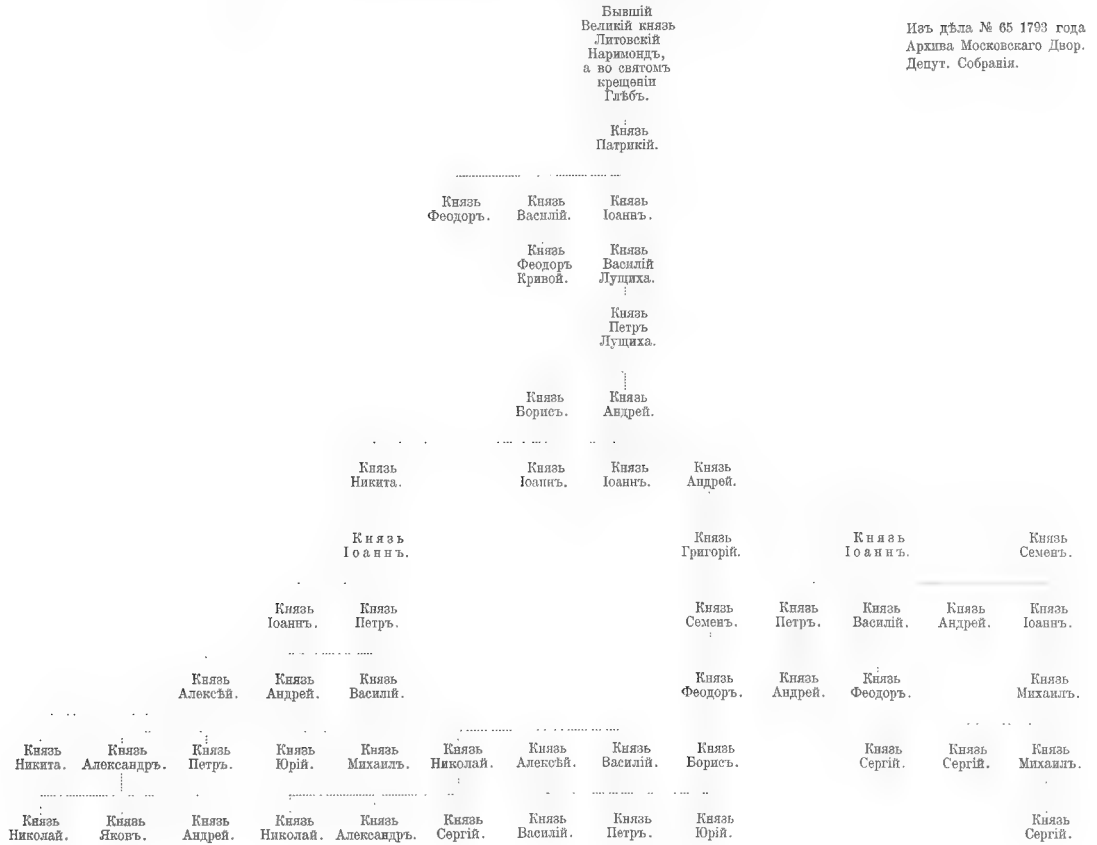
[2] Вѣдомость о количествѣ заселенныхъ и не заселенныхъ земель, принадлежащихъ Г-жѣ Голохвастовой. [Архивъ Голохвастовыхъ].

[3] Село Покровское, замѣчательное своимъ живописнымъ расположеніемъ, нынѣ принадлежитъ внуку Алексѣя Васильевича Шереметева, сыну старшей его дочери, Варвары Алексѣевны, графу Влад. Влад. Мусину-Пушкину.

Родословіе Князей Хованскихъ,

приложенное къ прошенію Князя Александра Васильевича Хованскаго 1793 года.

Изъ дѣла № 65 1793 года
Архива Московскаго Двор.
Депут. Собранія.



Владимірской губерніи. Существованіе этой грамоты въ Покровскомъ безъ сомнѣнія связана съ женой Влад. Ѳед. Шереметева, Маріей Андреевной Шереметевой, урожденной княжной Хованской, которая слѣдовательно должна происходить по прямой линіи отъ этого князя П. И. Хованскаго; въ грамотѣ сказано: „пожаловали... за службу отца его боярина князя Ивана Никитича Хованскаго“...

Грамота крыта желтымъ шелкомъ, печать красная на зеленомъ шнурѣ, прикрѣпленная къ цвѣтной, шитой шелками, звѣздѣ. Грамота эта для опредѣленія родства М. А. Шереметевой должна служить путеводной нитью; въ ней сказано: „...пожаловали стольника нашего князя Петра Ивановича Хованскаго за службу отца его, боярина князя Ивана Никитича Хованскаго, что отецъ его бояринъ князь Иванъ Никитичъ служилъ блаженныя памяти отцу нашему великому государю царю и великому князю Алексію Михайловичу и намъ великимъ государямъ и братіамъ нашимъ и ко всему Московскому Государству многую службу, которая всчалася въ прошломъ во 162 [1654] году послѣ Поляновскаго докончанія, что было во многихъ разрушительныхъ письмахъ с стороны Полскаго короля вѣчному миру противенство учинено... И милостью всесильнаго въ Троицѣ славимаго Бога... Смоленскъ и Вильну и Брестъ и иные многіе грады въ Литвѣ и на Бѣлой Россіи поимали... а за тое службу... отцу его боярину князю Ивану Никитичу Хованскому не помѣстья в вотчину не дано. И нынѣ мы... пожаловали сына его столника нашего князя Петра Ивановича Хованскаго изъ его помѣстья в вотчину в Луховскомъ уѣзде въ Шалутинской лукѣ селомъ, что была деревня, малое Помогалово на прудѣ, деревнею Новою, деревнею Кожиною на суходоле, деревнею Помогалово болшое на прудѣ, деревнею Гришмановою а Гришаково тожъ, деревнею, что былъ починокъ Вихрушевъ а Дягилево тожъ, деревнею Лодыгиною, деревнею Яковлевою на суходоле, починкомъ Носовымъ а Высокой тожъ, пустошью Илейкиной, да к той же пустоши озерко Черное Карасево, пустошью Прониною, пустошью что былъ починокъ Ороловъ большое, пустошью Доски, пустошью Васильевою, а по дачамъ 148 и 182 [1640 и 1674] и по отказнымъ книгамъ 182 году в тои вотчине написано: пашни двѣсти четырнадцать чети с полуосминою а в дву потому жъ и не дошло ему в вотчину дву сотъ осмидесять шті чети без полуосмины... И та вотчина ему князю Петру Ивановичу и его дѣтямъ и внучатамъ и правнучатамъ въ роды ихъ неподвижно... И буде после его роду не останется, а та вотчина останется не продана и не заложена и въ приданыя не отдана: и та вотчина взяти на насъ великихъ государей въ помѣстныя

земли. Печатана нашего Государства въ царствующемъ градѣ Москвѣ лѣта 189-го [1681] генваря въ 8 день“ [1].

На основаніи этой грамоты, для опредѣленія родства М. А. Шереметевой, прежде всего надлежитъ обратиться къ боярину князю Ивану Никитичу Хованскому, служба котораго протекла при царяхъ Михаилѣ Ѳеодоровичѣ и Алексѣѣ Михайловичѣ. Тарарую онъ приходился двоюроднымъ братомъ, но былъ много его старше. Отецъ его упоминался выше; это князь Никита Андреевичъ Хованской, скончавшійся въ схимѣ, принявши имя Нифонта.

Въ 1625 году князь Иванъ Никитичъ упоминается въ числѣ стольниковъ съ окладомъ въ 40 рублей, назначенномъ еще 26 апрѣля 1623 года по книгѣ Устюжской четверти [2]; въ 1628 и 1629 годахъ онъ начальствуетъ надъ большимъ полкомъ въ Тулѣ, въ 1634 году полковымъ воеводой въ Боровскѣ; съ 1635 по 1637 посланъ въ Тулу „для приходу крымскихъ и ногайскихъ татаръ“. По восшествіи въ 1646 году на престолъ царя Алексѣя Михайловича, посланъ въ Можайскъ и Вязьму приводить жителей ко кресту; здѣсь что то произошло, ибо въ томъ же году онъ былъ сосланъ почему то въ Сибирь. Въ 1649 году онъ былъ возвращенъ и пожалованъ въ бояре. Въ 1650 году посланъ усмирить мятежъ въ Новгородѣ и Псковѣ.

---

[1] Въ хозяйственныхъ бумагахъ Варвары Петровны Шереметевой ея рукой записано въ январѣ 1822 года: „Село Помогалово съ деревнями Володимерской губерніи, Вязниковскаго уѣзда. Оное селеніе на оброки, плотютъ 7500: ассигнаціями безъ лажу. Сверхъ онаго холста олленаго хорошева 500 аршинъ, сукна русскаго 200 аршинъ. Оный оброкъ плотютъ въ 3 срока: первый въ началѣ марта мѣсяца; должны доставлять 3000. Въ сентябрѣ мѣсяцѣ 1500. Въ декабрѣ, къ Рождеству Христову должны доставить холстину и сукно сполна и денегъ 3000“. Помогаловымъ Шереметевы владѣли до 70-хъ годовъ XIX столѣтія. Послѣ Варвары Петровны оно принадлежало старшему ея сыну Василію Сергеевичу Шереметеву. О Помогаловѣ Вар. Пав. Костромитинова передаетъ слѣдующее: „Село Помогалово Вязниковскаго уѣзда, Владимiской губерніи. Письма писали на Шую. Бабушка Варвара Петровна получала оброкъ медяками полотнами и возами клюквы. Василій Сергѣевичъ отъ клюквы отказался и возили оброкъ только мѣдяками и полотномъ, потомъ ассигнаціями. О Помогаловѣ совсѣмъ не говорили. Два раза въ годъ присылали оброкъ. Когда Василій Сергѣевичъ скончался, въ Москву явился староста и привезъ собранные 300 съ чѣмъ то рублей. Помогалово было продано. Купилъ частью сосѣдъ Самсоновъ, частью крестьяне и еще кто то. Священникъ и крестьяне села Помогалова и другихъ деревень послѣ смерти Василія Сергѣевича писали и просили не продавать Помогалова, а оставить за собой“.

[2] Архивъ Моск. Двор. Депут. Собранія, 1793 годъ № 95. Копія справки о службахъ Хованскихъ.

Удачное усмиреніе мятежа было его выдающейся заслугой. Вотъ въ нѣсколькихъ словахъ описаніе его дѣйствій. Посланъ онъ былъ въ Новгородъ съ небольшимъ отрядомъ и дорогой получилъ письмо, что въ Новгородѣ его ожидаютъ, „а встрѣчать хотятъ съ хлѣбомъ и солью“; что новгородскій митрополитъ Никонъ и окольничій князь Хилковъ пускаютъ въ міръ словесную рѣчь, будто бы онъ „идетъ въ Велій Новгородъ по ихъ отпискамъ, православныхъ христіанъ вѣшать и пластать безъ сыску и безъ очныхъ ставокъ и тѣми рѣчами въ міру чинятъ великое сумнѣніе и смуту“; въ письмѣ была высказана просьба, чтобъ онъ съ новгородцами обошелся милостиво.

Вскорѣ 15 апрѣля пришелъ князю Ивану Никитичу царскій указъ въ Новгородъ не ходить, а стоять у Спаса на Хутынѣ, сбирая ратныхъ людей; около города поставить заставы, никаго не пропускать, а къ Новгородцамъ посылать уговаривая покориться. Новгородцы однако этого не особенно желали. Между тѣмъ посадскій человѣкъ, сапожникъ Елисейка Григорьевъ, прозвищемъ Лисица, говорилъ по городу: „мы боярина князя Хованскаго въ городъ не пустимъ, а ссли какая немѣра будетъ, то мы, взявши знамена и барабаны, пойдемъ всѣ во Псковъ“.

Царь въ отвѣтъ на челобитную 17 апрѣля отвѣчалъ Новгородцамъ: „и вы бы вины свои принесли и заводчиковъ всѣхъ отдали боярину нашему, князю Хованскому“; но уже 20 апрѣля, получена была въ Москвѣ грамота отъ Хованскаго, что Новгородцы покорились. Приступивъ къ розыску, князь Иванъ Никитичъ хотѣлъ устроить тюрьму и посадить туда всѣхъ оговоренныхъ, но къ Никону въ соборную церковь пришли съ женами и дѣтьми стрѣльцы и били челомъ, чтобы ихъ въ тюрьму не сажать, а дать бы имъ наказаніе, кто чего достоинъ, да и отпустить. Никонъ послалъ за Хованскимъ и сказалъ ему: „прислана государева грамота, велѣно тебѣ со мною государево дѣло вѣдать; такъ моя мысль, что надобно исполнить просьбу стрѣлецкую“. Хованской согласился и большинство оговоренныхъ было отдано на поруки.

Въ Москвѣ однако были недовольны медленностію боярина. Узнавъ объ этомъ, Никонъ писалъ государю: „Вѣдомо мнѣ учинились, что прислана твоя государева грамота къ твоему боярину князю Ивану Никитичу Хованскому, а въ ней написано, что бояринъ твоимъ государевъ дѣломъ промышляетъ мѣшкотно; и твой государевъ бояринъ твоимъ дѣломъ радѣетъ и промышляетъ неоплошно, да и я ему говорилъ, чтобъ тѣмъ дѣломъ промышлялъ не вскорѣ, съ большимъ разсмотрѣніемъ, чтобъ твое дѣло всякое

сыскалось впрямь; вскорѣ было такое великаго дѣла сыскать нельзя, а здѣсь, государь, приходитъ дѣло въ совершенье работою боярина князя Ивана Никитича Хованскаго и работалъ онъ тебѣ тихимъ обычаемъ, не вдругъ, чтобъ не ожесточились; а что промедлилось и въ томъ твоему государству дѣлу порухи нѣтъ: худые всякихъ чиновъ люди въ сыску, а мѣшкалось дѣло и для Пскова". Царь Алексѣй Михайловичъ удовлетворился дѣйствіями князя Ивана Никитича и вскорѣ писалъ архіепископу Макарію, что Новгородцы Никона поведеніемъ и князя Хованскаго службою „въ познаніе пришли".

Покончивъ столь удачно въ Новгородѣ Хованскій пошелъ на Псковъ; но здѣсь дѣло оказалось труднѣе, ибо Псковичи проявили упорное сопротивленіе. Едва Хованской приблизился къ Пскову, его немедленно встрѣтили стрѣльбою „изъ большаго наряда". Онъ запретилъ своимъ биться съ Псковичами и отвѣту имъ не было, но Псковичи напали на обозъ и захватили даже телѣги съ вещами самого Хованскаго. Тогда князь Иванъ Никитичъ сталъ на Снятной горѣ и писалъ государю, что у него людей мало, осадить городъ и ворота отнять нѣкѣмъ. Попытки увѣщанія Псковичей покориться не имѣли успѣха; они кричали, что Хованской Великій Новгородъ обманомъ взялъ и грозили: „мы его въ котлѣ сваримъ, да будемъ ѣсть!" Тогда князь Хованской приступилъ къ рѣшительнымъ дѣйствіямъ, велѣлъ дѣлать мостъ подъ Снятной горой черезъ рѣку Великую, чтобъ заступить засады и дороги, но и тутъ Псковичи стали стрѣлять по таборамъ, не давая наводить моста. Тогда князь Иванъ Никитичъ снова пожаловался въ Москву, что Псковичи надъ убитыми его ратными людьми ругаются, „какъ и звѣрь не дѣлаетъ" и писалъ: „вылазки, государь и бои ежедневно", а запасовъ мало, до того мало, что „дѣти боярскія мелкія, казаки, стрѣльцы и въ постные дни мясо ѣдятъ". Псковичи все не сдавались.

Въ Москву шли одни дурныя вѣсти. Царь указалъ тогда 26 іюля быть собору „о псковскомъ воровскомъ заводѣ", а на соборѣ быть боярамъ, окольничимъ и прочимъ людямъ и изъ городовъ дворянамъ и дѣтямъ боярскимъ, московскимъ гостямъ, гостинныя суконныя и черныхъ сотенъ торговымъ людямъ и стрѣльцамъ. На соборѣ разсказали все поведеніе Псковичей, какъ они разоряютъ дома дворянъ и дѣтей боярскихъ, женъ и дѣтей ихъ побиваютъ и надъ дворянами ругаются: „груди вспарываютъ и горла прорѣзавъ, языки вытаскиваютъ и въ Шелонскую пятину приходятъ и помѣщиковъ убиваютъ..." Что рѣшилъ соборъ не извѣстно, но военныя дѣйствія подъ Псковомъ продолжались и послѣ со-

бора; наконецъ 12 іюля Псковичи сдѣлали сильную вылазку, ввязались въ бой, но были отбиты. Только въ серединѣ августа мятежные псковичи сдались, заявивъ, что они вины свои приносятъ готовы государю крестъ цѣловать. Такъ удалось Ивану Никитичу удачно прекратить эти два бунта, почти не прибѣгая къ силѣ, за что онъ получилъ шубу бархатную золотую, да кубокъ.

Въ 1652 году онъ былъ посланъ съ Никономъ въ Соловки за мощами митрополита Филиппа и писалъ оттуда царю жалуясь, что Никонъ „заставляетъ ежедневно съ нимъ быть у правилъ“. Письмо это вызвало извѣстный отвѣтъ царя Алексѣя Михайловича Никону, что нельзя „насильно заставить вѣровать“. Въ 1654 году князь Иванъ Никитичъ идетъ въ походъ съ царемъ противъ поляковъ, равно участвуетъ въ штурмахъ Смоленска, а послѣ его взятія въ 1655 году, остается тамъ воеводой. Въ 1660 году онъ разбиваетъ поляковъ подъ Мальчами. Князь П. Долгоруковъ говоритъ, что онъ скончался въ 1675 году; Холмогоровъ же утверждаетъ, что онъ скончался въ 1658 году, но это совершенно не вѣрно, равно какъ его утвержденіе, что онъ былъ женатъ на княжнѣ Марьѣ Михайловнѣ Пожарской, ибо онъ очевидно смѣшалъ жену его съ матерью. У него было два сына и оба были боярами, князь Петръ Ивановичъ и князь Иванъ Ивановичъ. Еще въ 1629 году князю Ивану Никитичу было пожаловано лежащее на рѣкѣ Яузѣ село Леоново, упоминающееся въ XVI вѣкѣ какъ пустошь дворцоваго села Тайнинскаго приселка Свиблова. Въ 1635 году въ Патріаршихъ книгахъ упоминается „церковь Положенія ризы Пресвятой Богородицы въ вотчинѣ князя Ивана Никитича Хованскаго, въ селѣ Леоновѣ у рѣчки у Яузы“.

Оба сына его выдѣляются и о нихъ сохранилось много свѣдѣній. Старшій, князь Петръ, въ отличіе отъ своего троюроднаго брата, тоже Петра Ивановича, назывался меньшимъ, а князь Б. И. Куракинъ говоритъ, что его произвище было „Змѣй“ [1]. Въ 1671 и 1672 годахъ онъ упоминается стольникомъ и воеводой въ Тамбовѣ [2]. Царь Ѳедоръ Алексѣевичъ 14 февраля 1679 года указалъ ему быть въ большомъ полку въ товарищахъ у князя Михаила Алегуковича Черкасскаго; въ это время онъ уже бояринъ. Въ маѣ того же года князю Мих. Ал. Черкасскому вмѣстѣ съ нимъ велѣно быть на „службѣ въ малороссійскихъ городахъ для береженія Богоспасаемаго града Кіева и иныхъ городовъ отъ прихода турскаго султана съ войсками и крымскаго хана съ орда-

[1] Архивъ князя Куракина, т. I, 306.

[2] Проток. и докл. Сената V, кн. 2. стр. 871.

ми“ [1]. Здѣсь 17 іюня его смѣняетъ въ товарищахъ Бор. Петръ Шереметевъ назначенный „на князь Петрово мѣсто Ивановича Хованскаго“ [2], а Петръ Ивановичъ 22 іюня участвуетъ въ ходу въ село Воробьево, а на слѣдующій день въ ходу изъ Успенскаго собора за св. иконами и честными кресты въ Стрѣтенскій монастырь [3]; 9 сентября идетъ за государемъ въ село Алексѣевское [4]; это не могъ быть другой Петръ Ивановичъ, сынъ Тараруя, ибо въ то время тотъ находился воеводой на Двинѣ. Съ 1682 года онъ изчезаетъ, вѣроятно будучи сосланъ въ свои деревни, равно какъ и его братъ. Къ нимъ обоимъ перешло село Леоново, какъ объ этомъ, по словамъ Холмогорова, упоминается въ документѣ отъ 1671 года; слѣдовательно, если это сообщеніе вѣрно, отецъ ихъ умеръ до 1671 года. Въ 1678 году въ Леоновѣ было „два двора помѣщичьихъ“ [5]. Въ томъ же году упоминается другая вотчина обоихъ братьевъ Хованскихъ, деревня Кузяево на рѣчкѣ Черменкѣ, приселокъ села Бѣлый Растъ, въ которомъ въ 1678 году было четыре двора, а въ нихъ 26 человѣкъ; въ 1704 году 11 дворовъ, а въ нихъ 43 человѣка [6].

Въ 1687 году князь Петръ Ивановичъ женился вторымъ бракомъ на Аннѣ Кондратьевнѣ Загряжской, сестрѣ стольника и помѣщика Бѣжецкой пятины, Союза Кондратьевича Загряжскаго. Особенна интересна сохранившая рядная запись приданаго невѣсты: „кузни и низанья и платья и всякой рухляди“. Передъ росписью помѣчено: „а замужъ бы шла“ [7]. Въ виду того, что рядная эта схоронена въ одномъ изъ старыхъ выпусковъ извѣстій Археологическаго общества, передать весьма любопытное содержаніе ея далеко не безполезно. Вотъ это приданое. Прежде всего образа „въ киотѣ и безъ киотъ“; ихъ всѣхъ четырнадцать: Образъ Спасовъ въ полномъ дѣйсусе съ праздники и съ пророки и съ праотцы на трехъ цкахъ имянуемая церковь... Образъ Спасовъ риза золотая, въ кіотѣ серебряномъ, притворы золочены. Два образа Преображенія Спасова. Образъ Богородицы Одигитрія окладъ серебряной

---

[1] Русск. ист. библ. т. II, стр. 389.

[2] Id. 536.

[3] Дворц. Разр. IV, стр. 85 и 86.

[4] Id. 112.

[5] Холмогоровъ Родонежская десятина стр. 122—124.

[6] Холмогоровъ, Селецкая десятина стр. 145.

[7] Первая жена его, по словамъ П. Н. Петрова, была княжна Ирина Григорьевна Козловская. По словамъ же Холмогорова А. К. Загряжская была замужемъ за княземъ Хованскимъ вторымъ бракомъ, а первый мужъ ея будто бы былъ Ив. Ѳ. Погожевъ, на рядная запись это опровергаетъ, ибо она названа Загряжская.

рѣзной съ карунами, цата чеканная золочены, убрусъ и ожерельяцо низаны жемчугомъ. Два образа Казанской Божьей Матери. Образъ Рождества Богородицы. Два образа Николая Чудотворца, одинъ на кипарисѣ въ серебряномъ окладѣ, другой съ финифтью. Образъ Филиппа митрополита. Образъ Козмы и Демьяна. Всѣ образа въ серебряныхъ окладахъ, одинъ въ золотомъ. Далѣе два креста и двѣ цѣпи; одинъ крестъ, золатъ съ яхонты и съ изумруды и съ зерны, чепь золотая 30 рублевъ, другой серебряной золоченъ и чепь серебряная золочена 2 рубли.

Нѣсколько головныхъ уборовъ, украшенныхъ драгоцѣнными камнями: одинъ должно быть былъ очень богатый: „шапка вершокъ низаной въ одно зерно, съ каменьемъ, съ яхонты и съ изумруды и съ лалы и съ запоны 500 рублевъ“; другая шапка, оцѣненная въ полтораста рублей „вершокъ низаной съ кастмю и съ каменьемъ съ яхонты и съ изумруды и съ лалы и запоны прорѣзной“; далѣе „вершокъ шапошной алтабасной, кружива жемчужныя низана во рефидъ 20 рублевъ“; двѣ ошивки, одна „низана жемчугомъ въ одно зерно съ яхонты и съ изумруды, сетка золота съ серебромъ“, другая „шита волоченымъ золотомъ и съ зерны серебряными“.

Три кокошника, одинъ „низаной по цке съ городы съ каменьемъ съ яхонты и съ изумруды и съ лалами пелепелы серебряные литыя золочены съ чернью 60 рублевъ“; два другихъ „кокошника низаны жемчугомъ“.

Два ожерельеца; одно „жемчужное, пугвицы яхонтовыя 50 рублевъ“, другое также жемчужное „жемчугъ скатной, пугвицы зерна бурмицкія 30 рублевъ“.

Два зарукавья, одно „низаное съ изумруды“, другое „низано жемчугомъ во рефидъ“. Четверо серегъ: серги одиночки съ изумруды съ зерна Бурмицкія на золотѣ 120 рублевъ, серги двойчатки“, серги „въ запонахъ каменья изумрудныя съ искрой съ яхонтовыми“; серги „запоны изумрудные и съ яхонты зерна Бурмицкія“.

Четырнадцать золотыхъ перстней: перстень „съ олмазомъ“, перстень „съ яхонтомъ червчатымъ и съ искры олмазными 50 рублевъ“, перстень „съ яхонтомъ лазоревымъ съ искры яхонтовыми черчатыя“, перстень „съ яхонтомъ лазоревымъ грановитъ былъ“, перстень „съ печатью яхонтовой“, перстень „изумрудной искры алмазныя“, перстень „съ искрой алмазною“, перстень „съ яхонтовою коркою“, перстень „съ искрою яхонтовою“, перстень „съ искроми съ яхонтовыми и съ изумрудными“ и еще три золотыхъ перстня.

Серебро заключало: судки серебряные, братина золоченая, кубокъ золоченъ, чарка медвеная, росольникъ золоченъ, пять стакановъ золочены, ковшъ золоченъ, два ковша серебряныхъ, солонка, три ложки, двѣ чарки винныхъ золочены, одна чарка „королковая оправлена серебромъ“, чарка „перелевтевая, оправлена серебромъ“, двѣ ложки „корольковыя стебли серебряные“. Тутъ же „часы боевые“.

Въ отдѣлѣ платья было семь шубъ и восемь тѣлогрѣй. Шуба „соболья, пластинчетая подъ золотыми объярями, кружевы серебряное съ городы, пугвицы серебряныя съ финифтью, золочены“, шуба „на пупкахъ собольихъ подъ луданомъ рудожолтымъ“, шуба „горностанья подъ алымъ отласомъ пугвицы коралковыя“, шуба „белья мехъ черевей подъ изорбавомъ цветнымъ“, шуба „белья мехъ хрептовый подъ цветною камкою“, шуба „белья мехъ черевей подъ луданомъ осиновымъ цветомъ, пугвицы хрустальныя“.

Тѣлогреи: тѣлогрѣя „объяринная“, тѣлогрѣя „объеринная червчатое, кружево серебряное кованное“, тѣлогрѣя „комка луданъ желтой цвѣтъ“, тѣлогрѣя „изорбавтная по шеморханской землѣ“ и другая такая-же „по алой землѣ“, тѣлогрѣя „атласная бѣлая пугвицы сердоликовыя“, тѣлогрѣя „атласная червчатая, кружева кушачетое“. Въ той же статьѣ платья „треухъ соболей, весь подъ атласомъ алымъ опушенъ соболями“.

Туалетъ невѣсты состоялъ изъ слѣдующихъ вещей: „ларецъ съ кузнью, а въ ларцѣ зеркола“; одно зеркало „большое покрыто бархатомъ планшы серебряныя съ каменьемъ золочены“, другое „серебряное и золочено“; отдѣльно еще зеркало „малое въ серебрѣ“. Кромѣ того „бѣлильница серебряная“, да „суремница низаная жемчугомъ“, да „двѣ боченки серебряныхъ“.

Особый отдѣлъ озаглавленъ „постеля“; здѣсь „перина пуховая въ тафтѣ, изголовья пуховая въ камкѣ луданъ рудожолтой“; двѣ подушки „пуховыя въ атласѣ“, „да одѣяло кунье, мѣхъ хребтовой, пластичный, подъ камкою рудомъ рудожелтой; загривокъ абъярь серебряной, опушено огоньками собольими“; два завѣса большой и меньшой; тутъ же башмаки одна пара: „бархатъ червчатой, шиты золотомъ и серебромъ“, да двои башмаки „бархатныя жъ алыя“ и еще „сафьянныя“.

Бѣлье положено въ особый сундукъ: „сундукъ съ бѣлымъ платьемъ, а въ немъ сорокъ сорочекъ кисейныхъ и полотняныхъ; семнадцать скатертей, десять простынь шитыхъ, пятьдесятъ полотенцевъ, тридцать платковъ кисейныхъ и рупковыхъ“.

Посуда: „суды мѣдныя и оловяные, што будетъ по расчету, а по сметѣ весомъ пять пудовъ“.

Особая статья подъ заглавіемъ „мыленнова“; здѣсь „лохань мѣдная, глаткая, кунчанъ медной, рукомойникъ медной же, два таза медныхъ“.

Въ числѣ „конской рухляди“ перечислены: „арчанъ голой, безъ снасти, оправленъ серебромъ и чернью. Огибы и койма серебряныя, золочены“; далѣе „узда серебряная съ пахвями и съ поперстью съ чернью на турское дѣло, местами золочена, а по местомъ искры яхонтовыя и изумрудныя на зеленой тесмѣ, лысина цка серебряная съ запоны золочены“; другая узда „такимъ же дѣломъ одна безъ поперсти съ пахвями не набрана и безъ лысины“; да „мунштукъ серебряной съ поперстью, золоченъ, на красной тесмѣ“; здѣсь же: „сулеца полоса железа красная оправлена серебромъ и золочена“, да „черень рысьи местами с настьми буйволовыми“.

Даны также въ приданое „карета съ дышломъ и съ шоры“ и „два возника“.

Изъ помѣстій на долю невѣсты пришлось: „въ Углицкомъ уѣздѣ въ селѣ Рожаловѣ и деревняхъ 45 дворовъ крестьянъ; въ Ярославскомъ уѣздѣ въ деревнѣ Сапенинѣ 4 двора; въ Ржевскомъ въ деревнѣ Тростинѣ 8 дворовъ, да въ Углицкомъ уѣздѣ вотчина Дмитровка безъ крестьянъ а въ ней 7 пустошей, а въ дачахъ усадьба и пустоши 180 четвертей въ полѣ а въ дву потожъ, а на той усадьбѣ Дмитровкѣ селятца дѣловыя люди кабальные 7 человѣкъ“.

Изъ служилыхъ людей достались: „два человѣка конюховъ, да третій человѣкъ поваръ“.

Кромѣ того, въ Московскомъ дворѣ и палатахъ и во всякомъ строеньѣ приходилась четвертая доля, а также и во дворѣ загородномъ, ибо данъ былъ еще особый „дворъ загородный“, что въ цѣнѣ будетъ въ нихъ 750 рублевъ; „да ярового хлѣба 1500 чети, да въ лошадяхъ и во всякой скотинѣ, въ коровахъ и въ овцахъ и въ свиньяхъ и въ козахъ и въ судахъ винныхъ въ котлахъ и въ кубахъ и во тшанахъ по росписи будетъ на триста рублевъ“.

Въ заключеніе помѣчены вещи „што взяла княгиня изъ опчего всякой рухляди и книгъ“. Было взято: „двѣнадцать миней месячныхъ, прологъ половина сентябрская, уставъ“. Кромѣ того изъ „судовъ серебряныхъ двѣ тарелки“. Да „сабля волна булатная“, „шкатула колга морская“; „передача, Юшманъ булатной съ мисюркою“. Здѣсь же записано: „окольничему князю Ѳедору Волконскому седло оправное съ войлуки и съ платомъ, рукавники 12 пуг-

вицъ опаловыхъ", да: „Колокольцову ковтанъ лисей подъ камкою, цѣпи поводныя, платъ шитой, шуба комчатая, луданная бѣлья"; да „ковтанъ Василью Чихочёву суконной маковой лисей черевей", да „вершокъ низаной, Щербатой княгини". Кромѣ того взято было еще изъ книгъ: „евангелія, двѣ тріоди, два охтоя, библея, псалтырь съ следованіемъ, псалтырь учебной. Новый Завѣтъ, псалтырь маленкой письменная, часовникъ, требникъ, уложенная и степенная письменная". Изъ посуды еще было взято: 14 блюдъ, 18 тарелокъ, 9 сковородокъ, 4 оловяника, 2 четвертинки, ендова большая, двое горшечковъ, два шендана, одинъ маленкой. Да кромѣ того: „колесная меленка, передъ оной лохань медная, меншая". Таково приданое княгини Анны Кондратьевны Хованской [1].

Уже сказано, что послѣ 1682 года князь Петръ Ивановичъ уединенно вѣроятно жилъ въ своихъ деревняхъ. Историческія данныя свидѣтельствуютъ, что въ 1683 году онъ купилъ старую вотчину Сабуровыхъ, село Козьмодемянское, Московскаго уѣзда, Горетова стана; село Хованское-Козьмодемьянское, нынѣ Звенигородскаго уѣзда, а церковь приписана къ сосѣднему селу Никольскому-Надовражному [2]. Въ 1687 году, въ годъ свадьбы, онъ построилъ здѣсь деревянную церковь во имя Знаменія; по даннымъ видно, что въ вотчинѣ упоминается „церковь Космы и Даміана" [3], но въ настоящее время сохранилась только перестроенная церковь Знаменія въ саду усадьбы; по словамъ одного старика подъ олтаремъ церкви похороненъ „строитель князь Хованской". Надъ жертвенникомъ замѣчательнаго письма древній деисусъ [3]).

Когда насталъ 1689 годъ, управленію царевны Софьи и князя В. В. Голицына пришелъ конецъ, ибо, по выраженію князя Б. И. Куракина, „сія принцеса ума великаго", принуждена была смирится передъ братомъ, который послѣ второго стрѣлецкаго бунта, писалъ царю Іоанну: „а третьему зазорному лицу, сестрѣ нашей, царевнѣ Софьѣ Алексѣевнѣ, съ нашими двѣмя мужскими особами въ титлахъ и въ расправѣ дѣлъ быти не позволяемъ". Царевна была заключена въ Новодѣвичій монастырь, князь Вас. Вас. Голицынъ лишенъ боярства и имѣній и вмѣстѣ съ сыномъ своимъ Алексѣемъ 11 сентября сосланъ въ Яренскъ.

Тяжелыя времена для Хованскихъ миновали. Весьма знаменательно, что нигдѣ до толѣ не появлявшіеся, они вскорѣ вновь

---

[1] Списокъ съ росписи приданаго Анны Кондр. Загряжской. Доставленъ кн. П. А. Путятинымъ. Изв. Рус. Арх. Общ. X, вып. I, с. 27—33.

[2] Холмогоровъ, Загородск. десятина, с. 68—69.

[3] Село зовется въ народѣ однимъ именемъ „Хованское". Мѣсто запущенное: въ саду у пруда много старыхъ пихтъ. По словамъ крестьянъ „мѣсто столбовое, прославленное". Отъ ст. Крюково Николаевской ж. д. 12 верстъ.

всплываютъ на арену дворцовой жизни. Съ 1690 года рѣдкое дворцовое и церковное торжество не обходится безъ ихъ участія. Дворцовыя разряды, о нихъ доселѣ молчавшіе, теперь ими переполнены. Въ первый разъ имя Хованскихъ встрѣчается 28 іюля 1690 года. Упоминается 3 апрѣля 1692 года князь Петръ Ивановичъ: „сказывалъ въ бояре къ Трубецкому“; но который это изъ двухъ Петровъ Ивановичей, не ясно. Помѣчено „бояринъ“, но въ то время оба они были бояре. Въ слѣдующіе годы упоминаются больше всего Петръ Ивановичъ и Иванъ Ивановичъ и оба пишутся боярами, но такъ какъ было два Петра Ивановича и два Ивана Ивановича, то очень трудно опредѣлить, которые изъ нихъ участвовали въ тѣхъ или иныхъ обычныхъ торжествахъ. Въ 1693 году 12 января князь Петръ Ивановичъ, сынъ Ивана Никитича, получилъ назначеніе: великіе государи указали ему быть въ Кіевѣ воеводой на мѣсто князя Луки Ѳед. Долгорукова; это несомнѣнно меньшой князь Петръ Ивановичъ, ибо вслѣдъ затѣмъ было сказано быть съ нимъ въ товарищахъ въ Кіевѣ сыну его Алексѣю [1].

Въ 1696 году, когда братъ государевъ царь Іоаннъ Алексѣевичъ скончался, въ числѣ наряженныхъ у гроба находились: въ четвертый день бояринъ князь Петръ Ивановичъ Хованской, это вѣроятно большой и стольники: князь Иванъ меньшой Ивановичъ Хованской и князь Андрей княжъ Петровъ сынъ Хованской. Въ одиннадцатый день бояринъ князь Петръ Ивановичъ Хованской, это вѣроятно меньшой и въ двѣнадцатый день боярин князь Иванъ Ивановичъ Хованской; 1 сентября того же 1696 года упоминается Петръ Ивановичъ съ обозначеніемъ „большой“. Чаще всего участвовали Хованскіе въ разныхъ крестныхъ ходахъ, или будучи посылаемы за иконами въ Чудовъ, въ Срѣтенскій, или съ патріархомъ, бывали въ соборѣ у дѣйства, или въ церквахъ напр., у Покрова, у Происхожденія честнаго Креста, или были наряжаемы по Кремлю и по Китаю. Всего съ 1690 по 1700 годъ имя Хованскихъ встрѣчается болѣе пятидесяти разъ. Ясно отсюда, что Петръ благоволилъ къ нимъ, между тѣмъ извѣстно, какъ онъ отнесся впослѣдствіи къ Ив. Мих. Милославскому — приказалъ черезъ нѣсколько лѣтъ послѣ его смерти вырыть гробъ его и на свиньяхъ провести по Преображенскому.

Когда въ 1696 году образовались кумпанство кораблей, въ нихъ приняли участіе и князья Хованскіе. Въ спискѣ участниковъ упоминаются: князь Петръ Ивановичъ, у него 461 дворъ,

---

[1] Дворцовые разряды т. 4, стр. 751 и 754.

у другого князя Петра Ивановича 153 двора; здѣсь же записана вдова княгиня Настасья Львовна Хованская, 210 дворовъ [1], также князь Ѳедоръ Семеновичъ Хованской внукъ старшаго брата Тараруя, князя Григорья Андреевича, сынъ князя Сем. Григ. Косого. Въ спискахъ кораблей, выстроенныхъ на Воронежской верфи, есть корабль одного изъ П. И. Хованскихъ по имени „Стулъ“.

Въ томъ же 1696 году 8 декабря бояринъ П. И. Хованской былъ назначенъ на воеводство въ Кіевъ; это Петръ Ивановичъ большой, ибо меньшой его тезка уже былъ на воеводствѣ въ Кіевѣ въ 1693 году.

Въ первыхъ годахъ XVIII столѣтія князь Петръ Ивановичъ меньшой Хованской продолжаетъ пользоваться расположеніемъ Царя. Въ 1705 году онъ посланъ съ войскомъ въ помощь Б. П. Шереметеву для усмиренія Астраханскаго бунта; о немъ 18 марта 1706 года Б. П. Шереметевъ писалъ Головину: „естлибъ не поспѣшилъ, конечно Астрахань разорена была....., а Хованскаго ни во что ставили и еще бы съ тово выросло, есть ли бы онъ пришолъ и Астраханцы объ немъ инако разсуждали, о чемъ ваша милость сами изволишь выразумѣть“. По усмиренію бунта и по отъѣздѣ Б. П. Шереметева Хованской однако былъ назначенъ въ Астрахань воеводой.

Затѣмъ Петръ поручилъ ему усмирить вспыхнувшій въ 1707 году Башкирскій бунтъ и 22 февраля 1708 года князь Петръ Ивановичъ выступилъ изъ Казани. Придя на мѣсто, онъ вступилъ въ переговоры съ башкирами, которыхъ ему удалось удачно склонить къ миру. Вслѣдъ затѣмъ ему пришлось усмирять волненія продолжавшагося Булавинскаго бунта. Петръ велѣлъ ему искоренять городки по притокамъ Дона, гдѣ засѣла голытьба. Князь Петръ Ивановичъ пришелъ Волгою изъ Казани и перешелъ на Донскіе притоки; товарищъ же его Дмитріевъ-Мамоновъ, а также Колмыковъ, настигли казаковъ, бывшихъ въ числѣ 4000 съ большимъ обозомъ и разбили ихъ; поэтому случаю князь Петръ Ивановичъ писалъ Царю: „была баталія съ ними великая и никогда я не помню, чтобъ казаки такъ крѣпко стояли“. Онъ выжегъ 8 городковъ и 39 городковъ добили челомъ и приведены были къ присягѣ [2].

Въ документахъ упоминается „карла“ князя Петра Ивановича. Когда была свадьба Екима Волкова, то государь приказалъ князю Ѳед. Юр. Романовскому собрать на Москвѣ всѣхъ карликовъ и

---

[1] Исторія Русскаго флота, I, стр. 185, 191.

[2] Соловьевъ, т. XV, с. 1570 и 1947.

выслать ихъ въ Петербургъ; въ росписи карламъ, которые на Москвѣ, у князь Петра Хованскаго показанъ одинъ „карла“ [1]. Домъ князя Петра Ивановича былъ въ приходѣ церкви Введенія Пресвятыя Богородицы, что на Срѣтенкѣ: въ приходѣ этой церкви находилось тринадцать дворовъ, въ числѣ коихъ по росписи 1716 года былъ и дворъ „боярыни вдовы княгини Анны Кондратьевны Хованской“ [2].

Князь Петръ Ивановичъ скончался въ томъ же 1716 году. У него было три сына: князь Алексѣй, князь Андрей и князь Василій и четыре дочери княжна Анастасія, княжна Прасковья, княжна Аграфена и княжна Анна.

Не смотря на видимое расположеніе Петра Великаго къ Хованскимъ, печально сложилась судьба другого сына боярина Ивана Никитича, князя Ивана Ивановича Хованскаго, проявившаго вражду къ реформамъ Петра.

Вотъ нѣкоторыя о немъ свѣдѣнія: 25 іюля 1690 года одинъ князь Иванъ Ивановичъ Хованской участвовалъ въ крестномъ ходу на праздникъ Смоленской Божіей Матери; затѣмъ въ крестномъ ходу на Покровъ 1 октября 1691 года; въ третій разъ въ недѣлю православія 14 февраля 1692 года; этотъ разъ о немъ составилось цѣлое дѣло, сохранившееся на страницахъ Дворцовыхъ разрядовъ. Выше уже было высказано предположеніе, что протопопъ Аввакумъ упоминалъ объ одномъ князѣ Иванѣ Хованскомъ, называлъ его „маленькимъ“, но не говорилъ про князя Ивана Андреевича Тараруя „миленькій“ и что слова Аввакума относились къ одному изъ Ивановъ Ивановичей. Вѣрнѣе что это именно сынъ Ивана Никитича, а не тезка его, сосланный въ 1682 году на Лену. Объ этомъ дѣлѣ въ разрядахъ такъ записано:

„Въ нынѣшнемъ 200 году, февраля въ 14 день по указу Великихъ государей Царей и Великихъ князей Іоанно Алексѣевича, Петра Алексѣевича всеа Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи Самодержцевъ, въ соборной и апостольской церкви Успенія Превсятыя Богородицы у дѣйства православія велѣно быть: бояромъ князю Михаилу Яковлевичу Черкаскому, князю Ивану Ивановичу Хованскому, окольничему князю Василью Ѳедоровичю Жировому-Засѣкину, думному дворянину Григорью Семеновичю Супоневу, думному дьяку Михайлу Прокофьеву, и для того изъ Розряду посыланы къ нимъ на дворы подьячіе на 1 часу дня. И тѣмъ подьячимъ на дворехъ сказали: на дворѣ боярина князя Михайла

---

[1] Русск. Архивъ 1865, с. 665.

[2] Вѣдомость дворамъ находившимся въ Москвѣ 1716 года, Ч. И. О. И. Др.

Яковлевича Черкаскаго, что онъ у того дѣйства будетъ, а про то, вышедъ, у него сказалъ человѣкъ его, а того подьячаго онъ бояринъ передъ себя не ималъ. Окольничей, и думной дворянинъ и думной дьякъ сказали тѣмъ подьячимъ сами, что они у того дѣйства будутъ. А про боярина князя Ивана Ивановича Хованскаго сказалъ человѣкъ его, что онъ съѣхалъ въ городъ по утру рано. И послѣ того въ 3 часу дня посланы изъ Розряду къ нимъ же въ другой подьячіе же, чтобы они ѣхали въ верхъ тотчасъ и были у того дѣйства; а у боярина князя Ивана Ивановича Хованскаго, будетъ скажутъ, что дома нѣтъ, велѣно взять въ Розрядъ съ двора человѣка. И тѣмъ подьячимъ по другой посылкѣ на дворехъ ихъ сказали: боярина князь Михайла Яковлевича человѣкъ его, вышедъ отъ него, сказалъ что ему въ верхъ ѣхать и у дѣйства быть за болѣзнію не мочно; а того подьячаго передъ себя не ималъ. Окольничей князь Василей Ѳедоровичъ сказалъ самъ, что ему въ городъ ѣхать и у того дѣйства за болѣзнью быть не мочно, потому что онъ, пришедъ отъ обѣдни, лѣкарство принялъ. Боярина князя Ивана Ивановича сказали люди его, что онъ поѣхалъ для моленія въ Николаевской монастырь, что на Угрѣшѣ; и сказавъ, ушли и заперлись въ поварнѣ. И у того дѣйства бояре князь Михайло Яковлевичъ и князь Иванъ Ивановичъ и околничій князь Василей Ѳедоровичъ не были, а были вышеписанные думной дворянинъ и думной дьякъ. А бояринъ князь Иванъ Ивановичъ Хованской въ соборную церковь пришелъ послѣ дѣйства, во время службы божественные литоргіи. И по указу Великихъ Государей, посланъ къ нему боярину въ соборцерковь розрядной подьячей, чтобъ онъ сказалъ: для чего онъ у дѣйства не былъ и гдѣ то того дѣйства былъ. И онъ бояринъ тому подьячему отповѣди никакой не сказалъ и ничего не говорилъ. И послѣ того въ другой посланъ къ нему боярину розрядной же подьячей, чтобъ онъ шелъ въ верхъ, и онъ въ верхъ не пошелъ, и отповѣди никакой не сказалъ же и ничего не говорилъ же. Что это онъ, сынъ Ивана Никитича, извѣстный по дѣлу книгописца Талицкаго, видно изъ того, что онъ названъ боярином ъ, другой же Иванъ Ивановичъ, сынъ князя Ивана Андреевича Тарарую, сосланы на Лену, былъ стольникомъ [1].

Дѣло Талицкаго, по словамъ современника князя Б. И. Куракина, заключалось въ томъ, что „былъ одинъ дьячекъ или бы

[1] Въ кумпанствѣ кораблей 1696 года также участвовали оба князя Ивана Ивановичи Хованскіе; за однимъ написано 509 дворовъ, за другимъ 149. Ист. русскаго флота I, с. 191.

писецъ, Талицкой звался, которой сдѣлалъ пасквиль или книгу поносную Его Величества и Государству, и хотѣлъ напечатать. И сказывали про него, говоритъ Куракинъ, что гораздо человѣкъ былъ уменъ и читатель книгъ. И въ то время, по нѣкоторомъ долгомъ времени держанъ и четвертованъ. А прежде былъ сдѣланъ столбъ на площади, на которомъ онъ сидѣлъ и его курили, и потомъ снявъ четверовали, также и другихъ товарищевъ". Талицкому сочувствовалъ Тамбовскій архіерей: „въ томъ же ему согласникъ былъ архіерей Тамбовской, пишетъ Куракинъ, и съ того санъ архіерейскій сняли и послали въ заключеніе; а снимали всѣмъ соборомъ" [1]. Въ другомъ мѣстѣ своихъ записокъ князь Куракинъ вновь упоминаетъ о дѣлѣ: „славнаго противника къ имени Царскаго Величества Талецкаго, который написалъ великія книги противъ Его Величества". Привлеченный къ допросу, Талицкій между прочимъ показалъ на князя Ив. Ив. Хованскаго.

Въ дѣлахъ Преображенскаго приказа сохранилось о немъ дѣло. Вотъ подробности изъ книги Есипова: „бояринъ князь Иванъ княжъ Ивановъ сынъ Хованской, на котораго Гришка Талицкой показалъ: на Троицкомъ подворьѣ что въ Кремлѣ говорилъ ему Гришкѣ оной боярин Хованской бороды-де брѣютъ, какъ-де у меня бороду выбрѣютъ, что мнѣ дѣлать? И онъ де Гришка ему князь Ивану молвилъ: какъ де ты знаешь, такъ и дѣлай. Да послѣ-де того онъ же Гришка былъ у него князь Ивана въ дому, и онъ-де князь Иванъ говорилъ ему Гришкѣ: Богъ-де далъ было мнѣ вѣнецъ, да я потералъ, имали-де меня въ Преображенское и на генеральномъ дворѣ Минита Зотовъ ставилъ меня въ митрополиты, и дали-де мнѣ для отрѣченія столбецъ, и потому-де письму я отрицался, а во отрѣченіи спрашивали вмѣсто вѣруешь-ли, пьешь-ли, и тѣмъ-де своимъ отрѣченіемъ я себя и пуще бороды погубилъ, что не спорилъ, и лучше-де было мнѣ мученія принять, нежели было таковое отрѣченіе чинить. А князь Иванъ Хованской сперва въ распросѣ говорилъ: тѣ-де слова онъ Князь Иванъ ему Гришкѣ говорилъ, для того, что онъ Гришка его Князь Ивана словами своими обольстилъ. А послѣ того онъ же князь Иванъ въ распросѣ-жъ и съ нимъ Гришкою въ застенкѣ на очной ставкѣ и съ подъему говорилъ: теми-де словами онъ Гришка его князь Ивана поклѣпалъ напрасно, за то говорилъ ему князь Ивану онъ Гришка о дьяконѣ, который жилъ въ селѣ Горяхъ, чтобъ его поставить въ вотчину его князь Иванову въ

---

[1] Архивъ князя Ѳ. А. Куракина, ред. Семевскаго кн. I, 1890 г. стр. 262.
[2] Id. стр. 266.

село Ильинское въ попы и онъ-де ему въ томъ отказалъ. А что-де онъ князь Иванъ сперва въ распросѣ противъ тѣхъ Гришкиныхъ словъ винился, и то онъ сказалъ, на себя напрасно въ торопяхъ. А Гришка говорилъ о томъ-де діаконѣ, чтобъ ему быть въ вотчинѣ его въ селѣ Ильинскомъ въ попахъ, говорилъ и онъ-де его не принялъ и вышеписанными словами онъ Гришка на него князь Ивана за того діакона не поклепалъ и говорилъ на него князь Ивана, точно онъ него князь Ивана слышалъ. И означенный князь Иванъ будучи подъ карауломъ умеръ“ [1].

Скончался онъ въ 1701 году. Въ нашемъ архивѣ на Фонтанкѣ нашелся документъ о его московскомъ дворѣ, озаглавленный „данная на Хованской дворъ“, изъ котораго видно, что дворъ его былъ на Никольской улицѣ и что послѣ смерти князя Ивана Ивановича дѣло о его дворѣ было возбуждено родственниками его Салтыковыми; что князь Иванъ Ивановичъ владѣлъ этимъ дворомъ по данной боярина Петра Михайловича Салтыкова, который приходился ему дядей. Изъ данной видно, дворъ этотъ въ 1639 году принадлежалъ Борису Мих. Салтыкову и что Петръ Михайловичъ Салтыковъ далъ дворъ свой „племяннику“ своему князю И. И. Хованскому въ пожизненное владѣніе; что дворъ этотъ въ длину имѣлъ $34^1/_2$ сажени, а въ ширину 27 саженей. Почему приходился онъ ему дядей, свѣдѣній не отыскалось, равно не ясно, почему данная находится въ нашемъ архивѣ; можетъ быть по графинѣ Аннѣ Петровнѣ Шереметевой, урожденной Салтыковой [2].

„Лѣта 1701 апрѣля въ 10 день по указу великаго государя и царя и великаго князя Петра Алексѣевича всеа великія и малыя и бѣлыя Россіи самодержца бояринъ князь Иванъ Борисовичъ Троекуровъ съ товарищи дали выпись боярину Алексѣю Петровичу да племянникомъ ево стольникомъ Василье да Алексѣю Федоровымъ детямъ, Александру да Михаилу Петровымъ детямъ Салтыковымъ на дворъ боярина князя Ивана Ивановича Хованскаго, что владѣлъ онъ по данной боярина Петра Михайловича Салтыкова [3], а тотъ дворъ в Китаѣ городѣ на Никольской улицѣ,

---

[1] Есиповъ, Раскольничьи дѣла XVIII столѣтія, изданіе Кожанчикова 1861 года стр. 68-69.

[2] На грамотѣ № 075.

[3] Бояринъ Петръ Мих. Салтыковъ, другъ царя Алексѣя Михайловича и сынъ Мих. Мих. Салтыкова, извѣстнаго по дѣлу Хлоповой. У него было трое сыновей: Ѳедоръ, Алексѣй и Петръ. Послѣдній Петръ Петровичъ, отецъ Анны Петровны, жена фельдмаршала графа Бор. Петр. Шереметева. Братъ ея Мих.

в приходѣ у церкви Живоначальные Троицы, что словетъ на старыхъ поляхъ [1]. По тому в нынешнемъ 1701 годе марта въ 27 числѣ били челомъ великому государю царю и великому князю Петру Алексѣевичу всеа великія и малыя и бѣлыя Россіи самодержцу они, бояринъ Алексѣй Петровичъ и Василій и Алексѣй Федоровы дети, Александръ да Михаилъ Петровичи дети Салтыковы, а в челобитной ихъ написано: в прошлыхъ годѣхъ отецъ ево боярина Алексѣя Петровича, бояринъ Петръ Михайловичъ Салтыковъ, а ихъ Васильевъ и Алексѣевъ и Александровъ Михайловъ дѣдъ, далъ дворъ свой в Китае городѣ на Никольской улицѣ у Троицы что в поляхъ, боярину князю Ивану Ивановичу Хованскому в пожить по ево вѣкъ и нынѣ де онъ бояринъ князь Иванъ Ивановъ умрѣ и великіи государь пожаловал бы ихъ велелъ тотъ дворъ записать за ними.

А у выписи въ стрѣлецкомъ приказѣ боярина Алексѣя Петровича Салтыкова человѣкъ ево, который за дѣлы ходитъ Лука Дубровинъ сказалъ, о которомъ дворѣ бьютъ челомъ великому государю бояринъ Алексѣй Петровичъ съ племянники своими и тотъ де дворъ в писцовыхъ книгахъ 147 года [1639] написанъ, боярина Алексѣя Петровича за дѣдомъ, а племянниковъ его за прадѣдомъ за бояриномъ Борисомъ Михайловичемъ Салтыковымъ и на томъ дворѣ жилъ на время бояринъ князь Иванъ Ивановичъ Хованской по смерть свою по данной боярина Петра Михайловича Салтыкова 184 года [1676] и та даная была у него боярина князя Ивана Ивановича. Къ той сказкѣ Лука Дубровинъ руку приложилъ. И по той скаскѣ въ стрѣлецкомъ приказѣ выписаны вписцовой книгѣ Китая города прошлого 147-го году написано: дворъ боярина Бориса Михайловича Салтыкова в длину до городовые стены тридцать четыре сажени съ полусаженью а поперекъ двацать семь сажень в писцовой же китайской книгѣ прошлого 192-го [1684] году писма и мѣры Михайла Вырубова да дьяка Пимена Панова написано: дворъ боярина князя Ивана Ивановича Хованскаго, а в писцовыхъ книгахъ 147-го году написанъ тотъ дворъ боярина Бориса Михайловича Салтыкова в

Петр. Салтыковъ былъ женатъ на графинѣ Екат. Мих. Шереметевой, дочери графа Михаила Борисовича. Другіе сыновья Петра Мих. Салтыкова, Ѳедоръ Петровичъ имѣлъ сыновей упоминаемыхъ въ данной Василья и Алексѣя; Алексѣй же Петровичъ, возбудившій дѣло, былъ бездѣтенъ.

[1] Слова „у церкви“ вызываютъ предположеніе, не есть ли это нынѣшній Третьяковскій проѣздъ, или домъ Феррейна рядомъ съ церковью Троицы въ Поляхъ?

причтъ у церкви живоначальныя Троицы, что на старыхъ поляхъ, в мѣжахъ подлѣ двора боярини вдовы княгини Настасьи Львовны Воротынской, а по другую сторону дворъ дьяка Федоровы жены Посникова вдовы Татьяны [1]; в длину отъ воротъ по двору до церковнаго кладбища по задней полатой уголъ дватцать три сажени с полусаженью, поперекъ по воротамъ отъ двора дьяка Федоровы жены Посникова до двора боярыни вдовы княгини Настасьи Львовны двадцать девять сажень съ полусаженью, дробныхъ шесть сотъ девяносто три сажени с полъ саженью, а владеетъ онъ бояринъ князь Иванъ Ивановичъ тѣмъ дворомъ по данной боярина Петра Михайловича Салтыкова за ево рукою 184 [1676] году. И противъ писцовыхъ книгъ 147 году недомѣрено в подлинникѣ шти саженъ с полусаженью, а в поперечникѣ примѣрено две сажени с полусаженью, а в писцовомъ китайскомъ столпу тогожъ 192-го году, которые крѣпости на дворы свои подали имъ писцомъ Михайлу Вырубову да дьяку Пимену Панову и с тѣхъ крѣпостей взяты списки, а в списку написано: бояринъ Петръ Михайловичъ Салтыковъ далъ данную племяннику своему столнику князю Ивану Ивановичу Хованскому за дворъ свой купленой въ китае городѣ в приходѣ церкви живоначальные Троицы, что в поляхъ, а на томъ дворѣ церковь Пречистой богородицы одегитріе, каменная с предѣлы да строенія полаты и погребы каменные и со всѣмъ строеніемъ мѣрою того ево дворового мѣста длиннику и поперечнику по старымъ мѣжамъ и по писцовымъ книгамъ, а владѣть тѣмъ дворомъ ему племяннику ево князю Ивану Ивановичу по смерти свою, а буде онъ женитца и у него будутъ дѣти и тѣмъ дворомъ владѣть дѣтямъ ево и внучатомъ потому жъ и послѣ смерти ево, а брату ево князю Петру Ивановичу и женѣ ево и дѣтямъ и внучатомъ до того двора дѣла нѣтъ. А будетъ у него, племянника ево, у князь Ивана Ивановича, дѣтей и внучатъ не останитца послѣ смерти ихъ и тѣмъ дворомъ владѣть ему боярину Петру Михайловичу и женѣ ево и детямъ и внучатамъ по прежнему, а ему боярину Петру Михайловичу и женѣ ево и дѣтямъ и внучатамъ ево племянника своего князя Ивана Ивановича, или какъ онъ женитца, а у него будутъ дѣти, по тому жъ дѣтемъ ево и внучатъ при ихъ животѣ с того двора не сослать, в томъ онъ бояринъ Петръ Михайловичъ и данную далъ. Писана та данная на Ивановской съ площади с послухами.

---

[1] Слѣд. въ 1639 году съ одной стороны былъ дворъ вдовы княгини Наст. Львов. Воротынской, а съ другой вдовы Татьяны Посниковой.

К подлинной даной бояринъ Петръ Михайловичъ Салтыковъ руку приложилъ лѣта 7184-го году іюля 26 дня. Къ тому списку з даной князь Иванъ Ивановичъ Хованской руку приложилъ.

И в нынешнемъ 1701 году апрѣля въ 8 день по указу великаго государя бояринъ князь Иванъ Борисовичъ Троекуровъ приказалъ дворъ боярина князя Ивана Ивановича Хованскаго, что онъ владѣлъ по данной боярина Петра Михайловича Салтыкова, справить за бояриномъ Алексѣемъ Петровичемъ Салтыковымъ и за племянники ево за стольники за Васильемъ да за Алексѣемъ да за Александромъ да за Михаиломъ Салтыковыми и дать выпись и пошлинъ записать в приходъ. Помѣта о томъ на выпискѣ дьяка Василья Мануйлова. И по тому великаго государя указу пошлины по указу с того двора с поперечника з двацати з девяти саженъ, с сажени по алтыну, итого двадцать девять алтынъ великого государя в казну в стрѣлецкой приказъ взяты и в приходъ писаны. И по указу великаго государя царя и великаго князя Петра Алексѣевича всеа великія и малыя и бѣлыя росіи самодержца боярину Алексѣю Петровичу да племянникомъ ево стольникомъ Василію да Алексѣю Федоровымъ детямъ Александру да Михайлу Петровымъ детямъ Салтыковымъ вышеписаннымъ дворомъ боярина князя Ивана Ивановича Хованскаго, которымъ онъ владѣлъ по данной боярина Петра Михайловича Салтыкова владѣть по сей выписи. К сей выписи великаго государя царя и великаго князя Петра Алексѣевича всеа великія и малыя и бѣлыя Россіи самодержца печать приложена". [№ 20/81]. По склейкамъ надпись: „дьякъ Василій Матвѣевъ руку къ сей... Правилъ Сенька Стефановъ".

Перешелъ ли этотъ дворъ къ Петру Мих. Салтыкову, а отъ него къ дочери его графинѣ Аннѣ Петр. Шереметевой, или былъ купленъ, свѣдѣній не отыскалось. Въ нашемъ домовомъ архивѣ есть множество документовъ о домахъ графа П. Б. Шереметева на Никольской, среди которыхъ есть дѣла и планы двора, бывшаго на мѣстѣ нынѣшняго Третьяковскаго проѣзда, такъ называемые „конюшенные дворы", но дѣла эти еще не изучены и ждутъ внимательнаго изслѣдованія.

Послѣ смерти князя Ив. Ив. Хованскаго половина села Леонова и другія земельныя его владѣнія перешли къ брату его князю Петру Ивановичу, какъ это видно изъ слѣдующей выписи изъ дѣлъ помѣстнаго приказа: „Лѣта 1701 года маія въ 16 день по указу великаго государя царя и великаго князя Петра Алексѣевича всеа великія и малыя и бѣлыя Россіи Самодержца, далъ выпись помѣстнаго приказу подъячій Тимофей Борисовъ боярину

князю Петру Ивановичу Хованскому с отказныхъ книгъ отказу своего, что ему отказано брата ево боярина князя Ивана Ивановича Хованскаго, помѣстье въ Московскомъ уѣздѣ въ Манатинѣ и въ Быховѣ и въ Коровинѣ стану половину села Левонова, а въ немъ на ево половину мѣсто дворовое помѣщиково пустое, да крестьянъ: во дворѣ Якушко Ивановъ, у него, дѣтей Прошка Куска, а перевезенъ онъ Якушко изъ Ростовской вотчины села Ильинскаго, полпустоши Коровни, а въ нихъ пашни тритцать четьи в полѣ, а в дву по тому жъ, да вотчины полдеревни Козеевы, а в ней крестьянъ в Мирошка да Ивашка Спиридоновы; во дворѣ Бориско, Максимко, Сенка Кириловы; у Бориски сынъ Кондрашка; у Максимки дѣтей Васка Афонка; у Сенки дѣтей Васка, Сенка, во дворѣ Петрушка: Степка, Бориска Кириловы; у Петрушки сынъ Куска, у Степки дѣтей Ильюшка, Степка; во дворѣ Кирюшка Китаевъ, у него сынъ Федка, да у него жъ племянники Сенка, да Лаврушка Афонасьевы, да Микитка, да Ивашко, да Мишка Алфимовы, во дворѣ Гришка да Артюшка Констянтиновы, у Гришки дѣтей Левка, Антошка, Васка. Всего мѣсто дворовое помѣщиково, да крестьянскихъ шесть дворовъ людей, въ нихъ тритцать одинъ человѣкъ, да полпустоши Подберезьи въ полупустоши Федорковой, а въ нихъ пашни тринатцать чети с осминою в полѣ, а въ дву потомужъ. Да въ Доблинскомъ стану помѣстье брата жъ ево родного боярина князь Иванъ Ивановича Хованскаго полудеревни Колунтаевой, а въ ней дворъ помѣщиковъ со всякимъ хоромнымъ и дворовымъ строеніемъ пустъ, да крестьянъ: во дворѣ Архипко Аврамовъ, у него дѣтей Алешка да Мишка. Полпустоши Павликовой, четверть пустоши Однорядкиной, а в нихъ пашни двадцать пять чети в полѣ, а в дву потомужъ. Всего отказано боярину князь Петру Ивановичу Хованскому брата ево боярина князь Ивана Ивановича Хованскаго помѣстья пятдесятъ пять чети, да вотчины тринадцать чети с осминой. Обоего помѣстьи и вотчины шестьдесятъ восемъ чети с осминою в полѣ, а в дву по тому жъ, а лѣсомъ и сѣнными покосы и всякими угодьи к тому селу Левонову и к полудеревнямъ и к полупустошамъ владѣть ему боярину князь Петру Ивановичу Хованскому по писцовымъ книгамъ и по дачамъ. Подъячей Тимофей Борисовъ руку приложилъ".

---

[1] Архивъ Моск. Двор. Депут. Собр. Доказательства о дворянствѣ кн. Хованскихъ 1793 года. № 65 л. 6 и об. Въ прошеніи князя Александра Васильевича Хованскаго.

Вотъ всѣ имѣющіяся свѣдѣнія о скончавшемся подъ карауломъ въ 1701 году боярин‍ѣ князѣ Ив. Ив. Хованскомъ и его владѣніяхъ.

Вернемся къ дѣтямъ брата его, боярина князя Петра Ивановича Змѣя. Старшій сынъ его, князь Алексѣй Петровичъ, уже упоминался выше, какъ товарищъ отца по Кіевскому воеводству; въ 1714 году онъ упоминается капраломъ Бутырскаго полка [1]. Онъ былъ женатъ дважды: первымъ бракомъ на княжнѣ Голицыной, сестрѣ фельдшаршала князя Михаила Михайловича и верховника князя Дмитрія Михаиловича; вторымъ бракомъ на Евдокіи Ивановнѣ Ладыженской. Обѣ онѣ скончались одна за другой и похоронены въ Чудовомъ монастырѣ. Сыновей у него не было, но были четыре дочери; въ палаткѣ возлѣ церкви Алексѣя митрополита должны быть слѣдующія плиты:

„1728 году апрѣля въ 30 день представися раба Божія „княгиня Марія боярина князя Михаила Андреевича Голицына „дочь, князя Алексѣя Петровича Хованскаго жена: положена на „семъ мѣстѣ“.

„1729 году декабря въ 5 дня представися раба Божія Евдо„кія супруга князя Алексѣя Петровича Хованскаго дочь Ивана „Петровича Лодыженскаго и положена на семъ мѣстѣ“ [2].

Второй сынъ князя Петра Ивановича Хованскаго Змѣя, князь Андрей Петровичъ. На комъ онъ былъ женатъ и были ли у него дѣти, не встрѣтилось нигдѣ прямыхъ указаній, но на основаніи ряда нижеприводимыхъ данныхъ и доказательствъ можно утверждать, что это былъ отецъ Маріи Андреевны Шереметевой. Вотъ доказательства.

Внукъ младшаго брата фельдмаршала, Бориса Петровича Шереметева, генерала-аншефа Владиміра Петровича Шереметева и сынъ скончавшагося въ Саардамѣ Ѳедора Владиміровича Шереметева, женатаго на Лопухиной, Владиміръ Ѳедоровичъ Шереметевъ въ царствованіи Петра II, 13 мая 1728 года, женился на княжнѣ Маріи Андреевнѣ Хованской. Дневникъ подскарбія Марковича за это число отмѣчаетъ: „Вл. П. Шереметевъ унука своего женилъ“. Ни въ одной родословной князей Хованскихъ бракъ

---

[1] Докл. и приг. Сената, т. IV, кн. I, стр. 154.

[2] Путеводитель къ древностямъ и достопамятностямъ Московскимъ. Часть II. изд. 1792, стр. 87, 89, №№ 58 и 60.

этотъ не указанъ; объ этомъ сохранилось не только устное извѣстіе въ семьѣ Шереметевыхъ, но свидѣтельствуетъ и слѣдующая надпись на ея могилѣ въ семейномъ склепѣ подъ церковью св. Троицы Саввина Сторожевскаго монастыря:

„Преставися раба Божія Марія Андреевна Шереметева урожденная княжна Хованская въ 1781 году апрѣля 12 дня. Тѣло погребено подъ симъ камнемъ".

Съ другой стороны памятника стихъ:

„Божественныхъ судебъ самое это дѣло
Тлѣнію предалось сіе тѣло,
Пристанищу всѣхъ неизбѣжно быти,
Подаждь всеблагій Боже
Во дворахъ твоихъ святыхъ ей жити.
И мимошедши сего воздохни
И прорцы молитву къ Богу,
Да подастъ ей въ будущемъ
Милость свою многу" [1].

Сохранился и портретъ ея въ вышеупомянутой старинной усадьбѣ Шереметевыхъ, селѣ Покровскомъ Рузскаго уѣзда. Надписи на немъ нѣтъ, но что это она, никогда въ семействѣ не сомнѣвались. Не смотря на пожилые годы, она изображена въ голубомъ открытомъ платьѣ съ кружевами. Черты лица рѣзкія. Глаза каріе, брови дугой, губы тонкія. Волосы сѣдые. На лицѣ морщины. На головѣ чепчикъ и спускается кисея. Сзади кусочекъ краснаго, не то шаль, не то кресло. Кисть не совершенная.

Кто были родители Маріи Андреевны въ семьѣ Шереметевыхъ никакихъ свѣдѣній не сохранилось. Воспоминанія о ней также не сохранилось; только Екатерина Васильевна Шереметева, когда упоминала о бабушкѣ своей, давала почувствовать нѣкоторое не расположеніе къ Хованскимъ вообще.

Изъ надгробія видно, что Марія Андреевна скончалась 12 апрѣля 1781 года. Въ спорномъ дѣлѣ дѣтей ея [2] есть указаніе, что она послѣ смерти отца ихъ, а ея мужа, осталась „въ преклонныхъ лѣтахъ". Если считать, что въ 1780 году ей было отъ 70 до 75 лѣтъ, то она слѣдовательно родилась между 1705 и 1710 годами. Изъ

---

[1] Изъ записныхъ тетрадей А. П. Барсукова. Саввино-Сторожевскій монастырь 11 августа 1878 года.

[2] Старое дѣло Звенигородскаго Земскаго Суда, пріобрѣтено мною съ воза продававшихся изъ полицейскаго архива старыхъ дѣлъ вмѣстѣ съ многими другими дѣлами.

отчества ея слѣдуетъ, что отецъ ея несомнѣнно былъ князь Андрей Хованской. Но кто это?

У князя П. Долгорукова, въ родословной Хованскихъ, встрѣчается одинъ князь Андрей, относящійся къ этому времени, именно князь Андрей Петровичъ сынъ князя Петра Ивановича, внукъ казненнаго Тараруя; у Долгорукова же сказано, что у другого князя Петра Ивановича, сына Ивана Никитича, былъ только одинъ сынъ Алексѣй, у котораго сыновей не было, но только четыре дочери; поэтому, по Долгорукову, отецъ М. А. Шереметевой не могъ произойти отъ боярина Ивана Никитича, черезъ сына его Петра Ивановича, а выходитъ, что князь Андрей Петровичъ принадлежитъ къ линіи князей Хованскихъ, пошедшей отъ отца Тараруя, князя Андрея Андреевича, т. е. что онъ внукъ Тараруя. Однако родословныя таблицы и документы архива Московскаго Дворянства разбиваютъ это первоначальное предположеніе. Изъ нихъ открывается, что у князя Петра Ивановича Хованскаго Змѣя, сына Ивана Никитича, кромѣ Алексѣя, было еще два сына: пропущенный княземъ Долгоруковымъ князь Андрей и ошибочно указанный въ другомъ мѣстѣ князь Василій. Такимъ образомъ открывается, что было два князя Андрея Петровича, родные сыновья троюродныхъ братьевъ двухъ Петровъ Ивановичей, которые жили въ одно и тоже время и начали службу въ самомъ концѣ XVII вѣка. Одинъ изъ нихъ былъ, какъ мы видѣли, офицеромъ Семеновскаго полка, другой былъ морякъ.

Послужной списокъ послѣдняго [1] сохранился въ дѣлахъ Адмиралтейскаго Архива; въ немъ сказано:

„Хованской, князь Андрей Петровичъ.

1708. Посланъ для науки въ Голландію, откуда плавалъ въ Португалію и къ городу Архангельскому.

1711. Служилъ въ Датскомъ флотѣ въ чинѣ капитанъ лейтенанта.

1712. Участвовалъ въ сраженіи датскаго флота съ шведскимъ въ Балтійскомъ морѣ. Августа 15 былъ представленъ Его Величеству датскимъ вице-адмираломъ у Грибсвальда [2] и принятъ милостиво.

---

[1] Общій Морской списокъ. Часть I. С.-Петербургъ 1885. Стр. 402.

[2] Въ журналѣ Петра Великаго въ іюлѣ 1712 года упоминается пребываніе въ Грибсвальдѣ, гдѣ былъ нашъ гарнизонъ и полкъ бригадира Трейдена. Отъ 30 іюля записано: „послѣ кушанья изволили идти во флотъ датскій, который стоялъ отъ Грибсвальда въ заливѣ морскомъ въ милѣ“. [Мат. для истор. Рус. флота, СПБ. 1866. ст. 30].

1713. Возвратился въ Россію на кораблѣ Рандольфъ [1]. Скончался въ Ревелѣ".

По донесенію князя Ив. Бор. Львова, вѣдавшаго навигаторовъ, плаванія его были слѣдующія:

1. Въ Португалію и назадъ въ службѣ Голландской.

2. Къ городу Архангельскому и назадъ въ Норвегію.

3. Служилъ въ Датскомъ флотѣ до офицерскаго чина капитанъ поручика.

4. На Остъ-зее и въ акціи со шведами.

5. Изъ Датской земли на Россійскихъ корабляхъ до Ревеля тамъ и умре.

Младшій братъ его и сынъ князя Петра Ивановича, князь Василій Петровичъ, былъ женатъ на Шафировой. Вотъ кстати нѣсколько данныхъ и о его жизни. Онъ родился 22 января 1694 года [2]; упоминается 23 февраля 1712 года въ числѣ „недорослей" отъ 10 лѣтъ и выше [3] и включенъ въ „реестръ школьникамъ и недорослямъ, которые смотрины въ Санктъ-Петербурхѣ іюня въ 10 день" [4]. Изъ Адмиралтейской Канцеляріи по указу Сената 20 іюня 1713 „велено недорослей которые въ 712 году по смотру Его Царскаго Величества опредѣлены послать въ Голландію, а имянно: князь Василья Петрова Хованскаго съ товарищами 27 человѣкъ, нынѣ ихъ выслать съ Москвы за море къ князю Ивану Львову съ имянной росписью безъ земедленія". Они отправились 1-го іюля. Послужной списокъ его также сохранился:

„Хованской князь, Василій Петровичъ.

1716. Поступилъ на службу гардемариномъ и посланъ для науки въ Англію.

1721 марта 2. Произведенъ въ унтеръ-лейтенанты.

1725 мая 18. Взятъ ко двору царевны Анны Петровны въ камеръ-юнкеры и изъ морскаго списка выключенъ.

1732 января 31. Опредѣленъ во флотъ прежнимъ рангомъ и посланъ въ Кронштадтъ. Октября 26 произведенъ въ лейте-

---

[1] Корабль „Рандольфъ" упоминается въ числѣ одинадцати кораблей въ „линіи баталіи корабельнаго флота" 9 мая 1713 года и въ „линіи баталіи" 8 іюня 1713 года. Имъ командовалъ капитанъ-поручикъ Наумъ Синявинъ; замѣчательно, что это былъ единственный русскій командиръ изъ всѣхъ командировъ этой флотиліи, остальныя же были все иностранцы. [Мат. для исторіи русскаго флота, т. I. стр. 368, 389].

[2] Князь Долгоруковъ, родословная.

[3] Приговоры и доклады Сената I, кн. I, с. 136.

[4] Бумаги Петра I, изд. 1873 г. А. Бычковымъ, с. 231.

нанты. Декабря 29 назначенъ въ совѣтники коммисаріатской экспедиціи.

1737. За болѣзнью находился въ Москвѣ.

1741 февраля 21. Уволенъ отъ службы съ награжденіемъ чиномъ капитанъ-командора. Впослѣдствіи былъ дѣйствительнымъ камергеромъ и президентомъ учрежденнаго въ Петербургѣ главнаго магистрата [1].

Что князь Андрей Петровичъ есть сынъ князя П. И. Хованскаго, грамота на имя котораго находится въ селѣ Покровскомъ, видно изъ прошенія, которое подалъ послѣ смерти Андрея Петровича братъ его, только что упомянутый князь Василій Петровичъ Хованской 9 сентября 1713 года; въ немъ онъ писалъ: „....въ прошломъ 709 году, по государеву указу, братъ его родной князь Андрей Хованской посланъ былъ за море и былъ за моремъ пять лѣтъ и въ нынѣшнемъ 713 году братъ его волею Божіею въ Ревеле умре и погребенъ въ рощѣ....“ [2]. Открывается слѣдовательно мѣсто кончины князя Андрея Петровича.

Далѣе, изъ справки, сдѣланной канцеляріей Сената въ Разрядномъ архивѣ, извѣстно, что „князь Андрей княжъ Петровъ сынъ Хованской въ прошломъ 708 году посланъ за море въ Англію для науки мореходства“. Кромѣ того въ дѣлахъ Сената приведена сказка боярина князя Петра Ивановича Хованскаго, въ которой сказано, что „за дѣтьми его боярина, за княземъ Андреемъ Петровичемъ приданныхъ вотчинъ“.... всего 110 дворовъ, въ томъ числѣ Никольское и Сулость Ростовскаго уѣзда, да за другимъ сыномъ его за Васильемъ Петровичемъ 208 дворовъ [3]. Изъ сравненія данныхъ послужнаго списка князя Андрея и сенатской справки выходитъ разница: въ первомъ говорится объ отправленіи его въ 1708 году въ Голландію, а вторая говоритъ объ Англіи, но можетъ быть онъ былъ и тамъ и тамъ.

Есть въ документахъ еще упоминанія о князѣ Андреѣ Петровичѣ: въ 1712 году онъ былъ внесенъ въ списокъ живущихъ на Москвѣ бояръ, окольничихъ и прочихъ людей, а также находящихся въ арміи, которымъ приказано жить на Котлинѣ и строить дома въ Петербургѣ. Въ спискѣ сказано: „въ офицерахъ князь

---

[1] Общій Морской списокъ, ч. I, 402.

[2] Это конечно Екатериненталь, гдѣ находится Петровскій дворецъ. Въ журналѣ Петра Великаго отъ 17 іюня 1714 года сказано о пребываніи въ Ревелѣ: „Его Величество кушалъ дома и былъ на горѣ и на корабляхъ Лефермъ, Армонтѣ, Аронделѣ, Фортунѣ, и Эсперансѣ и гулялъ въ рощѣ и была жена Шлипенбахова генерала“. [Матр. для Истор. Рус. флота, СПБ. 1566, стр. 56].

[3] Докл. и пригов. Сената III, кн. 2, стр. 741.

Андрей Петровичъ Хованской“ [1]; въ спискѣ 1714 года по дѣлу того же строенія помѣчено: „офицеръ князь Андрей Петровичъ сынъ Хованской умре“ [2].

Уже было упомянуто, что этого князя Андрея Петровича Хованскаго нѣтъ въ родословной князя Долгорукова, но онъ есть въ родословной, приложенной къ прошенію позднѣйшаго Хованскаго, именно князя Александра Васильевича, представившаго доказательства о своемъ происхожденіи въ Московское Дворянское Депутатское Собраніе въ 1793 году. Изъ этой родословной открывается, что у князя Андрея Петровича былъ одинъ сынъ князь Никита Андреевичъ [3], названный вѣроятно въ честь своего прапрадѣда; извѣстіе это вполнѣ совпадаетъ съ найденной въ бумагахъ архива другой старой вотчины Шереметевыхъ, села Волочанова, родословной выпиской [см. табл. № 2], въ которой указывается, что у Маріи Андреевны Шереметевой былъ братъ, князь Никита Андреевичъ Хованской. Изъ данныхъ, приводимыхъ Холмогоровымъ по Вохонской десятинѣ, узнаемъ, что вышеупоминавшееся село Хованское-Козмодемьянское, принадлежавшее князю П. И. Хованскому Змѣю, перешло именно къ князю Никитѣ Андреевичу Хованскому.

Такимъ образомъ родословная архива Московскаго Дворянства, выписка Волочановскаго архива и свѣдѣнія Холмогорова совершенно совпадаютъ, а поэтому можно сдѣлать опредѣленный выводъ, что отецъ Маріи Андреевны Шереметевой былъ князь Андрей Петровичъ Хованской, сынъ князя Петра Ивановича Змѣя, внукъ князя Ивана Никитича и что у него въ свою очередь, кромѣ дочери княжны Маріи, былъ сынъ князь Никита.

Выше уже приводилось соображенія, что М. А. Шереметева должна была родиться приблизительно между 1705 и 1710 годами.

Въ 1728 году, какъ уже сказано, подскарбій Яковъ Марковичъ записалъ въ свой дневникъ: „13 мая 1728 года Владиміръ Петровичъ Шереметевъ унука своего женилъ“. У Влад. Петр. Шереметева было два внука, дѣти сына его Ѳедора Владиміровича Шереметева, женатаго на Лопухиной, Алексѣй и Владиміръ. Сына его Ѳедора къ тому времени уже не было въ живыхъ; онъ умеръ въ Голландіи въ Саардамѣ „на оснасткѣ“ въ 1708 году, о чемъ подробнѣе говорится въ особомъ, приготовляющемся къ печати,

---

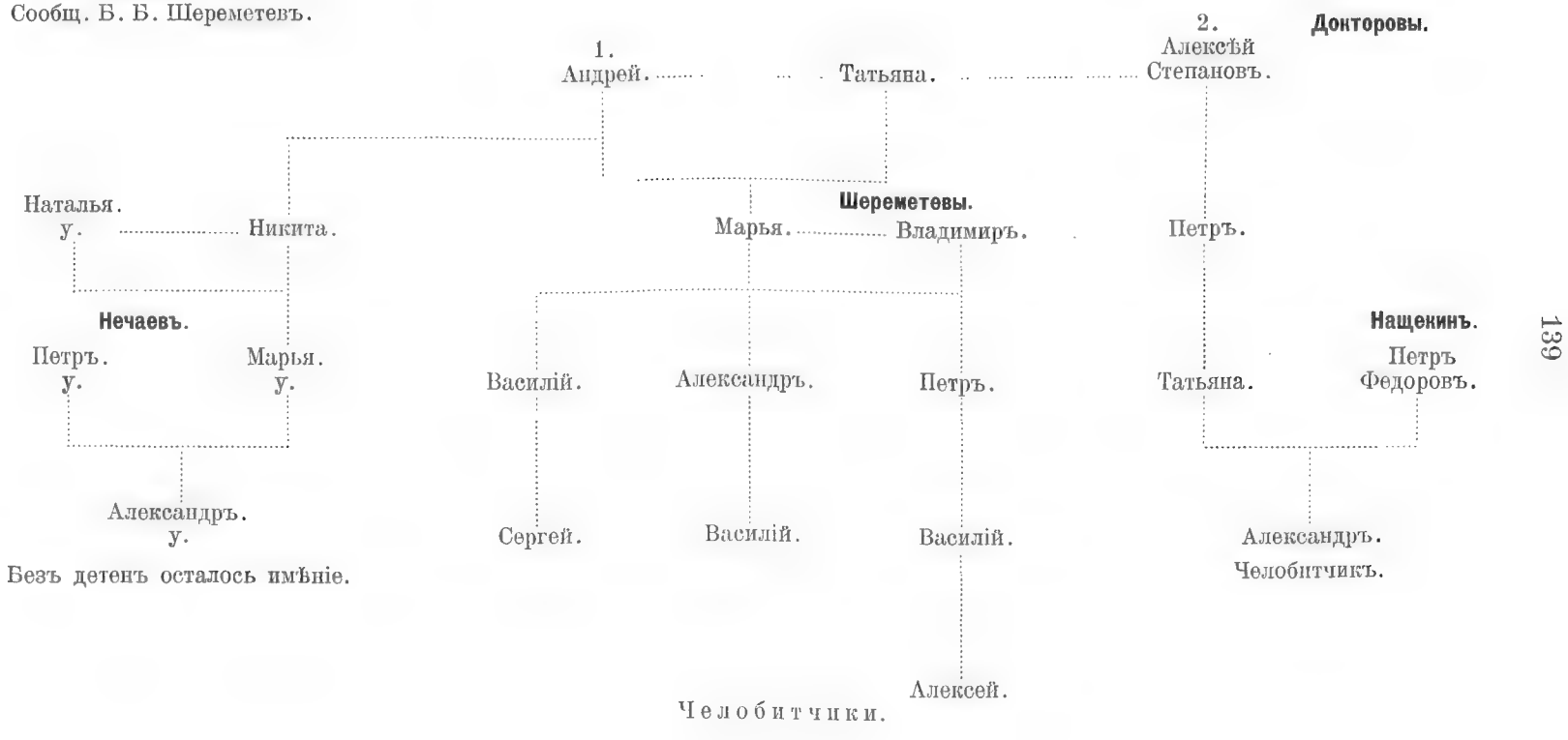
[1] Доклады и приговоры Сената II, кн. 2, стр. 100—112.

[2] Доклады и приговоры Сената т. IV кн. I, стр. 445.

[3] Архивъ Московскаго Дворянства князей Хованскихъ 1793 года. Поколѣнное родословіе, л. 14.

Родословная выписка
Волчановскаго архива
Сообщ. Б. Б. Шереметевъ.

Родъ Князей Хованскихъ.



очеркѣ, посвященномъ отцу его Вл. Петр. Шереметеву. Вѣрнѣе, что это свадьба Владиміра, а не Алексѣя, ибо старшій сынъ Влад. Ѳед. Шереметева родился въ 1730 году, а старшій сынъ Алексѣя Ѳед. въ 1733 году. Такимъ образомъ судьба соединила дѣтей—княжну Марію Хованскую и Владиміра Шереметева, отцы которыхъ одинаково погибли на морской службѣ. Не произошелъ ли этотъ бракъ благодаря свойству по Собакинымъ? Родная тетка княжны Марьи Андреевны, сестра ея отца, княжна Аграфена Петровна Хованская была замужемъ за Григоріемъ Михайловичемъ Собакинымъ, оберъ-рекетмейстеромъ Сената, который приходился двоюроднымъ дядей мужу Маріи Андреевны, Владиміру Ѳедоровичу Шереметеву, ибо бабушка его жена Вл. П. Шереметева, Татьяна Васильевна Шереметева, была урожденная Собакина; это указано въ составленной таблицѣ [№ 3]. Татьяна Васильевна была въ то время еще жива и могла содѣйствовать женитьбѣ своего внука на родной племянницѣ ея родного племянника.

Для опредѣленія родства съ Хованскими помощь оказываетъ и хранящаяся въ Покровскомъ небольшая записная книжка конца XVIII вѣка въ старинномъ кожаномъ переплетѣ, въ которую записывались дни рожденій, имянинъ и другихъ памятныхъ дней всего родства; среди именъ встрѣчаются слѣдующія имена Хованскихъ:

I. 3 февраля, имянины княжны Анны Ѳедоровны Хованской.

II. 12 февраля, имянины княгини Марьи Николаевны Хованской.

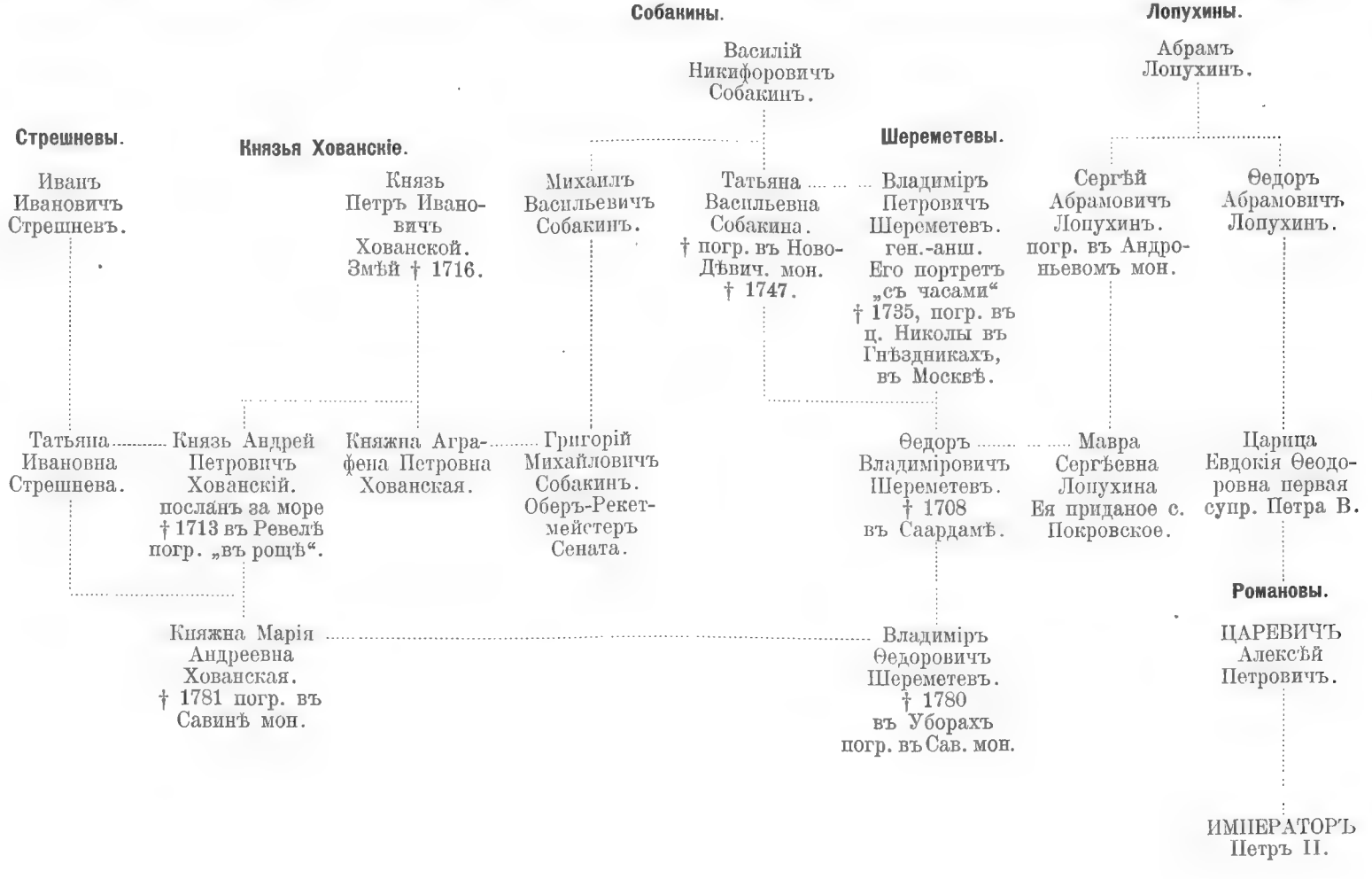
III. 23 марта, рожденіе князя Николая Васильевича Хованскаго.

Это все семья вышеупомянутаго князя Василія Петровича Хованскаго, по родословной Московскаго Дворянскаго Депутатскаго Собранія, младшаго брата князя Андрея Петровича, также моряка; князь Николай Васильевичъ, это его сынъ [полковникъ, † 11 мая 1775]; княгиня Марья Николаевна жена этого сына, урожденная Щепотьева [† въ маѣ 1798]; наконецъ княгиня Анна Федоровна—жена другого сына Василья Петровича, князя Александра Васильевича Хованскаго [17 іюня 1794], подателя прошенія въ Депутатское Собраніе въ 1793 году, урожденная Графиня Головина [† 5 марта 1796]; все это ближайшіе родственники Маріи Андреевнѣ, семья брата ея отца, и потому вполнѣ понятно, что ихъ память чтилась въ Покровскомъ. Данныя эти изъ записной книжки еще разъ доказываютъ правильность выводовъ о происхожденіи М. А. Шереметевой.

---

[1] Она умерла въ 1747 году и погребена въ Ново-Дѣвичьемъ.

Родство Шереметевыхъ съ Собакиными, Лопухиными, Романовыми, князьями Хованскими и Стрешневыми.



Остается выяснить вопросъ, кто была мать ея? Въ упоминавшейся выпискѣ Волочановскаго архива [табл. № 2] мать ея названа Татьяной, но родъ не указанъ; она показана только женою князя Андрея Хованскаго, а затѣмъ какъ вышедшая вторымъ бракомъ за Алексѣя Степановича Докторова, что тоже представляетъ совершенно новое извѣстіе.

Для открытія, кто была княгиня Татьяна Хованская помогутъ другія грамоты села Покровскаго, гдѣ сохраняются также четыре грамоты стольнику Ивану Ивановичу Стрешневу, существованіе коихъ въ Покровскомъ было совершенно не понятно. Признаюсь, въ ту минуту, какъ я впервые въ 1906 году увидалъ эти грамоты, въ головѣ мелькнула мысль, не пришли ли они съ материнской стороны къ М. А. Шереметевой? Родство ея мужа извѣстно, тутъ Лопухины и Собакины, а Стрешневыхъ съ Шереметевской стороны нѣтъ; но имѣлъ ли И. И. Стрешневъ какое-либо отношеніе къ семьѣ Шереметевыхъ и какое именно, никто въ Покровскомъ не могъ объяснить. Грамоты эти слѣдующія: одна грамота 1669 года на сельцо Федотово и другія селенія Шуйскаго уѣзда; двѣ грамоты 1693 года на пустошь Яску и другія селенія и деревню Савенково съ деревнями Бѣлевскаго уѣзда; одна грамота 1696 года на сельцо Ясенокъ съ деревнями того-же уѣзда.

Прежде всего кто этотъ Стрешневъ? Долгіе поиски навели на любопытный документъ, напечатанный въ докладахъ и приговорахъ Сената за время царствованія Петра Великаго, именно на помянутую сказку боярина князя Петра Ивановича Хованскаго съ исчисленіемъ числа его дворовъ, а также дѣтей его. Въ этой сказкѣ написано: „.....да въ той же сказкѣ написано особыхъ крестьянскихъ дворовъ за дѣтьми его боярина князя Петра Ивановича Хованскаго: за княземъ Андреемъ Петровичемъ приданныхъ вотчинъ въ Ростовскомъ уѣздѣ въ селѣ Никольскомъ и въ селѣ Сулости 46 съ полудворомъ, въ Шацкомъ уѣздѣ въ селѣ Кузмори съ деревнями 41 дворъ безъ четверти, въ Данковскомъ уѣздѣ въ селѣ Архангельскомъ 18, въ Московскомъ уѣздѣ въ деревнѣ Осековой 4, итого 110 дворовъ. Да за княземъ Василіемъ Петровичемъ написано 208 дворовъ“... Названія деревень его пропускаются. Весьма важно, что вотчины эти названны п р и д а н ы м и князя Андрея Петровича. Среди этихъ селеній особеннаго вниманія заслуживаютъ села Ростовскаго уѣзда: Никольское Зарѣчное и Сулость, и вотъ почему. Въ докладахъ и приговорахъ того же Сената есть другое дѣло, возникшее по челобитной нѣсколькихъ Стрешневыхъ, среди которыхъ упоминается и Иванъ Ивановичъ Стрешневъ, бившихъ челомъ въ 1700 году объ имѣніяхъ, оставшихся послѣ смерти жены ихъ

родственника, боярина Ивана Ѳедоровича Стрешнева, именно тетки ихъ, боярыни Настасьи Ивановны: „а даны, говорили они, тѣ помѣстья и вотчины ей по Государеву указу, какъ розданы помѣстья и вотчины князя Василья Васильевича Голицына“; Стрешневы просили, чтобы Государь пожаловалъ, велѣлъ „тѣ ихъ старинныя роду ихъ вотчины и помѣстья за ними справить“.

Извѣстно, что князь Вас. Вас. Голицынъ былъ женатъ на дочери Ивана Ѳедоровича большого Стрешнева. Изъ дѣла же видно, что въ 1680 году Иванъ Ѳедоровичъ Стрешневъ поступился своему зятю, т. е. князю Вас. Вас. Голицыну рядомъ вотчинъ, въ томъ числѣ въ Ростовскомъ уѣздѣ селомъ Никольскомъ и Сулостью; видно, что въ 1689 году, уже послѣ ссылки князя В. В. Голицына, вотчины его взяты на Государя, а въ 1690 году отданы вдовѣ его, дочери Ивана Ѳедоровича Стрешнева, княгинѣ Настасьѣ Ивановнѣ Голицыной, на прожитокъ. Здѣсь упоминаются эти два Ростовскія села, Никольское и Сулость. Когда же, въ 1700 году, ея не стало, то въ томъ же 1700 году, по Государеву указу, вотчины эти достались Стрешневымъ, согласно ихъ челобитью [1]; именно: Тихону Никитичу, Василью Ѳедоровичу, Ивану Родіоновичу, Ивану Тихоновичу и Ивану Ивановичу [2]; наконецъ изъ того же дѣла открывается, что въ 1701 году всѣ эти Стрешневы полученные вотчины „межъ себя полюбовно раздѣлили“, а по тому ихъ раздѣлу досталось: „окольничему Василью Ѳедоровичу и стольнику Ивану Иванову въ Ростовскомъ уѣздѣ, въ селѣ Никольскомъ и въ селѣ Булогви съ деревнями и пустошами 167 чети 142 дворъ“; въ другомъ мѣстѣ селенія называются: „сельцо Никольское, Зарѣчное и село Сулость съ деревнями“, а поэтому можно считать, что „Булогви“ это опечатка вмѣсто Сулости [3].

Какъ уже сказано, эти два села Никольское и Сулость упоминаются въ числѣ приданныхъ вотчинъ князя Андрея Петровича Хованскаго. Слѣдовательно онъ былъ женатъ на дочери одного изъ этихъ двухъ Стрешневыхъ, Василья Ѳедоровича, или Ивана Ивановича. Существованіе въ селѣ Покровскомъ четырехъ грамотъ на имя Ивана Ивановича Стрешнева позволяетъ утверждать, что князь Андрей Петровичъ Хованской былъ женатъ на его именно

---

[1] Сыновей у Ив. Ѳед. большого Стрешнева не осталось.

[2] Князь Б. И. Куракинъ говоритъ, что при дворѣ царя Петра Алексѣевича и матери его Натальи Кириловны состояли „родомъ Стрешневы“, принадлежавшіе къ домамъ „самаго низкаго и убогаго шляхетства“.

[3] Доклады и приговоры Сената, VI, кн. I, стр. 69—72.

дочери. Отсюда же становится понятнымъ, почему Стрешневскія грамоты находятся въ Покровскомъ. Въ свою очередь и обратно, находящіяся въ Покровскомъ грамоты Ивана Ивановича Стрешнева и именно то обстоятельство, что они тамъ находятся, подтверждаетъ и то, что отецъ Маріи Андреевны Шереметевой былъ именно этотъ князь Андрей Петровичъ служившій во флотѣ и получившій эти Ростовскія села въ приданое за женой.

Можно сдѣлать правда предположеніе, что князь Андрей Петровичъ получилъ въ приданое два вышеупомянутыхъ села въ то время, когда они еще принадлежали князю Вас. Вас. Голицыну и тогда выходило бы, что Андрей Петровичъ былъ женатъ на дочери князя Вас. Вас. Голицына, но во-первыхъ въ 1689 году вотчины были отъ князя Голицына уже отобраны, а врядъ ли Андрей Петровичъ въ это время былъ уже женатъ, ибо онъ отправленъ за море въ 1708 году, а отправлялись люди молодые и поэтому онъ никакъ не могъ быть къ тому времени въ продолженіи 19 лѣтъ какъ уже женатымъ; а во вторыхъ, какимъ же образомъ попали въ село Покровское грамоты, жалованныя Ивану Ивановичу Стрешневу? Изъ всего сказаннаго вытекаетъ:

1. Отецъ Маріи Андр. Шереметевой былъ князь Андрей Петровичъ Хованской, сынъ боярина Петра Ивановича, внукъ боярина Ивана Ивановича Змѣя, правнукъ боярина Ивана Никитича.

2. Мать ея была Татьяна Ивановна Стрешнева, дочь стольника Ивана Ивановича Стрешнева.

Что касается свѣдѣнія о Стрешневскомъ родствѣ, то онѣ скудны. Изъ грамотъ села Покровскаго видно, что дѣдъ Марьи Андреевны Иванъ Ивановичъ Стрешневъ началъ службу въ 1654 году послѣ Поляновскаго мира, несъ ея во время войны съ Поляками, окончившейся Андруссовскимъ миромъ, а также во время войны съ султаномъ турецкимъ и ханомъ крымскимъ, когда они приходили въ 1673 году; затѣмъ былъ въ царскомъ походѣ 1682 года, когда, по случаю мятежа, государи удалились сначала въ Коломенское, а затѣмъ въ Саввинъ монастырь, Воздвиженское и Троицкую Лавру [1].

---

[1] Быть можетъ не есть ли это Иванъ Ивановичъ Стрешневъ, сынъ Ивана Филипповича Стрешнева [Долг. № 46], упоминающагося при свадьбѣ царицъ Евдокіи Лукьяновны, рожден. Стрешневой. Въ 1606 году Иванъ Филипповичъ былъ думнымъ дворяниномъ, въ 1609 году Устюжскимъ воеводой, въ 1630 году воеводой на Вагѣ. [Временн. кн. 25, с. 89. Акты Ист. II, с. 160]. Трудно точно установить, какой это изъ Ивановъ Ивановичей Стрешневыхъ, которыхъ было трое [Долг. №№ 66, 68 и 76]. Стольникъ Иванъ Ивановичъ Стрешневъ участвовалъ въ карабельномъ кумпанствѣ родственника своего боярина Никиты Константи-

Изъ выписки Волочановскаго архива [таблица № 2] видно, что у Мар. Андр. Шереметевой былъ братъ князь Никита Андреевичъ Хованской. Онъ упоминается въ спискѣ „генералитету штабъ и оберъ-офицерамъ, которые по имяннымъ указамъ и по приговорамъ Правительствующаго Сената отъ воинской и статской службъ отставлены и отпущены въ домы вовсе“, гдѣ среди гвардіи прапорщиковъ записано: „Въ 1731 году князь Никита княжъ Андреевъ сынъ Хованской. Деревни имѣетъ въ Московскомъ, въ Ростовскомъ, въ Керенскомъ и въ Арзамаскомъ уѣздахъ“. Слѣдовательно онъ служилъ до 1731 года [1].

Въ 1852 году о князѣ Никитѣ воздуждено было цѣлое дѣло. Оказывается, что онъ занимался судебными дѣлами и былъ обвиненъ въ ябедничествѣ. Дѣло дошло до того, что состоялся слѣдующій высочайшій указъ Елизаветы Петровны:

„Божіею Милостію Мы Елизавета Первая Императрица и Самодержица Всероссійская и прочая, и прочая ,и прочая.

Понѣже Наше Императорское Величество, имѣя материнское попеченіе о благополучіи и покоѣ подданныхъ нашихъ, всемилостивѣйше повелѣть соизволили Сенату публиковать: какимъ образомъ къ крайнему неудовольствію нашему слышимъ раззореніе и притѣсненіе подданныхъ нашихъ отъ ябедниковъ, которые, не страшась суда Божія, всякіе вымыслы противу правды стараются употреблять и тѣмъ чинятъ правымъ въ ихъ дѣлахъ рѣшенію помѣшательство и продолженіе о таковыхъ довольно явно, однако жъ безстрашно въ томъ предпріятіи дѣла свои производятъ; того ради на то учрежденнымъ мѣстамъ по должности и званію своему искоренять таковые Нашему Императорскому Величеству и общему покою противные поступки съ виновными поступать по симъ указомъ. Не безъизвѣстно жъ намъ Императорскому Величеству, что въ таковыхъ непристойныхъ знанію своему поступкахъ отставной лейбъ гвардіи прапор-

---

новпча Стрешнева; затѣмъ одинъ Иванъ Ивановичъ Стрешневъ упоминается какъ „комнатный стольникъ“, въ 1712 году въ С.-Петербургѣ у него считалось 268 крестьянъ [Докл. и приговоры Сената, II, кн. 2, с. 101]; быть можетъ это одинъ и тотъ же. У одного Ивана Ивановича Стрешнева было два сына: Петръ Ивановичъ Стрешневъ, генералъ-аншефъ, погребенный въ Донскомъ монастырѣ и Николай Ивановичъ Стрешневъ, генералъ-маіоръ, погребенный въ Чудовомъ монастырѣ, въ 1745 году, 5 мая, на 39 году отъ рожденія. [Архим. Леонидъ, изслѣдованіе о родѣ Стрешневыхъ. Чт. М.· Об. И. и Др. съ примѣч. О. М. Бодянскаго].

[1] Моск. Арх. М. Ю., кн. Герольдмейстерской конторы № 254, листъ 122. Сообщилъ И. С. Бѣляевъ.

щикъ князь Никита Андреевъ сынъ Хованской находится, которому впредъ себя отъ того удержать и какъ явнымъ такъ и тайнымъ образомъ ни подъ какимъ видомъ того не чинить и никому по дѣламъ никакого совѣта и наставленія не давать подъ опасеніемъ лишенія движимаго и недвижимаго имѣнія и указнаго штрафа, равнымъ же образомъ ни подъ какимъ видомъ того не чинить и никому по дѣламъ никакого совѣта и наставленія не давать подъ опасеніемъ лишенія движимаго и недвижимаго имѣнія и указаннаго штрафа; равнымъ же образомъ ежели кто съ нимъ о какихъ приказныхъ дѣлахъ совѣтовать станетъ за симъ указомъ явно или тайно, а въ томъ будетъ уличенъ, то какъ у него князь Никиты, такъ и у оныхъ движимое и недвижимое имѣніе отписано будетъ на Наше Императорское Величество".

Подписали: Князь Б. Юсуповъ. Князь Михайла Голицынъ. Графъ Петръ Шуваловъ. Иванъ Бахметевъ. Князь Иванъ Щербатовъ. Князь Алексѣй Голицынъ. Князь Иванъ Одоевскій. Оберъ Секретарь Дмитрій Невѣжинъ. Секретарь Григорій Васильевъ. Подписалъ 27 маія 1752 Александръ Борисовичъ Бутурлинъ, уволенъ" [1].

Во исполненіе сего Высочайшаго Указа Правительствующій Сенатъ 28 мая того же года приказали: „оной Ея Императорскаго Величества указъ напечатавъ публиковать въ своемъ Государствѣ, а сенатской конторѣ вышеозначеннаго отставнаго прапорщика князь Никиту Хованскаго, призвавъ въ ту Сенатскую контору, оной Ея Императорскаго Величества Высочайшій указъ объявить ему съ подпискою, о чемъ въ ту контору в вѣдѣніе написать" [2].

На основаніи дѣлъ Тайной Канцеляріи о князѣ Никитѣ Андр. Хованскомъ упоминаетъ Серг. Мих. Соловьевъ и говоритъ, что онъ 19 лѣтъ не жилъ съ женой, держалъ ее въ крайнемъ притѣсненіи и между тѣмъ давалъ полную волю страстямъ своимъ; что онъ 12 лѣтъ не пріобщался. Раздраженный публикаціей о своемъ ябедничествѣ, онъ сталъ дѣлать выходки противъ правительства, всѣхъ знатныхъ особъ называлъ однихъ дураками, другихъ пьяницами. Объ Императрицѣ Елизаветѣ Петровнѣ выразился такъ: „Слава Богу, что въ Москвѣ дворецъ сгорѣлъ,

---

[1] Московскій Архивъ Мин. Юст. Книга Правительствующаго Сената № 2740, листы 507-509. Сообщилъ Ив. Степ. Бѣляевъ.

[2] Соловьевъ, исторія Россіи съ древнѣйшихъ временъ, т. 23, глава 2. [Дѣла Тайной Канцеляріи 1754].

теперь поѣдетъ государыня въ Петербургъ; изъ Петербурга ее выгнала вода, а изъ Москвы огонь". За это его высѣкли плетьми и сослали въ Никольскій Козельскій монастырь, а потомъ велѣли жить въ своихъ деревняхъ.

Есть извѣстіе, которое уже упоминалось, что князь Никита Андреевичъ Хованской владѣлъ селомъ Хованскимъ - Козмодемьянскимъ Звенигородскаго уѣзда; село это перешло къ нему послѣ княгини Анны Кондратьевны Хованской [Загряжской] [1], рядная запись которой была приведена выше. Это извѣстіе вполнѣ сходится съ родословными данными, ибо князь Никита, сынъ навигатора, князя Андрея Петровича Хованскаго, скончавшаго въ 1713 году въ Ревелѣ, и слѣдовательно родной внукъ Загряжской.

Въ Москвѣ дворъ его былъ въ приходѣ церкви Св. мученика Власія, что въ Конюшенной; онъ владѣлъ имъ съ 1738 года по купчей „отъ Кадетскаго корпуса Ник. Мих. Милославскаго"; въ длину было 20 сажень съ полутретью, на оба конца по 18 саженей, поперешнику 15 саженей съ третью. Въ 40-хъ того XVIII ст. годахъ явилось земли: въ длину отъ воротъ до задняго крыльца 31 саж., поперешнику въ передномъ концѣ по воротамъ 23 саж., въ заднемъ концѣ 29 саж. Рядомъ съ дворомъ по правую руку была церковная кладбищенская земля [2].

Согласно выпискѣ Волочановскаго архива князь Никита Андреевичъ женатъ былъ на нѣкоей Натальѣ; между тѣмъ изъ имѣющейся у Холмогорова исторіи села Обонегова Дядина тожъ видно, что въ 1755 году село это перешло отъ маіора Ивана Ивановича Засѣцкаго къ дочери его Настасьѣ Ивановнѣ, женѣ князя Никиты Хованскаго; [3] открывается слѣдовательно, что она была урожденная Засѣцкая, но Холмогоровъ вѣроятно ошибкой написалъ Настасья вмѣсто Наталья. По выпискѣ Волочановскаго архива у князя Никиты была одна дочь княжна Марія, вышедшая за Петра Нечаева. Холмогоровъ въ исторіи села Хованскаго-Козмодемьянскаго говоритъ, что Марья Никитишна, была жена Петра Варфоломѣева Нечаева и продала это село Ал. Дан. Дурново [4].

Князь Василій Петровичъ Хованской, младшій сынъ князя Петра Ивановича Змѣя, какъ выше сказано, былъ морякъ и вышелъ въ отставку въ 1741 году. Онъ былъ женатъ дважды, вторымъ

---

[1] Холмогоровъ, Загородская десятина, стр. 69.
[2] Перен. книги г. Москвы т. I, стр. 516-520.
[3] Холмогоровъ, Вохонская десятина, стр. 108.
[4] Его же, Загородская десятина, стр. 69.

бракомъ на баронессѣ Екатеринѣ Петровнѣ Шафировой третьей и младшей дочери вице-канцлера барона Петра Павловича Шафирова и оставилъ семерыхъ сыновей и двухъ дочерей. Сыновья его были: Александръ, Петръ, Юрій, Михаилъ, Николай, Алексѣй и Василій. [1]

Дворъ князя Вас. Петровича въ Москвѣ въ концѣ 30-хъ годовъ XVIII столѣтія былъ въ приходѣ церкви Введенія Пресвятой Богородицы на Стрѣтенкѣ, въ длину имѣлъ 76 сажень, поперечины 37 сажень; въ межахъ направо былъ дворъ вдовы княгини Екатерины Александр. Долгоруковой, налѣво содержателя шелковой фабрики Ив. Мат. Евреинова. [2]

Къ князю же Василію Петровичу перешла и подмосковная Леоново, упоминавшаяся выше. О ней за 1722 годъ есть нѣсколько строкъ въ дневникѣ состоявшаго при герцогѣ Карлѣ-Фридрихѣ Голштинскомъ камеръ-юнкера Берхгольца, который жилъ въ этомъ Леоновѣ. Берхгольцъ передаетъ случай изъ жизни князя Василья Петровича, временъ его молодости, рисующій испорченность нрава его и друзей его и описываетъ ихъ кощунственныя безчинства. Онъ говоритъ: „...деревня Леоново, принадлежащая молодому князю Хованскому, зятю стараго барона Шафирова и находящаяся отъ Свирлова не болѣе, какъ въ пол-четверити мили. Свирлово принадлежитъ Нарышкину, который сжегъ Дерптъ; домъ его въ Свирловѣ украшенъ большею частью вещами награбленными въ Дерптѣ. Въ Свирловѣ жилъ Его Высочество. Въ Леоновѣ поселился тайный совѣтникъ Бассевичъ и камергеръ Совѣтникъ Альфельдъ... Его Высочество долженъ былъ употребить довольно значительную сумму на меблировку дома, который нашелъ совершенно пустымъ, безъ столовъ и стульевъ; но домъ въ Леоновѣ былъ въ надлежащимъ порядкѣ, потому что помѣщикъ самъ жилъ не далѣе какъ въ началѣ нынѣшняго лѣта. Кстати, продолжаетъ Берхгольцъ, раскажу здѣсь вкрацѣ нѣчто очень странное о Хованскомъ. Года два тому назадъ онъ какъ то пригласилъ къ себѣ въ одно изъ своихъ помѣстій нѣсколько молодыхъ русскихъ князей и дворянъ, въ числѣ которыхъ находился молодой князь Долгорукій, въ качествѣ унтеръ-офицера гвардіи, не разъ обѣдавшій въ Москвѣ при нашемъ дворѣ. Гости эти напоили его до безчувствія, одѣли какъ мертвеца и положили въ найденный ими

---

[1] Дѣло кн. Хованскихъ Арх. М. Двор. Деп. Собр. 1793 года № 95.

[2] Переписныя книги г. Москвы т. I, стр. 99. Въ 1748 году дворъ этотъ былъ заложенъ вдовой его княгиней Екат. Петр. Хованской. Сосѣди показаны: дворъ князя Бор. Серг. Голицына и подворье Макарьева Желтоводскаго монастыря, а по другую сторону та же фабрика Евреинова. [Акт. книги г. Москвы VII, 193].

тамъ настоящій гробъ; потомъ отнесли въ церковь, поставили передъ алтаремъ и совершили надъ нимъ всѣ употребительные у русскихъ похоронные обряды, но оскорбляющимъ религію образомъ... Покончивъ всѣ эти шалости, они ушли и оставили его въ гробу передъ алтаремъ, гдѣ онъ лежалъ до тѣхъ поръ, пока не пришли нѣкоторые изъ церковныхъ служителей и не вынесли его изъ церкви". Берхгольцъ говоритъ, что „самъ Хованской стыдился объявить о случившемся, да и охотно скрылъ бы все дѣло; но оно дошло до его тестя, вице-канцлера Шафирова, который тотчасъ принесъ жалобу Императору", т. е. Петру Великому „и довелъ до того, что всѣ виновные въ этомъ святотатствѣ были приговорены къ смерти; однако Государь на сей разъ смягчилъ приговоръ и приказалъ только жестоко наказать ихъ тѣлесно въ своемъ присутствіи". [1]

Принадлежало князю Василію Петровичу и село Вешки Симбирскаго уѣзда; что село это вѣроятно было населено раскольниками, видно изъ допроса одной изъ нихъ въ 1729 году Казанской Губернской Канцеляріею Симбирскаго уѣзда, именно Федосьи, Евдокимовой дочери, которая въ допросѣ показала: „вѣдаетъ, де, она въ Казанской губерніи въ разныхъ лѣсахъ со многими мужска и женска полу людьми три скита, въ которыхъ и она съ ними общее жительство равномѣрно имѣла, а именно: первой въ Керженцѣ Поповщинской, второй въ Симбирскомъ уѣздѣ по рѣчкѣ Тересѣ въ лѣсу, третей въ лѣсу жъ вотчины Богородицкаго монастыря, въ Свіяжскомъ уѣздѣ, близь деревни Харины, и живучи, де въ тѣхъ скитахъ святыхъ Тайнъ какъ Восточная церковь, по преданію святыхъ Апостоловъ и Богодуховенныхъ Отецъ, повелѣваетъ, не пріобщалась, а причащалась де и молитву творила, живучи въ тѣхъ скитахъ, по ихъ раскольническому ученію" [2].

Не о князя ли Василья Пертовича сыновьяхъ говорится въ слѣдующей резолюціи 23 ноября 1742 года Императрицы Елизаветы: „на прошеніе князя Хованскаго о выдачѣ сыновьямъ его, при отправленіи во Францію, на проѣздъ обоимъ по 200 руб. изъ Штатсъ Конторы" [3]; также въ письмѣ князя Ант. Дм. Кантеміра изъ Парижа 1743 мая къ Графу Мих. Лар. Воронцову въ

---

[1] Дневникъ Берхгольца II, стр. 244-6. По словамъ Берхгольца: во время этого пребыванія между Свирловымъ и Леоновымъ былъ устроенъ лагерь и стояли три роты „на очень веселомъ и пріятномъ мѣстѣ"; лагерь вышелъ очень хорошъ: „было очень много большихъ красивыхъ турецкихъ палатокъ взятыхъ большею частью у Меньшикова на время", Id. стр. 261.

[2] Мат. объ Арт. Волынскомъ Ч. И. О. Др., с. 117. № 26.

[3] Архивъ князя Воронцова т. 4, стр. 202.

Петербургъ съ упоминаніемъ: „письмо отправлено черезъ господъ князей Хованскихъ ко мнѣ дошло исправно, по которому я имъ не премину всѣ возможныя услуги являть“? [1] Эти Хованскіе пробыли за границей четыре года и вернулись въ 1746 году; 20 мая этого года состоялся высочайшій указъ о ихъ возвращеніи: „обрѣтающихся во Франціи дворянъ посольства князей Хованскихъ оттуда отозвать и велѣть имъ пріѣхать сюда“ [2].

Въ запискахъ Екатерины упоминается князь Георгій Хованской, за котораго вышла за мужъ принцесса Курляндская, поссорившаяся съ первымъ женихомъ своимъ Петромъ Салтыковымъ. За позволеніе выйти за Хованскаго принцесса, по словамъ Екатерины, она поцѣловала при всѣхъ руку Императрицы Елизаветы Петровны [3]. Князь Георгій одинъ изъ сыновей князя Вас. Петровича.

Пушкинъ, въ записанныхъ имъ анекдотахъ, передаетъ о третьемъ сынѣ князя Вас. Петровича Михаилѣ слѣдующее: „нѣкто кн. Х. [Мих. Вас. Хованскій], возвратясь изъ Парижа въ Москву, отличался невоздержанностью языка и при всякомъ случаѣ язвительно поносилъ Екатерину. Императрица велѣла сказать ему черезъ фельдмаршала графа Салтыкова, что за таковыя дерзости въ Парижѣ сажаютъ въ Бастилію, а у насъ рѣзали языки; что будучи отъ природы не жестока, она для такого бездѣльника, каковъ Х., нравъ свой перемѣнять не намѣрена; однако совѣтуетъ впредь быть осторожнѣе“ [4]. Замѣчательно, какъ передавалось изъ поколѣнія въ поколѣніе эта строптивость Хованскихъ!

Старшій сынъ князя Василья Петровича, князь Александръ, въ 1793 году подалъ въ Московское Дворянское Депутатское собраніе прошеніе и приложилъ родословіе, откуда видно, что у отца его было семь сыновей: онъ Александръ, Петръ, Юрій, Михаилъ, Николай, Алексѣй и Василій [5]; что дѣду его князю Петру Ивановичу братъ его, князь Иванъ Ивановичъ, отказалъ селенія Левоново и Колунтаево въ 1701 году [годъ смерти послѣдняго]. Въ 1758 году князь Александръ Васильевичъ вышелъ въ отставку „за ево болѣзнею“; въ 1793 года ему было 71 годъ [6]. На старой рукописной, мнѣ принадлежащей, копіи плана Московскаго

---

[1] Архивъ князя Воронцова т. I. стр. 361.

[2] Днев. доклад. Коллег. Иностр. Дѣлъ. Архивъ князя Воронцова т. 7, стр. 81.

[3] Записки Екатерины II, изд. Суворина, с. 344.

[4] Соч. Пушкина, ред. Ефремова, изд. Суворина, кн. V, стр. 178.

[5] См. родословіе князей Хованскихъ. Арх. Моск. Двор. Деп. Собр. № 65, 1793.

[6] Id. лл. 1, 6, 7, 20.

Чинъ и прозваніе дворянина въ томъ уѣздѣ имѣніемъ не движимымъ владѣющаго и его лѣта.	Холостъ или женатъ и на комъ или вдовъ.	Многоли дѣтей мужескаго или женскаго пола и ихъ имена или лѣта.	Сколько за нимъ по послѣдней ревизіи наслѣдственныхъ или купленныхъ или вновь пожалованныхъ или въ приданое полученныхъ обоего пола душъ нынѣ состоитъ и во сколькихъ сѣлахъ или деревняхъ.	Въ уѣздѣ ли живетъ тотъ дворянинъ или въ отлучкѣ.	Какого онъ чина.	Въ какой именно службѣ или въ отставкѣ.
Князь Александръ княжъ Васильевъ сынъ Хованской. 71 году.	Женатъ Графа Федора Ивановича Головина на дочери ево Аннѣ Федоровнѣ.	Дѣтей имѣю сыновей Князь Николая 34-хъ лѣтъ коннаго Резянскаго полка ротмистромъ. Князь Якова 27. Лейбъ гвардіи Преображенскаго полка Капитаномъ. Князь Григорій 26. Резанскаго полка секундъ маіоромъ. Князь Андрея 22 лѣтъ Резанскаго пѣхотнаго полку порутчикомъ. Дочь дѣвицу княжну Прасковею 35 лѣтъ.	Недвижимаго нынѣ имѣнія за мною не состоитъ кромѣ состоящаго здѣсь въ москвѣ собственнаго дома.	Жительство имѣю въ Москвѣ въ 10-й части.	Лейбъ Гвардіи Измайловскаго полка капитаномъ.	Нынѣ находится въ отставкѣ.

Къ сему формулярному списку Лейбъ Гвардіи Капитанъ Князь Александръ Княжъ Васильевъ сынъ Хованской руку приложилъ.

уѣзда, составленнаго инженеръ-маіоромъ Горихвостовымъ въ 1767 году, указаны подмосковныя его: село Леоново, а въ немъ 146 десятинъ 177 саженъ, крестьянъ 25 душъ и деревня Козеева — 205 десятинъ, 2313 саженъ, крестьянъ 25 душъ. Въ прошеніи своемъ князь Александръ Васильевичъ говоритъ, что въ 1787 году половина доставшихся ему селенія Леоново и Колунтаево была продана, а другая половина дана за его дочерью въ приданое; имя дочери его не указано.

Князь Александръ Васильевичъ былъ женатъ на графинѣ Аннѣ Федоровнѣ Головиной [упоминается въ Покровской записной книжкѣ] и имѣлъ четырехъ сыновей: Николая, Якова, Андрея [1] и Григорія. Послѣдній особенно интересенъ. Это поэтъ князь Григорій Александровичъ Хованской.

Князь Григорій Александровичъ приходился двоюроднымъ племянникомъ Мар. Андр. Шереметевой, мать его Анна Ѳедоровна, рожденная графиня Головина, упоминается въ Покровской записной книжкѣ; она скончалась 5 марта 1796 года, черезъ два года послѣ мужа. Сынъ ея князь Григорій родился въ 1767 году и служилъ въ Рязанскомъ пѣхотномъ полку; въ 1793 году онъ былъ маіоромъ. Три его стихотворенія были напечатаны, когда ему было 21 годъ, въ „Новыхъ ежемѣсячныхъ сочиненіяхъ“ 1788 года. Первое изданіе его стиховъ вышло въ 1793 году подъ заглавіемъ: „Мое праздное время, или собраніе нѣкоторыхъ мелкихъ сочиненій въ стихахъ“. Второе изданіе вышло въ 1795 году подъ заглавіемъ: „Жертва музамъ, или собраніе разныхъ сочиненій, подраженій и переводовъ въ стихахъ“ [2]. Оба изданія очень рѣдкія. Онъ сотрудничалъ у Крылова въ „Зрителѣ“ 1792 года, въ С.-Петербургскомъ „Меркуріѣ“ 1793 года и въ Аонидахъ 1796 года.

Митрополитъ Евгеній говоритъ, что это былъ „съ пылкими и скороспѣлыми дарованіями стихотворецъ“. Изъ его стиховъ лучшими признаются:

Ахъ луга, луга зелены
Гдѣ такъ часто я гулялъ...

Затѣмъ:

Долголь въ свѣтѣ одинокой
Мнѣ скитаться, слезы лить...

---

[1] Князь Андрей Александровичъ въ 1801 году просилъ Московское Дворянское Депутатское Собраніе дать ему свидѣтельство о дворянствѣ и указывалъ свое владѣніе: каменный домъ въ Москвѣ Яузской части и часть Костромской вотчины въ селѣ Залужье 260 душъ. [Арх. М. Двор. Деп. Собр. № 65 л.л. 47 и об.; 53 об.].

[2] Москва. Въ вольной типографіи А. Рѣшетника 1795.

И наконецъ:

Я вечеръ въ лугахъ гуляла
Грусть хотѣла разогнать...

стихотвореніе, которое очень любилъ князь П. А. Вяземскій. „Многіе ли знаютъ теперь, писалъ онъ, и рѣшительно никто уже не поетъ [1], прелестной пѣсни князя Хованскаго, котораго оплакивалъ Карамзинъ: „Друзья, Хованскаго не стало!“ Вотъ эта пѣсня:

Я вечеръ въ лугахъ гуляла
Грусть хотѣла разогнать,
И цвѣточковъ тамъ искала,
Чтобы къ милому послать.

Долго, долго я ходила.
Погасалъ ужъ солнца свѣтъ,
Всѣ цвѣточки находила,
Одного лишь нѣтъ, какъ нѣтъ.

И цвѣточка голубова
Я въ долинахъ не нашла,
Безъ цвѣточка дорогова
Я домой было пошла.

Шла домой съ душой унылой.
Недалеко отъ ручья
Вижу я цвѣточекъ милой,
Вмигъ его я сорвала.

Незабудочку сорвала;
Слезы покатились вдругъ.
Я вдохнула и сказала:
Не забудь меня мой другъ.

„Какъ много свѣжести и простосердечія въ этой идиліи!“ говоритъ князь Вяземскій [2].

Писалъ князь Г. А. Хованской стихи на семейныя темы и на политическія, напримѣръ: „Плачь на смерть отца моего, скончавша-

---

[1] Пѣсня эта сохранилась въ народѣ до нынѣ. Н. З. Пановъ недавно слышалъ ее на Шекснѣ въ Рыбинскомъ уѣздѣ, Ярославской губерніи.

[2] Полное собраніе сочиненій князя Вяземскаго VIII, стр. 326—7.

гося въ Москвѣ 17 іюня 1794 года“, или „Въ день рожденія Е. П. Х.“, или: „Посланіе къ дѣтямъ Николушкѣ и Грушенькѣ“; слѣдовательно у него былъ сынъ князь Николай и дочь княжна Еграфена; или напр. слѣдующій „Мадригалъ“, посвященный тремъ сестрицамъ К. Н. и А. Ал. Х:

Трехъ Грацій говорятъ
Старинны люди знали
Аглая, Талія и Ефрозина:
Но въ нашъ вѣкъ ихъ
Вотъ какъ именовали
Наталія, Елена, Катерина.

Послѣдняя не есть ли княжна Екатерина Николаевна Хованская, двоюродная сестра поэта, извѣстный портретъ которой принадлежатъ кисти Левицкаго? Написалъ князь Г. А. Хованской и „Стихи на миръ, заключенный между Россіей и Швеціей 3 августа 1790 года“. По поводу свадьбы великаго князя Александра Павловича у него есть стихотвореніе подъ заглавіемъ: „Гласъ Божій, гласъ народа. Пѣсня народная. На день бракосочетанія Его Высочества великаго князя Александра Павловича съ Великой Княжной Елизаветой Алексѣевной 28 сентября 1793 года“; вотъ отрывокъ:

Молодой слышь Царь женился,
Ой Жона Его Добра,
Баютъ что въ нею влюбился,
Слышь белѣе серебра.

Станемъ братцы веселится
Пить вино и рвать быковъ,
Надо до пьяна напиться
Чтобъ былъ Царь съ Жоной здоровъ.

Когда онъ умеръ, Карамзинъ написалъ стихи „На смерть Г. А. Хованскаго. Декабря 1, 1796“. Князь П. А. Вяземскій въ своемъ экземплярѣ I тома соч. Карамзина, находящемся въ Остафьевѣ, по поводу этой даты, отмѣтилъ „въ день рожденія Карамзина“.Въ этомъ стихотвореніи князь Г. А. Хованскій рисуется не столько, какъ талантливый поэтъ, сколько какъ добрый и вѣрующій человѣкъ; вотъ нѣсколько строкъ:

Друзья! Хованскаго не стало...

Блаженъ, кто жизнь свою кончая
Еще надеждою живетъ
И міръ покойно оставляя,
Безъ страха въ темный путь идетъ.

Друзья! такъ умеръ нашъ пріятель.
Онъ вѣрилъ, что есть Богъ сердецъ;
Онъ вѣрилъ, что міровъ Создатель
И здѣсь и тамъ для насъ Отецъ...

Ничѣмъ Хованскій не былъ славенъ,
Онъ былъ... лишь добрый человѣкъ,
Въ бесѣдахъ дружескихъ забавенъ,
И прожилъ безъ злодѣевъ вѣкъ.

Его не многіе хвалили:
Онъ всѣхъ охотно прославлялъ.

Богатство Крезовъ не имѣя,
Онъ добрымъ сердцемъ былъ богатъ;
Чѣмъ могъ, дѣлился не жалѣя,
Отдать послѣднее былъ радъ.

Изъ внуковъ князя Василія Петровича особенно выдѣлился боевой генералъ князь Николай Николаевичъ Хованской, сынъ князя Николая Васильевича и княгини Маріи Николаевны, урожденной Щепотьевой, упоминающихся въ Покровской записной книжкѣ и съ которыми у Шереметевыхъ слѣдовательно были близкія сношенія. Годъ рожденія его не извѣстенъ. Біографическій очеркъ съ портретомъ, составленный подъ наблюденіемъ Михайловскаго-Данилевскаго въ изданіи Военной галлереи Зимняго дворца говоритъ, что онъ родился около 1777 года, но онъ родился раньше, ибо отецъ его скончался 11 мая 1775 года; изъ этого очерка узнаемъ подробности его жизни.

Въ 1791 году, еще будучи малолѣтнимъ, онъ былъ записанъ въ л. гв. Преображенскій полкъ, а въ 1793 году былъ выпущенъ поручикомъ въ армію съ назначеніемъ флигель-адъютантомъ къ Московскому тогда главнокомандующему, князю Юрію Влад. Долгорукову, участнику боя подъ Чесмой. Въ 1796 году онъ былъ произведенъ въ секундъ-маіоры и опредѣленъ въ 8-й Московскій

полевой баталіонъ. Съ воцареніемъ Императора Павла, 18 ноября того же года, онъ былъ переведенъ изъ Москвы въ Ревельскій мушкетерскій полкъ маіоромъ. Въ 1799 году 22 декабря произведенъ въ подполковники. Въ 1803 году 9 ноября опредѣленъ въ Таврическій Гренадерскій полкъ [1].

Первая война, въ которой онъ принялъ участіе, была война 1805 года. Онъ былъ въ бою подъ Аустерлицемъ состоялъ въ корпусѣ Бенингсена и получилъ за участіе въ этомъ сраженіи Владиміра 4 степени. Затѣмъ, будучи подъ начальствомъ князя Голицына, онъ участвовалъ въ битвѣ у Голлимина и былъ поименованъ „въ числѣ наиболѣе отличившихся“. Въ январѣ 1807 года, въ двухъ дневномъ бою при Прейсишъ-Элау, ему пришлось замѣнить командира полка Жемчужникова, который былъ раненъ. За Прейсишъ-Элау князь Н. Н. Хованской получилъ Георгія 4 класса. Послѣ того онъ былъ переведенъ въ Перновскій мушкетерскій полкъ и участвовалъ въ славномъ дѣлѣ Перновцевъ, въ сраженіи при Гейльбергѣ, за что получилъ Анну 2 степени. Черезъ три дня послѣ этого, участвуя 29 іюля въ бою подъ Фридландомъ и командуя Московскимъ Гренадерскимъ, а также Ростовскимъ и Псковскимъ мушкетерными полками, онъ былъ раненъ пулею въ лѣвую руку. Заключенный вскорѣ Тильзитскій миръ пріостановилъ военныя дѣйствія и князь Хованской ушелъ съ полками въ Россію. Императоръ Александръ I назначилъ его шефомъ Днѣпровскаго мушкетерскаго полка; кромѣ того ему была дана аренда на 12 лѣтъ по тысячѣ рублей въ годъ.

Въ 1809 году онъ вновь принимаетъ участіе въ открывшихся военныхъ дѣйствіяхъ противъ Австрійцевъ и затѣмъ противъ турокъ; ходилъ со своимъ Днѣпровскимъ полкомъ въ Галицію, гдѣ былъ подъ начальствомъ князя С. Ѳ. Голицына и за участіе во взятіи Базаржика получилъ генералъ-маіора. Затѣмъ былъ при блокадѣ Варны, за что получилъ Владиміра 3 степени. Особенно отличился въ томъ же году въ жаркомъ дѣлѣ подъ Шумлой, выбивая непріятельскій гарнизонъ, за что получилъ золотую шпагу, усыпанную алмазами съ надписью „за храбрость“.

26 августа участвовалъ въ пораженіи турокъ подъ Батинымъ и былъ раненъ пулею въ правую ногу, за что получилъ

---

[1] Сестра его, княжна Екатерина Николаевна, извѣстна по превосходному портрету Левицкаго, находящемуся въ Петергофскомъ дворцѣ, на которомъ она изображена танцующею вмѣстѣ съ Е. Н. Хрущевой. Въ 1786 году она вышла за князя Ю. А. Нелединскаго-Мелецкаго, статсъ-секретаря Императора Павла. Очень любила театръ, скончалась въ 1813 году.

Аннинскую ленту. Вскорѣ затѣмъ возвратился изъ за Дуная и пошелъ съ полками на Волынь, куда стягивались войска по случаю грозившаго вторженія въ Россію Наполеона; въ это время онъ командовалъ бригадой, состоявшей изъ пѣхотныхъ полковъ Днѣпровскаго и Костромскаго.

Когда наступилъ 1812 годъ, въ мартѣ онъ былъ назначенъ въ третью обсерваціонную армію Тормасова, гдѣ командовалъ резервомъ, состоявшемъ изъ шести баталіоновъ пѣхоты и 24 орудій; ему удалось 15 іюля одержать первую побѣду надъ непріятелемъ при Кобринѣ. Затѣмъ онъ былъ назначенъ въ боевой корпусъ ген.-лейт. Войнова и находился въ движеніи противъ Австрійцевъ, участвуя въ сраженіи у селенія Стахова подъ начальствомъ Сабанеева противъ маршаловъ Нея и Удино, откуда съ главными силами Чичагова ходилъ къ Вильнѣ, куда прибылъ 29 ноября. Въ декабрѣ 1812 года перешелъ Неманъ, оставаясь въ герцогствѣ Варшавскомъ до іюля слѣдующаго года.

Въ 1813 году былъ назначенъ командующимъ 12 пѣхотной дивизіи, находившейся въ арміи генерала Бенингсена; ходилъ въ Польшу, Силезію, Богемію и Саксонію, гдѣ 6 октября особенно отличился подъ Лейпцигомъ, взявъ приступомъ деревню Гольцгаузенъ; при этомъ, вытѣснивъ непріятеля, онъ блистательно отразилъ кавалерійскую аттаку, взявъ два непріятельскихъ орудія. На другой день вмѣстѣ съ 26 пѣхотной дивизіей Паскевича взялъ Гримское предмѣстье города. За эти два славныхъ дѣла 6 и 7 октября онъ получилъ Георгія 3 класса. Черезъ недѣлю поступилъ вмѣстѣ со своею дивизіей въ корпусъ графа Строгонова, назначеннаго на усиленіе сѣверной арміи.

Въ 1814 году участвовалъ въ походѣ къ Рейну, гдѣ вмѣстѣ съ нашими войсками выдержалъ между Краономъ и Дреномъ напоръ Французской арміи; затѣмъ былъ назначенъ въ распоряженіе графа Воронцова и ходилъ съ нимъ черезъ деревню Класси на дорогу, ведущую въ Авази, чтобы тревожить лѣвое крыло французовъ; это было въ одинадцать часовъ утра, а въ четыре часа дня онъ былъ аттакованъ непріятелемъ въ Класси и, не смотря на упорное сопротивленіе, долженъ былъ уступить превосходству вражескихъ силъ. Послѣ этого онъ былъ въ корпусѣ Винцингероде, съ которымъ ходилъ на Реймсъ, а затѣмъ подъ начальствомъ графа Воронцова слѣдовалъ къ Шалону и на Парижъ; но не доходя Парижа, сдалъ свою дивизію генералу-маіору Желтухину 1-му. Передъ возвращеніемъ въ Россію былъ назначенъ командующимъ 23 пѣхотной дивизіей въ 4 пѣхотной корпусъ Раевскаго; 30 августа былъ произведенъ въ генералъ-лейтенанты,

а 1 сентября пересталъ считаться шефомъ Днѣпровскаго полка. За походъ 1814 года былъ награжденъ Владиміромъ 2-й степени.

Въ продолженіе семи послѣдующихъ лѣтъ онъ командовалъ той же 23 дивизіей, до 1821 года, когда былъ назначенъ въ Сенатъ. Въ 1823 году состоялось его назначеніе генералъ-губернаторомъ въ губерніи Витебскую, Могилевскую и Смоленскую. Въ коронацію Императора Николая Павловича 23 августа 1826 года получилъ Александра Невскаго, а черезъ два года 25 іюня 1828 года былъ произведенъ въ генералы отъ инфантеріи. Въ 1830 году 12 апрѣля получилъ алмазныя знаки Александра Невскаго, въ 1832 году Владиміра 1-й степени. Въ 1836 году былъ назначенъ членомъ государственнаго совѣта, въ которомъ пробылъ не долго. Послѣ многолѣтнихъ военныхъ трудовъ, онъ чувствовалъ изнуреніе силъ, хотя и не былъ въ то время особенно старъ. Онъ былъ женатъ на Вильгельминѣ Ивановнѣ Липгардтъ. Скончался онъ около 62 лѣтъ отъ роду 20 ноября 1837 года [1] и похороненъ на Тихвинскомъ кладбищѣ Александро-Невской лавры [2].

Братъ его князь Александръ Николаевичъ Хованской родился 4 іюня 1771 года; въ 1785 году былъ зачисленъ въ Преображенскій полкъ сержантомъ; въ 1793 году произведенъ въ прапорщики, пожалованъ въ камеръ-юнкеры и назначенъ ко двору великаго князя Александра Павловича; съ 1796 года началъ службу въ государственномъ банкѣ. Почему то въ 1800 году по Высочайшему повелѣнію выбылъ изъ банка и поселился въ деревнѣ, но въ томъ же году снова былъ призванъ на службу. Въ 1803 году сдѣланъ камергеромъ. Въ 1816 году назначенъ управляющимъ всѣми отдѣлами Государственнаго ассигнаціоннаго банка. Въ 1818 году назначенъ управляющимъ экспедиціи заготовленія государственныхъ бумагъ; поэтому подпись его въ продолженіи многихъ лѣтъ печаталась на бумажныхъ деньгахъ того времени. Поэтому Гоголь въ „Мертвыхъ душахъ“, говоря о денежныхъ бумажкахъ, называетъ ихъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ „рекомендательными письмами за подписью князя Хованскаго“, дѣйствіе которыхъ было всегда успѣшно. Въ 1826 году князь А. Н. Хованской былъ назначенъ въ сенатъ, а въ 1831 получилъ рескриптъ съ изъявленіемъ монаршей признательности за службу и особое порученіе. Въ 1850 году вышелъ въ отставку. Скончался 5 февраля 1857 года [4].

---

[1] Петру Владиміровичу Шереметеву онъ приходился троюроднымъ братомъ.
[2] Петербургскій некрополь, стр. 140.
[3] Старикъ въ селѣ Хованскомъ Звенигородскаго уѣзда говорилъ мнѣ, что село это принадлежало князю Хованскому, который „въ Петербургѣ подписывалъ деньги“, слѣд. князю Александру Николаевичу, но это требуетъ провѣрки.
[4] Русскій біограф. словарь, Фабери-Цявловскій, стр. 372.

Сынъ князя Алексѣя Васильевича Хованскаго [1], князь Василій Алексѣевичъ, въ 1793 году былъ въ Кіевѣ вице-губернаторомъ и извѣстенъ тѣмъ, что ввелъ въ губерніи производство фаянса и фарфора. Вигель въ своихъ воспоминаніяхъ упоминаетъ о Кіевскомъ вицѣ-губернаторѣ, девяностыхъ годовъ XVIII столѣтія князѣ Х., женатомъ на Нарышкиной; это очевидно онъ, князь Василій Алексѣевичъ Хованской, женатый на Екатеринѣ Петровнѣ Нарышкиной; по словамъ Вигеля онъ много путешествовалъ по Европѣ и зналъ иностранные языки, былъ славный музыкантъ, мастеръ танцовать, и брался о всемъ судить, но въ рѣчахъ его Кіевляне скоро увидали пустословіе, въ поступкахъ вѣтренность и тщеславіе, семейная нравственность его была низкая; зато не находитъ словъ Вигель для описаніе добрыхъ качествъ его жены, бывшей полной противоположностью мужу: она была тиха, скромна, малорѣчива, одѣвалась просто, отличалась любезностью ума, кротостью нрава и святостью дѣяній, много терпѣла отъ мужа и въ 1795 году угасла въ чахоткѣ. У нихъ было три дочери: старшая Наталія, по словамъ Вигеля „была умна, съ лицомъ весьма пріятнымъ; маленькая спѣсь, насмѣшливость и уже тогда было замѣтно, что она, подобно отцу своему, будетъ любить все житейское“; средняя была „общее мѣстное“, а меньшая Софія была вылитая мать; это былъ „ангелъ, тоненькое, эфирное созданіе съ прекраснымъ личикомъ и манящими взорами“. Сравнивая трехъ сестеръ Вигель говоритъ, что старшая походила на „молодую вакханочку, еще удерживаемую стыдомъ“, средняя была „гномъ“, а младшая „совершенная сильфида“. Въ 1797 году при Императорѣ Павлѣ отецъ ихъ, князь Василій Алексѣевичъ, былъ сдѣланъ оберъ прокуроромъ, но черезъ два года почему то высланъ изъ Петербурга на жительство въ Симбирскъ [2]. Затѣмъ онъ переселился въ Москву.

Вѣроятно о дочеряхъ его упоминаетъ въ письмахъ своихъ Марія Сем. Бахметева къ сестрѣ своей Аннѣ Сем. Шереметевой, когда говоритъ о княжнахъ Хованскихъ, ѣзжавшихъ въ домъ графа А. Г. Орлова-Чесменскаго; 30 сентября 1802 года она писала сестрѣ: „забыла сказать, что въ графское рожденіе и на другой день были на вечерѣ Хованскіе и Сокоревы, которыя непремѣнно желали быть въѣжжи въ домъ. Хованскіе говорятъ, что имъ многіе завидуютъ, что они сюда ѣздятъ и не знаютъ многіе какъ начать знакомство“ [3]. Въ 1808 году она же писала:

---

[1] Князь Алексѣй Васильевичъ гащивалъ въ Дугинѣ у графа П. И. Панина. Сыновья его учились за границей, жили въ Лейденѣ; о нихъ цѣлая переписка въ Архивѣ кн. Куракина.

[2] У дѣда его, князя Василья Петровича, была вышеупомянутая Симбирская вотчина село Вешки, вѣроятно ему доставшаяся.

[3] Архивъ села Михайловскаго стр. 162.

„въ воскресенье здѣсь обѣдало около 40 человѣкъ..., а в вечеру пріѣхали Сокоревы и княжны Хованскія и ужинали. Все играли на клавикордахъ, пѣли и потомъ въ фанты играли“ [1].

Княжна Наталья родилась 7 мая 1785 года. Не ей ли посвящено стихотвореніе Пушкина „Княжнѣ Хованской“? Черты тѣ же, что нарисованы Вигелемъ:

. . . . . .
Есть богъ другой, земнаго круга
Ему послушна красота:
Онъ—богъ Парни, Тибулла, Мура,
Имъ мучусь, имъ утѣшенъ я;
Онъ весь въ тебѣ—ты мать Амура,
Ты богородица моя.

Княжна Нат. Вас. Хованская вышла за Александра Яковлевича Булгакова, Прасковья Васильевна за Василья Александровича Обрѣзкова, младшая же княжна, Софія Васильевна, родившаяся 2 мая 1788 года, вышла за Прокопія Ѳедоровича Соковнина. Вигель говоритъ, что женихъ ея былъ „красивый благородный юноша, который страстно любилъ ее“, но, какъ и мать ея, она скоро умерла, 24 лѣтъ, 22 мая 1812 года, а вслѣдъ за ней умеръ и мужъ ея [2]. Это родители графини Софьи Прокофьевны Бобринской, урожденной Соковниковой. Портреты ихъ сохранились [3]. Покойный графъ Алексѣй Васильевичъ Бобринской всегда говорилъ о родствѣ своемъ съ Хованскими.

Князь П. А. Вяземскій въ своей „Старой записной книжкѣ“, разсказываетъ, что въ критическія дни, предшествовавшіе сдачѣ Москвы, у князя Хованскаго каждый вечеръ „собиралось довольно пустое общество“, куда ѣзжалъ между прочимъ графъ Ростопчинъ и что это легкомысліе Карамзинъ ставилъ ему въ вину [4]. Домъ этого Хованскаго былъ въ Знаменскомъ переулкѣ, а до него владѣлъ имъ Ал. Аф. Столыпинъ, у котораго былъ свой театръ; въ 1812 году домъ этотъ не горѣлъ. Князь Хованской продалъ его князю Трубецкому по слѣдующему поводу, разсказанному княземъ Вяземскимъ: „по сосѣдству съ нимъ былъ домъ князя Андрея Ивановича Вяземскаго, у Колымажнаго двора. Когда князь скончался, на отпѣваніе приглашенъ былъ Московскій викарій. По ошибкѣ пріѣхалъ онъ въ домъ Хованскаго и, увидѣвъ князя,

[1] Id. стр. 197.
[2] Воспоминанія Ф. Ф. Вигеля, I, 52—59.
[3] Находятся у графа А. А. Бобринскаго; въ домовомъ архивѣ графа Алексѣя Алексѣевича сохраняются также старые документы князей Хованскихъ, изученіе которыхъ весьма желательно.
[4] Сочин. кн. Вяземскаго, VII, стр. 83.

сказалъ онъ ему: „Какъ я радъ князь, что встрѣчаю Васъ, а я думалъ, что приглашенъ въ домъ вашъ для печальнаго обряда". Хованскій былъ очень суевѣренъ и вовсе не располагался умирать. Онъ не взлюбилъ дома своего и поспѣшилъ продать его при первомъ удобномъ случаѣ" [1]. Въ указателѣ къ сочиненіямъ князя Вяземскаго сказано, что это князь Василій Алексѣевичъ Хованской, слѣдовательно сынъ князя Алексѣя Васильевича, но быть можетъ это братъ его, князь Петръ Алексѣевичъ. Что это такъ, наводитъ на мысль то обстоятельство, что приходъ князя Петра Алексѣевича былъ въ церковь Знаменія на Знаменкѣ, ибо въ этой церкви хранятся метрики его дѣтей. Въ 1818 году онъ внесъ сыновей своихъ князей Василія, Алексѣя и Александра въ книги Московскаго Дворянства [2]; къ прошенію приложены метрическія ихъ свидѣтельства, откуда видно, что въ метрическихъ книгахъ этой церкви отъ 1802 года записано: „генваря 31-го у господина Коллежскаго Совѣтника Князя Петра Алексѣевича Хованскаго родился сынъ Василій. Крещенъ 11-го дня февраля. Воспріемники были: Господинъ Генералъ-Фельдмаршалъ Графъ Иванъ Петровичъ Салтыковъ и княгиня Софья Ефимовна Хованская" [3].

Въ метрическихъ книгахъ Николаевской въ Плотникахъ церкви 1808-го года: февраля 21-го въ домѣ господъ дѣвицъ Вельяминовыхъ у живущаго Полковника Князь Петра Алексѣевича Хованскаго родился сынъ Алексѣй крещенъ Марта 12-го. Воспріемники были: Генералъ-Лейтенантъ и Ковалеръ князь Ѳедоръ Сергѣевичъ Барятинскій и дѣйствительнаго Камергера и Кавалера Всеволода Андреевича Всеволжскаго супруга Елизавета Никитишна Всеволжская": [4]

Въ метрическихъ книгахъ Знаменской на Знаменкѣ церкви 1809 года: „декабря 6-го у коллежскаго Совѣтника князъ Петра Алексѣевича Хованскаго родился сынъ Александръ, крещенъ того жъ мѣсяца 11-го дня; воспріемникомъ былъ Государь Императоръ Александръ Павловичъ, а вмѣсто его Дѣйствительный Оберъ Камергеръ призныхъ орденовъ Кавалеръ Александръ Львовичъ Нарышкинъ" [5].

Въ январѣ 1814 года князь Петръ Алексѣевичъ Хованской, отецъ этихъ троихъ дѣтей, писалъ Фавсту Петр. Макеровскому,

[1] Id. стр. 394. Кн. В. А. Хованской и кн. А. И. Вяземскій были троюродные братья: бабушки ихъ были сестры, Шафировы.

[2] Архивъ Московскаго Дворянства № 65 доказательство о дворянствѣ князей Хованскихъ 1793 года стр. 60.

[3] № метрики 4672.

[4] № 4673.

[5] № 4674.

зовя его пріѣхать въ возраждающую послѣ французскаго нашествія Москву: „письмо ваше, пущенное отъ 22 декабря прошлаго года, я имѣлъ честь получить... Пора вамъ и къ намъ пріѣхать. У насъ здѣсь какія веселости въ Москвѣ, то спектакли, то маскарады. Въ новый годъ у Позднякова въ маскарадѣ было до 1500 человѣкъ. Я самъ не былъ, но сказываютъ, что до четырехъ часовъ утра пробыли. И такъ видите, что Бонашка, какъ ни старался Москву въ ничтожество привести, но не могъ въ оном успѣть, и ему кажется она солона будетъ“ [1].

Вышеупомянутый братъ его, князь Василій Алексѣевичъ, былъ избранъ Московскимъ уѣзднымъ предводителемъ дворянства, а въ 1823 году сдѣланъ Сенаторомъ. Онъ былъ женатъ дважды: первымъ бракомъ, какъ уже сказано, на Е. П. Нарышкиной, скончавшейся въ 1795 году и вторымъ—на Еленѣ Васильевнѣ, ур. Толстой. Онъ скончался въ 1830 году. У вдовы его, княгини Елены Васильевны, еще въ 1855 году сохранились земли въ Волоколамскомъ уѣздѣ: сельцо Кельичъ Островъ на Зубцовскомъ трактѣ [2] и деревня Юрьевская, а также сельцо Федьково въ Рузскомъ уѣздѣ и въ Подольскомъ — деревня Лапшиково и сельцо Бараново [3].

Младшій сынъ князя Петра Алексѣевича князь Александръ Петровичъ Хованской, котораго многіе еще помнятъ; онъ былъ женатъ трижды:

1. На княжнѣ Вѣрѣ Александровнѣ Хилковой [† 3 февраля 1843 года].
2. На Евдокіи Ивановнѣ Муравьевой-Апостолъ [† 1850].
3. На княжнѣ Аннѣ Сергѣевнѣ Щербатовой.

По словамъ лицъ его знавшихъ, онъ былъ маленькій, сѣденькій, женатый въ то время на княжнѣ Щербатовой, которая также была небольшаго роста, толстенькая, рыжеватенькая; у нихъ былъ домъ на Арбатѣ. Съ нимъ, по словамъ В. П. Костромитиновой, видался Вас. Серг. Шереметевъ, который считалъ его „borné“; онъ приходился ему дальнимъ, четвероюроднымъ, дядюшкой.

---

[1] Щукинскій сборникъ, выпускъ 6, стр. 292.

[2] Въ одномъ изъ писемъ Бориса Сергѣевича Шереметева къ Екатеринѣ Васильевнѣ Шереметевой упомпнаются пріѣхавшіе лѣтомъ 1861 года въ село Волочаново „Безобразовъ съ внукомъ своимъ княземъ Хованскимъ“. [Письмо Б. С. Шереметева къ Е. В. Шереметевой 1836-1864. Письмо 2 августа 1861 года Волочановскій архивъ].

[3] Нистремъ, указаній селеній Моск. губ. стр. 306, 336, 678, 856, 889. Въ Рузскомъ уѣздѣ есть село Горбово-Хованское, которое принадлежало ей же.

Сношенія съ Хованскими держались въ нашей семьѣ: въ 20-хъ годахъ XIX столѣтія въ Кусковѣ часто бывалъ одинъ князь Хованской, старикъ, пріятель графа Н. П. Шереметева; про него Екатерина Сергѣевна Шереметева разсказывала, что онъ всегда очень восторгался Кусковымъ п, садясь за столъ въ столовой съ видомъ на воду, неизмѣнно повторялъ фразу: „quel beau plafond!“ при этомъ вздыхалъ и затѣмъ прибавлялъ: „quelle belle piéce d'eau!“ [1]

Пора кончать этотъ разросшійся очеркъ. При изученіи исторіи рода князей Хованскихъ бросается въ глаза, что въ теченіи нѣсколькихъ вѣковъ ихъ какъ то особенно преслѣдуютъ неудачи и разнаго рода несчастія. Припомнимъ, что дочь князя Андрея Ѳедоровича Хованскаго, княжна Евфросинія, вышедшая замужъ за князя Андрея Ивановича Старицкаго, сына Ивана III, участвовала въ возстаніи своего мужа, бѣжала съ нимъ изъ Москвы, а затѣмъ была взята въ плѣнъ и посажена на Берсеневъ дворъ; князь же Иванъ Андреевичъ Хованской Кривой, ея братъ, послѣ этого неудачнаго возстанія былъ приговоренъ въ Москвѣ къ торговой казни. Въ XVII вѣкѣ князь Иванъ Андреевичъ Меньшой, взятъ Литовскими людьми и умеръ въ плѣну, въ Можайскѣ. Бояринъ князь Иванъ Никитичъ, одно время при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ попалъ въ опалу и былъ сосланъ въ Сибирь. Полный разгромъ постигъ Хованскихъ въ 1682 году „за великія вины и за многое воровство и за измѣну“ боярина князя Ивана Андреевича Тарарую, который вмѣстѣ съ сыномъ Андреемъ былъ казненъ въ селѣ Воздвиженскомъ; младшему же его сыну князю Ивану, также сказана смертная казнь; но онъ только былъ положенъ на плаху, а затѣмъ посланъ въ ссылку; другой сынъ Тарарую, бояринъ князь Петръ, взятъ въ опалу, написанъ въ дворяне и посланъ въ ссылку, сначала въ монастырь, а потомъ въ свои деревни; Племянники Тарарую, дѣти боярина Ивана Никитича, также бояре, князь Иванъ и князь Петръ подверглись опалѣ, лишены боярства и написаны въ дворяне. Князь Иванъ при Петрѣ Великомъ хотя и получилъ вновь боярство, равно какъ и братъ его, но замѣшанный въ дѣло книгописца Талицкаго, схваченъ и умеръ подъ карауломъ. Сынъ его брата, князя Петра Змѣя, князь Андрей Петровичъ, посланный въ числѣ многихъ другихъ знатныхъ молодыхъ людей за

[1] Это вѣроятно князь Петръ Алексѣевичъ Хованской, учившійся въ Лейденѣ. Екатерина Сергѣевна Шереметева родилась въ 1813 году и въ дѣтствѣ своемъ жила въ Кусковѣ.

море, для изученія навигацкой науки, проплавалъ пять лѣтъ, но при самомъ возвращеніи домой, неожиданно умираетъ въ 1713 году, едва достигнувъ берега въ Ревелѣ, гдѣ и похороненъ; у этого князя Андрея Петровича, кромѣ дочери остается сынъ Никита, который въ царствованіи Елизаветы Петровны привлеченъ за ябедничество, а за дерзкія слова объ императрицѣ битъ плетьми и сосланъ въ монастырь. Въ то же царствованіе возбуждено дѣло о княжнѣ Дарьѣ Хованской, совращенной въ расколъ, которая умираетъ подъ стражей; все это свидѣтельства несчастій Хованскихъ.

Родъ Хованскихъ, по гербовнику старѣйшій княжескій родъ въ Россіи, весьма не многочисленный; многія линіи его очень коротки и пресѣклись.

Въ заключеніе выскажу пожеланіе: былъ бы очень счастливъ, если бы родословныя замѣтки эти, составившія предметъ сообщенія въ послѣднемъ засѣданіи историко-родословнаго общества, вызвали среди нашихъ родослововъ болѣе полную и обстоятельную исторію рода князей Хованскихъ, ибо весьма много матеріаловъ вовсе не тронуто.

Потомство Гедимина,

по родословной, поданной Князьями Иваномъ и Семеномъ Хованскими въ бывшій Розрядъ 2 марта 1682 года [1].

„У Великаго князя Владимера Кіевскаго, который просвѣтилъ Россійскую землю святымъ крещеніемъ, было двѣнадцать сыновъ. Первой Вышеславъ бездѣтенъ, второй Изяславъ, а у Изяслава сынъ Бречеславъ, а у Бречеслава сынъ Всеславъ, а у Всеслава сынъ Борисъ, а у Бориса сынъ Рогволодъ, а у Рогволода сынъ Ростиславъ, а у Ростислава сынъ Давилъ, а у Давила сынъ Видъ, а люди звали ево Волкомъ, а у Вида сынъ Тройдемъ, а у Тройдема сынъ Витенъ, а у Витена сынъ Великій Князь Литовскій Гедининъ, а у него дѣтей было семь сыновъ.

Первой Гензадавидъ бездѣтенъ.

Второй Наримантъ, великій князь Литовскій, а у Нариманта сынъ князь Патрекей, а у князя Патрекея три сына. Первой князь Ѳедоръ Хованской, а отъ того пошли Хованскіе, второй князь Юрье, третей князь Александръ Карецкій.

Князь Ѳедоръ Хованской, князь Юрье, князь Александръ Карецкой пріѣхалъ изъ Литвы къ Москвѣ служити Великому князю Василью Дмитріевичу

Князь Ѳодоровъ сынъ Хованской князь Василей Хованской. У князь Василья дѣти Хованскаго: князь Иванъ, да князь Ѳедоръ Кривой. Князь Ивановы дѣти: князь Василей Лущиха, да князь Иванъ Ушатой. Князь Васильевы дети Лущихи четыре сына: первой князь Юрье бездѣтенъ, второй князь Петръ, третей князь Иванъ Харіакъ бездѣтенъ, четвертой князь Василій Овчина бездѣтенъ. А у князя Петра дѣти: князь Борисъ, да князь Андрей; а у князя Бориса Петровича сынъ князь Иванъ, а у князь Ивана сынъ князь Микита умре бездѣтенъ и то поколеніе князь Бориса Петровича пресѣклось. А у второго брата у князь Бориса, у князь Андрея Петровича четыре сына: первой князь Иванъ Андреевичъ большой, прозвище Балъ, умре бездѣтенъ, былъ въ боярехъ у царя

[1] Арх. Моск. Дворянства. Доказат. о дворянствѣ князей Хованскихъ 1794 года. № 65.

и великаго князя Михаила Ѳедоровича всеа Россіи Самодержеца; второй сынъ князь Микита, третей князь Иванъ меньшой, взяли ево въ полонъ Литовскіе люди въ Московское раззоренье и умре въ Можайскѣ въ полону, а былъ бездѣтенъ; четвертой князь Андрей. А у князь Микиты сынъ князь Иванъ Микитичъ, въ боярехъ у царя и великаго князя Алексѣя Михайловича всеа великія и малыя и бѣлыя Россіи Самодержца; а у князь Ивана Никитича дѣти: князь Иванъ, да князь Петръ; а у него сынъ князь Алексѣй. А у князя Андрея Андреевича дѣти три сына: князь Григорей, да князь Иванъ въ боярехъ у царя и Великаго князя Алексѣя Михайловича всеа великія и малыя и бѣлыя Россіи Самодержца, да князь Семенъ въ боярехъ у царя и великаго князя Ѳедора Алексѣевича всеа великія и малыя и бѣлыя Россіи Самодержца; а у перваго сына у князь Андреева у князь Григорья сынъ князь Семенъ Косой, а у князь Семена Косова одинъ сынъ князь Ѳедоръ; а у князь Ивана Андреевича четыре сына: первой князь Петръ въ боярехъ у царя и великаго князя Ѳедора Алексѣевича всеа великія и малыя и бѣлыя Россіи Самодержца, второй князя Василій умре бездѣтенъ, третей князь Андрей, четвертой князь Иванъ; у князь Петра Ивановича сынъ Андрей.

И то поколеніе влечется князь Ѳедора Патрикеевича отъ перваго сына князь Василья.

А у второго сына князь Василья Ѳедоровича у князь Ѳедора Кривова дѣти: два сына князь Андрей, да князь Василей, а у князь Андрея сынъ князь Иванъ Кривой бездѣтенъ и то поколѣніе пересѣклось.

А у другаго князя Ѳедорова сына у князь Василья дѣти два сына: князь Данило бездѣтенъ, да князь Дмитрей, а у князь Дмитрія сынъ князь Ѳедоръ, а князь Ѳедоровъ сынъ князь Иванъ Ѳедоровичъ въ боярехъ умре бездѣтенъ и то поколеніе пресѣклось.

А у второго князя Патрикѣева сына Наримантовича у князь Юрья дѣти: князь Василей, да князь Иванъ Юрьевичи. А у князь Василья Юрьевича дѣти: князь Иванъ Булгакъ, да князь Данило Щеня. Князь Ивановы дѣти Булгака: князь Иванъ Мошона бездѣтенъ. Да князь Михаила Голица. Да князь Андрей Курака. И Голицыны и Куракины поколѣнію своему сами принесутъ росписи. А у князь Данила Щеняти сынъ князь Михайла, а у князь Михайла дѣти Щенятева: князь Василей, да князь Петръ, оба бездѣтны и Щенятевыхъ поколеніе пресѣклось.

А у третьяго у Наримонтова сына у князь Александръ Карецкаго сынъ князь Семенъ. Князь Семеновы дѣти: князь Да-

нило, да князь Вологъ бездѣтенъ. Князь Даниловъ сынъ князь Богданъ. Князь Богдановъ сынъ князь Иванъ.

Третей Генутей Гедиминовичъ; Евнутьевъ сынъ Михайло, у Михайла сынъ Юрье, а у Юрья сынъ Иванъ, а у Ивана сынъ Михайло Изяславской, у Михайла сынъ князь Федоръ Мстиславской, пріѣхалъ къ Москвѣ служити Великому князю Василью Ивановичу; у князь Ѳедора сынъ князь Иванъ, а у князя Ивана Ѳедоровича дѣти: князь Ѳедоръ, да князь Василей, оба бездѣтны, тотъ родъ пресѣкся.

Четвертой сынъ Гедиминовъ Олгердъ, великій князь Литовскій; у него было двѣнадцать сыновъ: Первой князь Андрей Полоцки. Второй князь Дмитрій Трубецкой, отъ того пошли Трубецкія: а князь Дмитрія сынъ князь Михайла, а у князь Михайла дѣти: князь Семенъ, да князь Юрье, а о родствѣ своемъ они Трубецкіе принесутъ полную роспись. Третей сынъ Олгердовъ князь Константинъ Черторижской, а оть того пошли Черторижскіе. Четвертой сынъ Олгердовъ Володимеръ, а Володимеровъ сынъ Олелкъ, второй князь Иванъ Бѣлской, третей князь Андрей, бездѣтенъ; Алелковы дѣти: Семенъ да Михайло; у Семена сынъ Василей Пинской, отъ того пошли Пинскіе; Михайловъ сынъ Семенъ Слуцкой, отъ того пошли Слуцкіе, а князь Ивановы Володимеровича Бѣльскаго дѣти: князь Иванъ бездѣтенъ; князь Ѳедоровы дѣти Бѣльскова; князь Дмитрей былъ у великаго князя Василія Ивановича въ боярехъ, второй князь Иванъ бездѣтенъ, третей князь Семенъ бездѣтенъ, четвертой князь Григорей бездѣтенъ; а князь Дмитріевъ сынъ Ѳедоровича князь Иванъ Дмитріевичъ умре бездѣтенъ. Пятой Олгердовъ сынъ Карибутъ, отъ того пошли Вишневецкіе. Шестой Олгердовъ сынъ Ягела былъ королемъ Полскимъ, а на великомъ княженіи Литовскомъ посадилъ Витовта Кестутьевича, поколѣнье Ягелово. Короли польскія писаны въ родословцѣ по степени. Седьмой Олгердовъ сынъ Скрыгайло бездѣтенъ. Осмой Семенъ Лугвеней. Девятой Виголдъ бездѣтенъ. Десятой Киригайла бездѣтенъ. Первойнадесять Минигайло бездѣтенъ. Второй-надесять Швитригайло бездѣтенъ.

Пятаго сына Гедиминова Кестутья дѣти: первой Лугвеней, второй князь великій Витовтъ, третей Скаригайло, четвертой Жигимантъ, пятой Иримавитъ, шестой Швитригайло.

Шестой сынъ Гедимановъ Каріадъ, а у Каріада дѣти: Александръ, Константинъ, Ѳедоръ, тѣ всѣ бездѣтны; то поколѣніе пресѣклось въ Подольской земли.

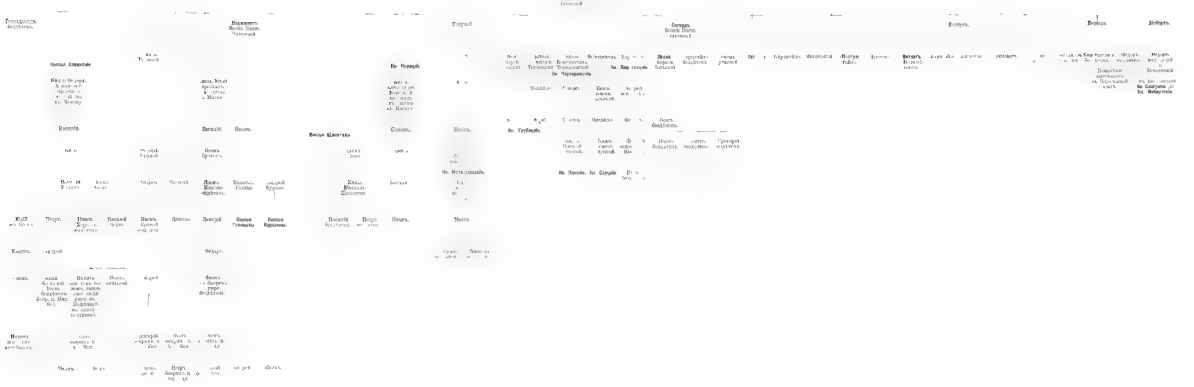
А седьмой сынъ Гедиминовъ Мобортъ, а Мобортовъ сынъ Ѳедоръ и отъ того пошли Санкушскія князи, да Мобортскіе кня-

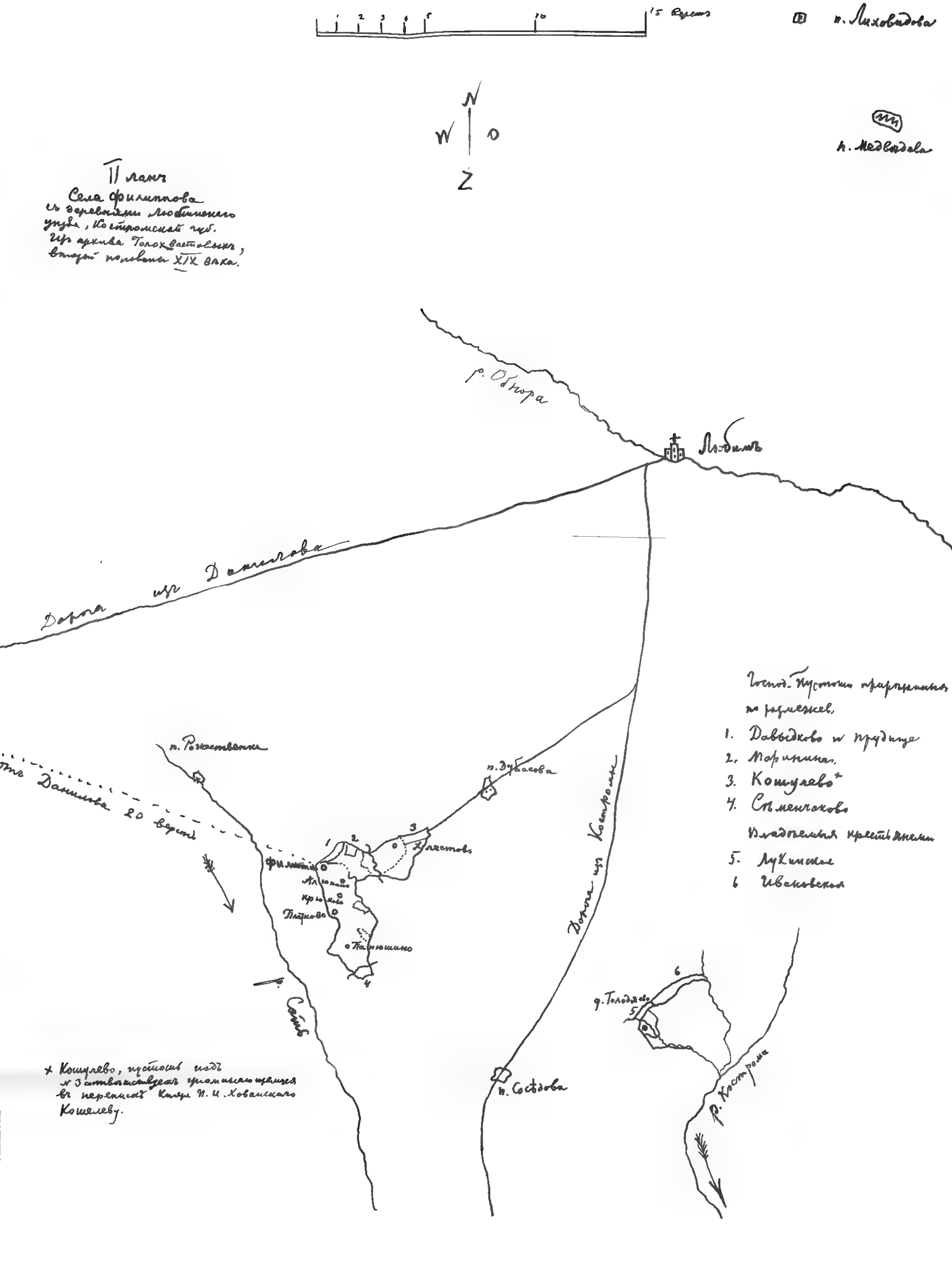
зи же. На оборотѣ подлинной поколѣнной росписи въ рукоприкладствѣ пишутъ тако:

Сію Родословную роспись князь Иванъ Хованской подписалъ своею рукою. Сію родословную роспись князь Семенъ Хованской подписалъ рукою своею.

На той же росписи помѣта такова: 190 года марта во 2-й день".

К родословной 2 марта 1682 года.





15 верстъ
п. Лиховидова
п. Медведева
N
W
O
Z
Планъ
Села Филиппова
съ деревнями Любимского
уѣзда, Костромской губ.
Изъ архива Толохвастовыхъ,
второй половины XIX вѣка.
р. Обнора
Любимъ
Дорога изъ Данилова
п. Рождественка
отъ Данилова 20 верстъ
п. Зубасова
Хлестово
Филиппово
Алешино
Крюкино
Пятково
Панюшино
р. Соть
Дорога изъ Костромы
д. Толодяево
р. Кострома
Господ. пустоши принадлежащія по размежев.
1. Давыдково и прудище
2. Маринина.
3. Кошулево*
4. Сѣменчаково
Владѣемыя крестьянами
5. Лукинская
6 Ивановская
* Кошулево, пустошь подъ № 3 соотвѣтствуетъ упоминающейся въ перепискѣ Князя П. И. Хованскаго Кошелеву.